

ВЫПУСК №1

2026

АНАХАРСИС

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

АНАХАРСИС

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

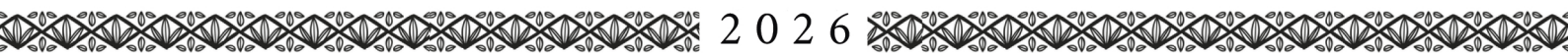

VOLUME № 1

ANACHARSIS

ANCIENT CIVILISATIONS OF EAST AND WEST

2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д.и.н. *С.В. Смирнов* (Москва)

Заместитель главного редактора к.и.н. *М.Н. Кириллова* (Москва)

к.и.н. *Б.Е. Александров* (Москва), к.и.н. *Н.С. Алмазова* (Москва),
д.ф.н. *Е.В. Антонец* (Москва), д.и.н. *Е.В. Вдовченков* (Москва), д.и.н. *А.Е. Де-
мидчик* (Санкт-Петербург), д.и.н. *С.Г. Карпюк* (Москва), к.иск. *Т.П. Киш-
бали* (Москва), д.и.н. *И.А. Ладынин* (Москва), к.и.н. *П.Н. Лебедев* (Москва),
к.и.н. *А.А. Немировский* (Москва), к.и.н. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург),
к.и.н. *А.В. Сафронов* (Москва), к.и.н. *А.М. Скворцов* (Санкт-Петербург),
д.ф.н. *А.И. Солопов* (Москва), д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва)

Ответственный секретарь к.и.н. *М.С. Апенко*

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Dr. *Svyatoslav Smirnov* (Moscow)

Deputy Editor-in-Chief Dr. *Maria Kirillova* (Moscow)

Dr. *Boris Alexandrov* (Moscow), Dr. *Natalia Almazova* (Moscow),
Dr. *Ekaterina Antonetz* (Moscow), Dr. *Evgeny Vdovchenkov* (Moscow), Dr. *Arkadiy
Demidchik* (Saint Petersburg), Dr. *Sergey Karpyuk* (Moscow), Dr. *Tamás
Kisbali* (Moscow), Dr. *Ivan Ladynin* (Moscow), Dr. *Pavel Lebedev* (Moscow),
Dr. *Alexandr Nemirovsky* (Moscow), Dr. *Aleksey Panteleev* (Saint-Petersburg),
Dr. *Alexander Safronov* (Moscow), Dr. *Artem Skvortsov* (Saint-Petersburg),
Dr. *Alexei Solopov* (Moscow), Dr. *Igor Surikov*

Editorial Secretary Dr. *Mikhail Apenko*

E-mail: anacharsis-red@yandex.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции.....	7
ПИСЬМЕННЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ	
<i>Александров Б.Е.</i> (Москва) – Мушкенумы в текстах из Мари: новые данные.....	10
<i>Мурашко А.Л.</i> (Краснодар), <i>Вдовченко Е.В.</i> (Москва) – «Чистые кладовые» в структуре храмовых комплексов позднединастического и птолемеевского Египта.....	55
<i>Криволапов Г.Л.</i> (Москва) – Язык <i>damnatio memoriae</i> в «Деяниях Божественного Августа»...	74
ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ	
<i>Дашкина А.Р.</i> (Москва) – Царская казна и поступления <i>inw/bzkw</i> : интерпретация терминов Нового царства.....	81
<i>Апенко М.С.</i> (Москва) – Локальные группы египетского жречества и их взаимодействие с режимом Птолемеев в III в. до н.э.....	90
<i>Даньшина С.А.</i> (Москва) – Практика династических браков в Центральном низменностях майя в VI–VIII вв.....	113
НАУКА О ДРЕВНОСТИ И ТЕ, КТО ЕЕ ИЗУЧАЮТ	
<i>Ладынин И.А.</i> (Москва) – Еще раз об эллинизме (к дискуссии последних десятилетий).....	126
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Поздняя ТРΩΙΚΑ для русского читателя: незавершенный проект О.В. Смыки.....	160
<i>Скворцов А.М.</i> (Санкт-Петербург) – Хрестоматия «Античный способ производства в источниках» (1933): история создания в изложении С.А. Жебелёва.....	179

CONTENTS

Editorial Page.....	7
WRITTEN AND MATERIAL MONUMENTS OF ANTIQUITY	
<i>Boris E. Alexandrov</i> (Moscow) – Muškēnums in the Mari Texts: New Evidence.....	10
<i>Alysa V. Murashko</i> (Krasnodar), <i>Evgeny V. Vdovchenkov</i> (Moscow) – The «Shena Wab» Within the Temple Complexes of Late Dynastic and Ptolemaic Egypt.....	55
<i>Gleb L. Krivolapov</i> (Moscow) – The Language of Damnatio Memoriae in <i>the Res Gestae Divi Augusti</i>	74
HISTORY OF ANCIENT SOCIETIES	
<i>Angelina R. Dashkina</i> (Moscow) – The Royal Treasury and Revenues <i>inw / b3kw</i> : an Interpretation of New Kingdom Terms.....	81
<i>Mikhail S. Apenko</i> (Moscow) – Local Groups of Egyptian Priesthood in Ptolemaic Egypt and Their Relations in the 3 rd Century BC.....	90
<i>Sophia A. Danshina</i> (Moscow) – Practice of Dynastic Marriages in The Central Maya Lowlands in the 6 th –8 th Centuries.....	113
THE SCIENCE OF ANTIQUITY AND THOSE WHO STUDY IT	
<i>Ivan A. Ladynin</i> (Moscow) – Once Again on Hellenism (on the Discussion of The Recent Decades).....	126
<i>Igor E. Surikov</i> (Moscow) – Late Τρωικα for Russian Readers: an Unfinished Project of O.V. Smyka.....	160
<i>Artem M. Skvortsov</i> (Moscow) – Sourcebook «The Ancient Mode of Production in Sources» (1933): The History of Its Creation as Presented by S.A. Zhebelev.....	179

«НУЖНЫ ЛИ МЫ НАМ?» ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К НОВОМУ ЖУРНАЛУ О ДРЕВНОСТИ

Настоящей публикацией мы открываем первый номер нового журнала, посвященного изучению древности, и во вступительном слове хотели бы рассказать о его концепции и тех обстоятельствах, которые сподвигли нас на его создание. «Анахарсис. Древние цивилизации Востока и Запада» – сетевое издание, учредителем которого выступает Институт всеобщей истории РАН. Это с одной стороны, отвечает духу времени, а с другой, открывает перспективы для развития цифрового формата публикаций о древности. В настоящий момент в России существует несколько журналов, в которых публикуются работы по истории и культуре древнего мира. В то же время, число специалистов в этой области, по сравнению с другими историческими дисциплинами, невелико. Нужно ли наше начинание коллегам?

Хотя в наши задачи не входит комплексный анализ развития науки о древности и прогнозы о ее перспективах, мы хотели бы обратить внимание на некоторые тенденции, реакцией на которые и стало появление настоящего журнала. Идея общемирового подхода к древней истории возникла еще в СССР, в конце 1930-х гг. В конце 1937 г. вышел первый номер старейшего специализированного журнала – «Вестника древней истории». «Наш журнал ставит своею целью изучение проблем древней истории. Мы интересуемся проблемами древней истории всех стран и народов Востока, Запада, Севера и Юга» – так написал в передовице А.С. Сванидзе, первый главный редактор журнала. Задачей было не только сделать марксистский журнал о древности, но и осветить древнюю историю широко, не ограничиваясь историей «Запада». Такой подход стал закономерным следствием марксистских представлений об историческом процессе и общественно-экономических формациях, которые проходит каждое общество. Впрочем, обращение к архивным документам показывает, что научное сообщество не было готово принять распространение понятия «древняя история». Приоритетной темой для журнала во многом оставалась разработка классической древности, дополненная темами, актуальными для истории территорий СССР.

Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, целью «Вестника древней истории» была конкуренция с «буржуазной наукой», за счет чего внимание сдвигалось в сторону античной истории. Европейская наука о древности была основана на изучении истории античности и классической филологии, а ее «деколонизация» началась только после Второй мировой войны, в силу новых общественных процессов. Во-вторых, на момент формирования в советской науке понятия «древний мир» многие цивилизации оставались

недостаточно изученными. Так, гордость отечественной науки – дешифровка письменности майя Ю.В. Кнорозовым – состоялась только в 1950-е гг., когда контуры советской науки уже были очерчены. В настоящее время изучение древних цивилизаций Нового света представляет собой динамичную междисциплинарную область, интегрированную в мировую науку. Однако, отечественные издания по истории древности представляют им ограниченные публикационные возможности.

Что современная наука включает в понятие «древняя история»? С нашей точки зрения, несмотря на отказ от попыток разработать социально-экономическое наполнение для древности как общественно-экономической формации, и отечественная, и зарубежная наука воспринимают древность как этап развития человечества, на котором формируются ключевые для последующих периодов социальные, политические и культурные явления. В то время как от первобытности древность отделяется периодом формирования первых цивилизаций, вопрос о границе между ней и Средневековьем более дискуссионный. Учитывая последние тенденции, для Западной Европы мы предлагаем относить к древности период вплоть до конца VIII в. н.э., когда римские социально-политические институты окончательно перерождаются. Для иных регионов мы придерживаемся более традиционных трактовок (падение династии Гуптов в Индии в VI в., распад Восточной Хань в 220 г.), но готовы рассмотреть и новые теоретические подходы.

Таким образом, наш журнал принимает широкий пространственно-временной диапазон для изучения древности. Исследование классической истории и филологии сохраняет ключевую роль: помимо того, что классическая античность была и остается важнейшей частью древнего мира, интерес к греко-римской литературе и истории сформировал как многие гуманитарные дисциплины, так и различные историко-культурные традиции, в том числе – российскую. Эта позиция отражена в названии журнала: имя «Анахарсис» носил легендарный скифский мудрец, образ которого сыграл значительную роль в формировании представлений об отечественной древности. Тематика кочевых культур и связанных с ними греческих колоний сделала памятники материального наследия, расположенные на территории России, и связанные с ними образы нарративной традиции, неотъемлемой частью российской культуры.

Современная наука о древности характеризуется возрождением интереса к дискуссиям о теоретических проблемах. К этому привели рефлексия над исследовательским опытом советского времени, более тесное знакомство с опытом иностранных коллег, и, наконец, влияние методологии других гуманитарных и общественных наук. Всякая историография, в том числе советская, пользуется категориями, предложенными в рамках конкретных философских направлений с характерными для них представлениями об обществе. В эпоху активного

развития антропологии, социологии и других дисциплин мы ожидаем более активное использование исследователями их инструментария.

Мы хотели бы анонсировать стремление нашего журнала к дисциплинарному расширению. Для истории древности всегда было характерно внимание к специальным историческим дисциплинам, однако и в этой области существуют традиционные рамки, которые можно было бы расширить. В частности, мы заинтересованы в широком академическом сотрудничестве различных специалистов: историков, археологов, филологов, искусствоведов. Особое место в нашем журнале отведено проблемам истории науки и рецепции древности. С большим вниманием мы следим и за развитием нового и перспективного направления в гуманитарной науке – Digital Humanities и всячески приветствуем публикации работ в рамках Digital Classics в нашем журнале.

Наблюдение за этими тенденциями в изучении древности привело нас к мысли о необходимости нового периодического издания, в котором они нашли бы поле для развития. Мы надеемся, что наш журнал найдет не только своих авторов, но и своих читателей, и станет пространством для обсуждения актуальных проблем истории и культуры древних обществ.

С.В. Смирнов

М.Н. Кириллова

ПИСЬМЕННЫЕ И ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНОСТИ

Anacharsis
1/1 (2026), 10–54
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 10–54
© The Author(s) 2026

DOI:

МУШКЕНУМЫ В ТЕКСТАХ ИЗ МАРИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ*

Б. Е. Александров

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

E-mail: boris_alexandrov@icloud.com

ORCID: 0000-0001-7295-0628

Аннотация: В статье рассматриваются новые аттестации аккадской лексемы *muškēnum* (досл. «склоняющийся ниц») в корпусе клинописных текстов из Мари (XVIII в. до н. э.). Эти аттестации, общим числом 27, происходят из 24 эпистолярных документов, впервые изданных или переизданных в период с 2013 по 2023 год. Как показывает изученный материал, слово *мушкенум* может быть задействовано в уже известных семантических оппозициях: мушкенумы противопоставляются дворцу, царям, сановникам, представителям племенной знати. Иногда мушкенумами называются лица, отличные от представителей рядового пастушеского населения («ханеев») и от некоторых категорий земледельцев («колодезных крестьян»). В корпусе присутствуют контексты, в которых слово *мушкенум* выступает функциональным эквивалентом словосочетания «граждане (такого-то) города». С определенной осторожностью можно утверждать, что лексема *мушкенум* отсылала прежде всего к свободному, независимому сельскому и городскому населению, владевшему землей вне государственного фонда и привлекавшемуся властями к различным повинностям. Вместе с тем некоторые представители группы мушкенумов могли вступать в более тесные отношения с государством: это выражалось в обработке дворцовых земель и выплате государству полагавшихся за это платежей. Стоит также отметить смысловой нюанс слова *мушкенум* – «рядовой, незнатный человек, простолюдин»: он возникал в контексте противопоставления свободных людей лицам более высокого ранга, представлявшим государственные или племенные потестарные структуры.

Ключевые слова: Древняя Месопотамия, старовавилонский период, аккадский язык, архивы Мари, царство Мари, социальная структура, мушкенумы

* *Данные об авторе.* Борис Евгеньевич Александров – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент ИКВиА НИУ ВШЭ. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-512-22002 «Разработка корпусного словаря старовавилонского диалекта аккадского языка»).

Первая часть исследования посвящена текстам из ARM XXXIII, XXXIV и FM XVIII, во второй части будут рассмотрены данные вышедшего в 2024 году ARM XXXV.

MUŠKĒNUMS IN THE MARI TEXTS: NEW EVIDENCE

Boris E. Alexandrov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: boris_alexandrov@icloud.com

ORCID: 0000-0001-7295-0628

Abstract: The article provides a survey of new attestations of the Akkadian word *muškēnum* (lit. ‘the one who bows down’) in the corpus of cuneiform texts from Mari archives (18th century B.C.). These attestations come from the epistolary documents edited or re-edited in 2013–2023. As the examined evidence shows, the word *muškēnum* can appear in semantic oppositions which are already well known: *muškēnum* can be opposed to the state (“palace”), kings, high officials, nobles and tribal leaders. Sometimes people called *muškēnum* form a special group different from pastoralists (*hanû*) and from certain categories of peasants (*dālû*, lit. ‘water drawers’). There are contexts in which this word is used as a functional equivalent of an expression “citizens of (such-and-such) town”. With due caution one can say that the term *muškēnum* designated primarily free, independent inhabitants of cities and villages owning land outside of the state sector and summoned by the authorities to different duties. At the same time some *muškēnums* could be connected to the state more closely: they cultivated the palace land paying for it to the state. It is also necessary to note a nuance ‘ordinary person, commoner’ that is proper to the meaning of the word *muškēnum*: it emerged in the situations when there was a need to oppose a free simple person to someone of a higher rank endowed with power and influence, be it an official or a tribal leader.

Keywords: Ancient Mesopotamia, Old Babylonian period, Akkadian language, Mari archives, the kingdom of Mari, social structure, *muškēnum*

Acknowledgements: RFBR no. 20-512-22002 (“Laying the groundwork for a corpus-based dictionary of Old Babylonian”)

ВВЕДЕНИЕ

На фоне других древних обществ Старого света социальные структуры древней Месопотамии выделяются благодаря своему значительному своеобразию. Например, в литературе отмечается особый характер месопотамской элиты: в отличие от Египта, Анатолии и ряда других регионов древнего мира в Месопотамии не сформировалось родовой аристократии¹. Крайне интересной оказывается организация месопотамского общества и на более низких ступенях социальной иерархии. Уже достаточно давно в науке ведутся споры о такой социальной группе как мушкенумы (*muškēnū*). Если в зарубежном востоковедении этот термин понимается как обозначение рядового населения, наделенного личной свободой (англ. commoners, фр. particuliers, gens du peuple, нем. Bürger)², то в отечественной науке, начиная с основополагающей работы И. М. Дьяконова³, в мушкенумах видят особую сословную группу, так называемых царских людей, зависимых от государства. В статьях начала

¹ Volkov 2017, 29–30.

² Ср. также перевод «простолюдин» в новейшей литературе на русском языке (Arkhipov 2017, 1059).

³ D'yakonov 1956.

2010-х годов автора данной работы к дискуссии был привлечен материал старовавилонских текстов из Мари и Шубат-Энлиля, который не укладывается в рамки дьяконовской концепции⁴. За прошедшие десять лет в научный оборот были введены новые тексты из Мари, в которых встречаются упоминания мушкенумов⁵. Их обзору и посвящена настоящая статья.

Текст статьи построен следующим образом. После введения, посвященного истории, историографии и этимологии слова *мушкенум*, приводятся тексты источников в переводе, снабженном необходимым комментарием. В следующей далее аналитической части разбираются основные признаки статуса мушкенумов, которые можно выделить на основе новых источников.

MUŠKĒNUM: ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ЭТИМОЛОГИЯ

Слово *мушкенум* встречается в клинописном корпусе уже начиная с III тысячелетия до н. э. В текстах на шумерском языке оно засвидетельствовано в форме MAŠ.EN.KAK, MAŠ.KAK (= *maš.kak.en)⁶. Предполагается, что эти написания отражают заимствованное из аккадского слово. Для реконструкции его древней формы III тысячелетия важное значение имеют данные двуязычного словаря из Эблы (XXIV в. до н. э.), где в качестве соответствий шумерскому вхождению maš-en-kak приведены формы *tu-sa-ga-i-ni-um* и *tu-su-<ga>i-ni-um* (VE 1306')⁷. Предполагаемая нормализация отражаемого ими слова – /*muškauyinum*/⁸. В более ранней литературе на основе другой этимологии, со вторым ларингалом в корне, предлагались также реконструкции *muška'inum* и *maška'en(um)*⁹, однако они не учитывают ряда особенностей ранней клинописной орфографии и поэтому должны быть признаны менее предпочтительными¹⁰. В целом тексты III тысячелетия недостаточно информативны, чтобы составить сколько-нибудь полное представление о том, кем были мушкенумы. В шумерском лексическом тексте раннединастического периода Lu E мушкенум (en-maš-dù) упоминается вслед за il, 'несущим'¹¹. Это произведение содержит список профессий, должностей и статусов, организованный по принципу

⁴ Alexandrov 2012a, 2012b.

⁵ Можно назвать следующие работы, в которых, начиная с 2013 года, издавались новые или переиздавались уже известные тексты из Мари (в алфавитно-хронологическом порядке): Chambon 2018; Charpin 2014, 2015, 2017, 2019, 2021; Durand 2014, 2016, 2019a, 2019b, 2020, 2023; Durand, Chambon 2018, 2023; Durand, Ziegler 2014; Guichard 2013, 2014a, 2014b, 2017, 2020; Reculeau 2018; Ziegler 2019, 2020, 2021, 2022, 2023.

⁶ Stol 1997, 492.

⁷ Pettinato 1982, 334.

⁸ Krebernik, Kogan 2021, 673.

⁹ Gelb 1957, 266; Weeden 2011, 35.

¹⁰ Так, клинописные знаки I и EN в ранней орфографии не могли передавать звук /ʔ/, но зато использовались для передачи /y/, /h/ и /ḥ/. На этот факт любезно обратил наше внимание Л. Е. Коган.

¹¹ См. Civil 1969, 19. Возможно, следует понимать «несущим повинность» (Stol 1997, 492).

убывания значимости. Всего он насчитывает 220 вхождений, каждое из которых занимает одну строку. В начале текста упомянуты такие персонажи как *ensi*₂, ‘энси’ (стк. 1), *sanga*, ‘жрец’ (стк. 2), *ugula*, ‘главный, надсмотрщик’ (стк. 4). Раб и рабыня занимают стк. 52 и 53. Мушкенум стоит ближе к концу текста (стк. 172). В других источниках III тысячелетия как на шумерском, так и на аккадском языке слово *мушкенум* встречается в качестве краткого определения, прибавляемого к личному имени человека. Также можно сделать вывод, что мушкенумами называлось подвластное царю население различных городов, что мушкенумы могли подчиняться чиновникам *šagina*, а также получать продуктовые пайки¹². Несмотря на скудость материала некоторые исследователи считают возможным на основе аналогий с более поздними периодами говорить о мушкенумах уже раннединастического времени как об одной из страт трехчастной социальной структуры месопотамского общества, которая, как при этом утверждается, зародилась в Северной Месопотамии, откуда потом распространилась на юг¹³.

С рубежа III–II тысячелетий до н. э. источников становится больше, а их информативность возрастает. Важное место среди них принадлежит памятникам царского законодательства (законы из Эшнунны, законы Хаммурапи, указ Аммицадуки). В этих документах мушкенумы выделены в особую группу, противопоставленную таким категориям населения как *авилумы* (*awīlum*) и рабы-вардумы (*wardum*). Именно на основе этих данных возникла концепция, согласно которой мушкенумы – особое сословие зависимых людей, не имевших собственной земли и получавших земельные наделы от государства в обмен на службу (Э. Спайзер, И. М. Дьяконов)¹⁴. Предполагалось, что мушкенумы могли быть прикреплены к этим наделам¹⁵. Привлекая широкий круг источников, включавший письма и административно-хозяйственные документы, такие исследователи, как Ф. Краус и А. Гётце, предложили другую интерпретацию: мушкенумы – это лично свободное население страны, не включенное в дворцово-храмовые структуры, не несущее повинностей и существующее за счет собственных средств, включая землю, которой оно владело на правах частной собственности¹⁶.

¹² Stol 1997, 492.

¹³ Barstash 2020, 577. В новейшей работе по этой теме утверждается, что феномен мушкенумов сложился в населенных семитами областях в среднем течении Евфрата и Тигра к 2600 г. до н.э., а около 2300 г. до н.э. был принесен аккадскими завоевателями на шумерский юг (Bartash, Pottorf 2025).

¹⁴ Подробнее об историографии вопроса, включая ссылки на работы упомянутых в этом абзаце исследователей, см. в: Alexandrov 2012a, 119–123; von Dassow 2014, 292–296. Отметим, что такое значение слова мушкенум, «зависимый от дворца (т. е. государства – Б. А.)», вошло в словарь аккадского языка (АНw., 684; CDA, 222).

¹⁵ Driver, Miles 1952, 94.

¹⁶ Определение мушкенумов как лиц, не несущих повинностей, закреплено в Чикагском

В дальнейшем в трактовку понятия *мушкенум* вносились различные уточнения. Так, Дж. Буччеллати, сопоставляя авилумов и мушкенумов, основное внимание уделил их экономическому положению¹⁷. По его мнению, мушкенумы владели только семейными наделами, которые они получали по наследству и с которыми были связаны определенные правовые обременения (*encumbered*). Ресурсы этой земли не позволяли им подняться выше уровня элементарного выживания. Авилумы помимо наследственной земли владели дополнительными участками, позволявшими им вести широкую экономическую деятельность. Эти участки были в полной частной собственности авилумов и не имели никаких обременений. Таким образом, с точки зрения Буччеллати, разница между авилумами и мушкенумами заключается в имущественном положении и характере собственности. Промежуточную позицию между мушкенумами и авилумами занимали *наши бильтим* (*nāši biltim*), ‘несущие подать’. Обрабатывая полученную от государства на правах условного держания землю, они могли увеличить свое благосостояние за счет части выработанной ими продукции, другую часть которой они отдавали государству. В результате *наши бильтим* обретали дополнительный источник дохода, помимо той земли, которую наследовали в рамках общины. Таким образом, *наши бильтим* тоже являются мушкенумами, так как наделены базовым признаком этого статуса: общинным землевладением.

В самой последней по времени статье, посвященной проблеме мушкенумов, Е. фон Дассов приходит к выводу о синонимичности понятий *авилум* и *мушкенум* в старовавилонской Месопотамии¹⁸. Оба термина отсылали к одной и той же группе – гражданству (*citizenry*). Однако было одно исключение: политическая элита. По отношению к ней можно было употребить только слово *авилум*. Во всех остальных случаях выбор между двумя терминами

словаре аккадского языка (CAD M/2, 272) .

¹⁷ Buccellati 1991.

¹⁸ von Dassow 2014. Среди новой литературы нужно также отметить три статьи, посвященные термину авилум, который обычно рассматривается в неразрывной связи с проблемой мушкенумов: Roth 2013, 2014; Kozyreva 2018. Наконец, в 2025 г. вышла важная статья В. Барташа и Э. Потторфа, в которой авторы, обращаясь к обширному кругу источников, анализируют социальный статус мушкенумов в III тыс. до н. э. Они приходят к выводу, что мушкенумы относились к маргинальным слоям общества и были противопоставлены полноправным членам общинных объединений, в которых они проживали. Будучи аутсайдерами, мушкенумы нуждались в покровительстве со стороны правителей или иных наделенных властью лиц. Такое покровительство и защиту они могли получить в обмен на службу в пользу государства. Государство старалось селить мушкенумов на землях государственного фонда (Bartash, Pottorf 2025). Такая реконструкция как будто склоняет чашу весов в дискуссии в пользу концепции Дьяконова и Спайзера, так как в свете новых данных старовавилонские царские люди-мушкенумы оказываются прямым продолжением одноименной социальной категории III тыс. до н. э. Вопрос о том, насколько справедлив такой вывод, мы постараемся подробно рассмотреть во второй части нашего исследования.

делался на основе критерия власти-подчинения. Если на первый план выходил аспект подчинения, например, при описании взаимодействия частного лица с государством, то это лицо именовалось мушкенумом. Если же в центре внимания были властно-распорядительные функции человека, будь то чиновник, предприниматель или глава семейства, то к такому контексту больше подходило определение *авилум*. Как пишет фон Дассов: «Мушкенумы были подчинены власти, а авилумы ее осуществляли». Автор отвергает идею о том, что мушкенумы не несли повинностей (Ф. Краус). По мнению фон Дассов, все свободное население было обязано государству повинностью *илькум* (*ilkum*)¹⁹.

Говоря об истории изучения термина *мушкенум*, нельзя не коснуться и оценок, которые высказывали специалисты по текстам из Мари, столицы крупного царства на Среднем Евфрате XVIII в. до н. э. Нередко эти оценки формулировались в виде краткого комментария к тому или иному отрывку в конкретном памятнике. Так, Д. Шарпен отмечал противопоставление мушкенумов государству (дворцу)²⁰. Ж.-М. Дюран писал, что мушкенумы представляли собой мелкое крестьянство, проживавшее на общинной или взятой в аренду земле, в то время как авилумы относились к свободному безземельному пастушескому населению (*les Bédouins*)²¹. Согласно Э. Рекюло, мушкенумы образовывали по большей части самодостаточные крестьянские общины, проживавшие на негосударственной земле. В этом плане они были противопоставлены дворцу, который не мог покушаться на их права собственности. В то же время мушкенумы выплачивали государству натуральный налог *шибшум* и подлежали мобилизации для выполнения сельскохозяйственных работ на дворцовой земле. В противоположность зависимым от дворца категориям мушкенумы не несли ильковой повинности²². Дж. Сэссон ограничивается замечанием, что спектр значений слова *мушкенум* в Мари шире, чем в текстах из Южной Месопотамии²³.

Если в первой половине II тыс. до н. э. термин *мушкенум* обозначал определенную, достаточно обширную страту общества, то с середины того же тысячелетия его значение сужается. Центральными в нем становятся оттенки «бедный, неимущий, обездоленный, несчастный»²⁴. Как отмечают специалисты по I тыс. до н. э., в новоассирийское время под мушкенумами в отдельных случаях еще могли понимать зависимых от царя лиц, но в последующие

¹⁹ von Dassow 2014, 307–308.

²⁰ Charpin 1988, 19.

²¹ Durand 2000, 199.

²² Reculeau 2008, 332–333. В другой работе Э. Рекюло также ссылается на данные из Вавилонии (Сиппара), показывая, что мушкенумы не несли ильковой повинности (Reculeau 2012, 998).

²³ Sasson 2015, 294, n. 2.

²⁴ Присутствие в текстах из Мари выражения *muškēnum enšum*, «слабый мушкенум», свидетельствует, по мнению Ж.-М. Дюрана, о том, что в Мари XVIII в. до н. э. указанный семантический переход еще не произошел (Durand 1991, 21, n. 18).

новоавилонский и ахеменидский периоды слово *мушкенум* окончательно утрачивает характер социального термина и означает лишь «бедный» и «жалкий»²⁵. Именно в таком значении оно заимствуется в другие языки Ближнего Востока I тыс. до н. э. – I тыс. н. э., в частности в древнееврейский (*miskēn*), сирийский (*meskīn*), арабский (*miskīn*), а затем, через их посредничество, проникает в языки Европы (итал. *meschino*, порт. *mesquinho*, фр. *mesquin*)²⁶.

Этимологически слово *мушкенум* восходит к аккадскому глаголу *šukēnum* ‘склоняться, падать ниц’²⁷. Как причастие от этого глагола (*muškēnum*), оно буквально значит «склоняющийся ниц». Гипотезы, согласно которым мушкенумы были зависимым, неполноправным населением, черпали часть своей аргументации из этой этимологии. Что касается самого глагола *šukēnum*, то по версии Й. Троппера, он представляет собой породу ŠD от корня K-^ṣ-N. Этот аккадский корень исследователь сопоставляет с глагольным корнем K-N-^ṣ, от которого в центральносемитских языках образованы близкие по значению слова, в частности, *niḳnaṣ* ‘быть должным склоняться; унижаться, становиться униженным’, *hiknāṣ* ‘унижать’ в древнееврейском, *kanaṣa* ‘быть сокращенным, стянутым, склоняться, унижаться’ в арабском. К тому же корню, по мнению Троппера, может относиться и географическое название Ханаан (*kēnaṣan*) (‘нижняя страна, низменность’). Аккадский вариант корня претерпел метатезу (K-N-^ṣ > K-^ṣ-N), хорошо засвидетельствованную в других аккадских корнях с ларингалами²⁸. Н. Каувенберг, следуя предположению П. Фрондзароли, отвергает этимологию Троппера и связывает аккадский глагол с арабским корнем K-Y-N ‘быть простым, покорным, униженным’²⁹. Какая бы из двух версий ни оказалась верна, очевидно, что идея подчиненности была неотъемлемой частью изначальной семантики слова *мушкенум*.

Поскольку в статье рассматривается терминология текстов из Мари, то нельзя обойти вниманием также лексемы, которые, по мнению специалистов, могли служить эквивалентом слова *мушкенум* в языковом обиходе этого центра. Ж.-М. Дюран считает, что таковым в Мари, а также в Эмаре и, возможно, других городах долины Среднего Евфрата было аморейское слово *asarum*³⁰.

²⁵ Дандамаев 1974, 375–376.

²⁶ Driver, Miles 1952, 95, n. 4; Stol 1997, 493.

²⁷ Подробный разбор того, каким в точности мог быть жест, описываемый глаголом *šukēnum*, см. в: Gruber 1980, 238–254, 313–317 (со ссылками и анализом предшествующей литературы, включая Ehelolf 1925). Наряду с традиционной гипотезой о простом или земном поклоне анализируется версия о воздушном поцелуе (нем. Kusshand, англ. to throw a kiss with the hand). Об особой форме глагола *šukēnum*, *šuke’ūnum*, встречаемой в текстах из Мари, см.: Durand 1990с. Помимо обсуждения этой формы в работе показано, что послы, выступавшие в переговорах с чужеземными царями как личные представители своего правителя, освобождались от совершения проскинесиса.

²⁸ Tropper 1999, 92.

²⁹ Kouwenberg 2010, 347, n. 58.

³⁰ Durand 1990a, 57.

Согласно Дюрану, на *асарум* были возложены отработки и выплаты зерном и скотом в пользу правителя. Эти повинности совокупно обозначались родственным словом *sīrum*. С точки зрения исследователя, *асарум* и *сирум* следует связывать с аккадским глаголом *esērum* ‘добиваться выплаты’³¹.

Фонетически близкое слово *maskanûm* Дюран, напротив, не считает как-либо связанным с мушкенумами. Оно засвидетельствовано в досье, посвященном приобретению царем Мари Зимри-Лимом земли в царстве Халаб, где фигурирует в составе перечней собственников покупаемых участков, например: ^{lú}*ma-ás-ka-nu-ú lú-diri-ga-meš we-du-ú-um ka-lu-šu, [š]a a-šà aš-ra-nu-um ú-ka-al-lu*, «люди-масканум, заместители и все знатные, которые держат там поля» (FM VII 26: 6–7). Слово *масканум* восходит к глаголу со значением ‘жить’ и переводится просто ‘житель’. Хотя такие жители могли включать лиц со статусом мушкенума, само слово не имело сословно-рангового смысла³².

ТЕКСТЫ

Новые упоминания мушкенумов происходят из текстов, опубликованных в монографиях: Reculeau 2018, Durand 2019a и 2023. В общей сложности в этих работах издано 23 текста, содержащих 26 фиксаций термина *мушкенум*. Две из них представляют собой восстановления слова целиком в лакуне (ARM XXXIII 95: 10; 187: 4’)³³. В одном случае от слова уцелела лишь половина последнего знака (ARM XXXIII 130: 10).

Все тексты написаны на аккадском языке и относятся к эпистолярному жанру. Хронологически они охватывают правления царей Ясмах-Адду (ок. 1792–ок. 1775 гг. до н. э.) и Зимри-Лима (1775–1762 гг. до н. э.). К правлению первого из них относятся только два письма, остальные датируются временем Зимри-Лима, преимущественно его начальными годами, хотя представлены и тексты более позднего периода³⁴.

Большинство документов является входящей корреспонденцией, используемый в их адресной части оборот «мой господин» отсылает к Ясмах-Адду и Зимри-Лиму. Содержательно такие тексты представляют собой отчеты чиновников и вассальных правителей перед царем Мари. Авторство одного письма принадлежит Ясмах-Адду (ARM XXXIII 95). Одно письмо относится к переписке царя Мишлана Суму-даби (ARM XXXIV 9).

³¹ Durand 1990a, 61.

³² Durand 2002b, 77–78.

³³ Такие восстановления, однако, обусловлены контекстом, в частности, тем обстоятельством, что термин употребляется в другом месте того же документа. ARM XXXIII 91, представляющее собой переиздание ARM XXVI/1 150, содержит слово *мушкенум* в полностью восстановленном контексте (стк. 14), и сам издатель характеризует это восстановление как вольное, в связи с чем этот пример не был учтен при составлении корпуса.

³⁴ Случаи, когда письма не относятся к корреспонденции Зимри-Лима, специально оговариваются в примечаниях. Остальные документы по умолчанию связаны с Зимри-Лимом.

В целях удобства тексты расположены в том порядке, в котором они следуют в изданиях. Сначала идут тексты из ARM XXXIII и XXXIV, затем – FM XVI. В заключении приводятся еще два письма, A.3006 и A.3194, которые не были учтены в обзоре 2012 года³⁵. Оба они на момент публикации статьи были известны только во фрагментах. Сейчас A.3006 полностью издано Н. Зиглер³⁶. Переводы предваряются необходимой библиографической информацией, среди которой особое место принадлежит ссылкам на электронное издание в онлайн-базе данных старовавилонских архивных документов www.archibab.fr. Пройдя по ссылкам, можно обнаружить транслитерацию клинописного текста, перевод на французский язык, детальную библиографию и комментарий. Переводы текстов на русский приводятся нами целиком, так как широкий контекст крайне важен для правильного понимания изучаемой лексемы. Для облегчения восприятия прямоугольные скобки, обозначающие повреждения оригинала, в переводах не используются. Исключение сделано для слова *мушкенум* и некоторых других случаев. Не подлежащие восстановлению лакуны в тексте отмечены многоточием или специальными указаниями. В круглых скобках стоят слова, отсутствующие в оригинале, но необходимые для придания ясности переводу.

1. ARM XXXIII 4

Музейный номер: A.842

Издание: Durand 2019a, 34–38

Предшествующее издание: ARM XXVIII 48 (Kupper 1998, 70–73)

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T6961>

Фото: Kupper 1998, 71; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/42318C8554.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Ибаль-Адду³⁷.

Я сказал следующее в присутствии моего господина: «Мой отец и дед испокон века служили Яхдун-Лиму³⁸. И теперь я не повернул головы ни вправо, ни влево. Я раб только моего господина. Если мой господин хочет дать мне восторжествовать над моим противником³⁹, то пусть сделает так. Если нет, то пусть поступит, как пожелает. Если мой господин скажет: “Ты должен сидеть передо мной!”, то я подчинюсь»⁴⁰.

³⁵ Alexandrov 2012a.

³⁶ Ziegler 2023.

³⁷ Ибаль-Адду – правитель княжества Ашлакки в верховьях Хабура. Письмо датируется между вторым и третьим годом правления Зимри-Лима, когда Ибаль-Адду еще не занял трон Ашлакки (Kupper 1998, 65; Durand 2019a, 33).

³⁸ Яхдун-Лим – царь Мари (ок. 1810–1794 гг. до н. э.) из династии Лимов, свергнутой Шамши-Ададом ок. 1792 г. до н.э., а затем восстановленной в 1775 г. до н.э. Зимри-Лимом.

³⁹ Имеется в виду упоминаемый ниже в тексте Шадум-адаль, занимавший в тот момент трон Ашлакки. Об Ашлакке см. прим. 53.

⁴⁰ Возможно, подразумевается предоставление Ибаль-Адду особого придворного статуса,

Затем мой господин наказал мне идти вместе с Нархи⁴¹. Тогда я ответил моему господину: «Как (я достигну) цели моего похода? Войско, которое пойдет с нами, не насчитывает ни одной, ни (тем более) двух тысяч (солдат). Когда я приду (туда), я не смогу спросить с моего противника». Но мой господин сказал мне следующее: «Вот Хали-хадну⁴² пойдет с вами. После того как Нархи войдет в Ашнаккум⁴³, Хали-хадну, Нархи и отцы страны Идамарац⁴⁴ соберутся и спросят с твоего противника. Если они станут возражать: “Мы не возьмем тебя (в качестве царя)!”, напиши мне, и я дам тебе одну или две тысячи воинов. Если же нет⁴⁵, ты станешь следовать только за мной. Следуй за мной!» Так мне сказал мой господин. После того как я выслушал эти наказания, мой господин заставил меня поклясться богами. В этой клятве было сказано: «Ты клянешься, что отдашь город, который враждует с тобой, твоему господину Зимри-Лиму и что согласишься ему о добрых и злых словах, которые услышишь. Пусть эти боги одолеют Ибаль-Адду!» Мы поклялись богами, и я выступил в путь.

Когда мы были в пути, [мушк]енумы, увидев, что мы направляемся в Ашнаккум, испугались, и все выступили со знаками сдачи⁴⁶. Сейчас вот что они слышали: «Нет войска, которое бы пошло с ними». Шадум-ададь, мой ..., далеко. Сейчас, все войско (Шадум-адаля), которое было с ними⁴⁷ в Ашнаккуме, отошло цело и невредимо. Страна в волнении. Брат забывает о брате, все заняты своими делами. ... из Ашнаккума ... Если страна не попадет под власть моего господина, ни Шубрам⁴⁸, ни Тамарзи⁴⁹ не возвратятся под руку моего господина. Но Хурра⁵⁰ принадлежит моему господину. Уркеш⁵¹, Шинах⁵² и Ашлакка⁵³ враждебны мо-

позволявшего ему сидеть во время придворных церемоний (Durand 2019a, 37).

⁴¹ Претендент на трон княжества Ашнаккум.

⁴² Хали-хадну, или Хали-хадун, – вождь кочевников-ханеев, принимавший активное участие в событиях со второго по четвертый год правления Зимри-Лима.

⁴³ Ашнаккум – город в Верхней Месопотамии (совр. Чагар-Базар), столица страны Суму, входившей в состав области Идамарац, см.: Ziegler, Langlois 2016, 42–43.

⁴⁴ Идамарац – обширная область в западной и центральной части треугольника Хабура в Верхней Месопотамии, см.: Ziegler, Langlois 2016, 158–160.

⁴⁵ Т. е. если население примет Ибаль-Адду в качестве царя Ашлакки без возражений.

⁴⁶ Возможно, подразумеваются символы, аналогичные белому флагу в современном мире (Durand 2019a, 37).

⁴⁷ Подразумеваются жители Ашлакки (Durand 2019a, 38).

⁴⁸ Один из князей области Идамарац, правивший последовательно княжествами Суса и Кирдахат. Засвидетельствован в текстах с третьего по одиннадцатый год правления Зимри-Лима (Kupper 1998, 127–128).

⁴⁹ Правитель города Тарманни в царстве Ашлакки в Идамараце.

⁵⁰ Столичный город небольшого царства в Верхней Месопотамии недалеко от Уркеша (совр. Телль-Мозан), см.: Ziegler, Langlois 2016, 151–152.

⁵¹ Столичный город одноименного царства в Верхней Месопотамии (совр. Телль-Мозан), см.: Ziegler, Langlois 2016, 385–386.

⁵² Город в царстве, столицей которого был Ашнаккум, находился недалеко от Уркеша и Хурры, см.: Ziegler, Langlois 2016, 337–338.

⁵³ Столица важного царства на западе области Идамарац, см.: Ziegler, Langlois 2016, 40–41.

ему господину. Когда мой господин поднимется, он вернет страну в свои руки. (Тогда) дворец будет доволен.

2. ARM XXXIII 95

Музейный номер: A.2328

Издание: Durand 2019a, 235–237

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T23787>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47185W4897.jpg>

Перевод

Скажи Сумам-хадему⁵⁴. Так (говорит) твой господин⁵⁵.

В табличке, которую я послал тебе во время *хаддатума*⁵⁶, мне забылась одна вещь, и я не написал тебе (о ней). Если вы достигнете Саггаратума⁵⁷ и если Икшуд-аппашу⁵⁸ находится там, запишите ваш ущерб и ущерб [мушкенумов]⁵⁹.

Господин Икшуд-аппашу невнимателен, и как бы не случилось так, что он сказал бы вам: «Пока я не увижусь с царем⁶⁰, я не смогу возместить ваш ущерб. Но не должно быть так, чтобы господин Сумам-хадем ради того, чтобы показать сочувствие вашим домам, ввел каждого (из вас) в дома под своим началом и (люди) оказались рассеяны⁶¹».

⁵⁴ Сумам-хадем, или Суму-хаду, – первый правитель столичного округа Мари при Зимри-Лиме, начавший свою службу еще при предыдущем царе, Ясмах-Адду. Письмо относится к этому, более раннему этапу карьеры чиновника. О Суму-хаду см.: Lion 2001, 183–184.

⁵⁵ Т. е. Ясмах-Адду.

⁵⁶ Значение слова неизвестно. В тексте употреблена форма *accusativus temporis* (Durand 2019, 236).

⁵⁷ Саггаратум – административный центр одноименной провинции царства Мари на Нижнем Хабуре. Город предположительно находился рядом с современной Бусейрой при впадении Хабур в Евфрат, см.: Ziegler, Langlois 2016, 295. Помимо Саггаратума административная структура царства насчитывала еще четыре провинции или округа: столичный округ Мари, округ Терка, округ Каттунан и область Сухум. См.: Charpin 2004, 269.

⁵⁸ Икшуд-аппашу – правитель города Шубат-Шамаша при Ясмах-Адду, см. о нем: Villard 2001, 86–87.

⁵⁹ Возможно, речь идет об изъятии у мушкенумов домов в пользу чиновников, прибывших из Мари (Durand 2019a, 234–235). Ж.-М. Дюран видит описанную в письме ситуацию следующим образом. Икшуд-аппашу, получивший назначение в Саггаратум, по прибытии туда столкнулся с проблемой размещения. Чиновник решил ее путем реквизиции домов у частных лиц (мушкенумов), чем вызвал возмущение у местного населения и у сановников Ясмах-Адду. Один из них, Сумам-хадем, из солидарности с пострадавшими решил предоставить им собственные дома, однако Икшуд-аппашу воспротивился этому, потому что, как пишет Дюран, такое решение означало бы насильственное изгнание людей (Durand 2019a, 235).

⁶⁰ Имеется в виду Шамши-Адад (ок. 1833 – ок. 1775 гг. до н. э.), отец Ясмах-Адду, создатель крупного царства на севере Месопотамии.

⁶¹ В тексте стоит форма пассивной породы N глагола *sarāhum*, основное значение которого ‘рассеивать’. Ж.-М. Дюран полагает, что этот смысл не обеспечивает удовлетворительного перевода предложения, и возводит обсуждаемую форму к другому глаголу, *suppûm / subbûm* ‘заставлять уйти, изгонять’ («не должно, чтобы люди были изгнаны») (Durand 2019a, 237), что сопряжено с определенными морфологическими трудностями – для этого глагола не

Ты принес клятву Даганом, Итур-Мером⁶², царем и мной. Решите дело Икшуд-аппашу сообща. Если нет, то поднимайтесь и идите к царю⁶³ вместе с ним. Если же вы согласны, то пусть остается в Саггаратуме. И тогда он не пойдет к царю. Запишите с помощью Тир-Маммы⁶⁴ ваш ущерб и ущерб *мушкенумов*, не проявляя снисхождения к нему. Да увижу я в этом вашу покорность.

3. ARM XXXIII 109

Музейный номер: M.8504

Издание: Durand 2019a, 265–266

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T23800>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47198M8739.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) ...⁶⁵, твой раб.

... до Зибнатума⁶⁶ и Шамданитума⁶⁷ Хайу-суму⁶⁸, о котором я не получал никаких сведений, ... послы Амнанума⁶⁹, посол из *Раббума*⁷⁰ и с ним Ясим-махар⁷¹, которого мой господин сделал *хазанну* ...

засвидетельствовано форм породы N (Durand 2019a, 237; CAD S, 395). На наш взгляд, приемлемого смысла можно достичь, оперируя и глаголом *sarāhum*. Его пассивная порода имеет значение «быть разоренным, растраченным, финансово уничтоженным» (CAD S, 156–157) и часто сочетается со словами «дом», «имущество», «добро», «хозяйство». Возможно, что и подлежащим при глаголе *issappahū* мыслилось существительное из этого ряда (кроме «дома», который имеет форму ж. р. во мн. ч., в то время как глагол стоит в м. р.). Или же, при допущении, что дома Сумам-хадема находились не в Саггаратуме (как сказано выше, это был областеначальник столичного округа Мари), глагол *issappahū* «будут рассеяны» мог бы относиться к людям из Саггаратума, которых приютил у себя Сумам-хадем в Мари или иных поселениях вне Саггаратума: его жест предполагал бы, что пострадавшие должны были покинуть родной город, а такого рода ситуации как раз могли описываться в аккадском языке глаголом *sarāhum*.

⁶² Даган и Итур-Мер – одни из самых почитаемых божеств среднеевфратского региона, см.: Feliu 2003; Durand 2008. В оригинале стоит выражение «съел асаккум», см. подробнее о нем в комментарии к тексту 22.

⁶³ Т. е. к Шамши-Ададу.

⁶⁴ Вероятно, писец, служивший в Саггаратуме (Durand 2019a, 237).

⁶⁵ Возможно, областеначальник Терки Самметар (Durand 2019a, 265). О Самметаре см. прим. 87.

⁶⁶ Город в округе Саггаратум, предположительно тождественный современному Телль-Мохасану, см.: Ziegler, Langlois 2016, 430.

⁶⁷ Город, локализуемый в округе Саггаратум благодаря упоминанию рядом с Зибнатумом (Durand 2019a, 265).

⁶⁸ Правитель княжества Иланцура в области Идамарац, один из важнейших союзников Зимри-Лима.

⁶⁹ Амореysкое племя из группы *mārū yatīna* (или, в прежней, менее точной передаче, биньяминитов), см.: Ziegler, Langlois 2016, 21–22. Второй крупной племенной группой амореев в царстве Мари были *mārū sim'al* (или бинсимьалиты), к ней принадлежал царь Зимри-Лим (Charpin, Durand 1986, 150–152).

⁷⁰ Амореysкое племя из группы *mārū yatīna*, см.: Ziegler, Langlois 2016, 278–279.

⁷¹ Дополнительные данные об этом чиновнике отсутствуют.

(лакуна в шесть строк)

Есть слуги Абдума-Дагана⁷², они ходят туда и обратно по округу и говорят: «Абдума-Даган вернулся в свой округ». А Бали-Эрах, управитель Абдума-Дагана, прибыл к Суму-хадуму со словами: «Да радуется *господин*⁷³! Абдума-Даган вернулся в свой округ». Он собрал *мушкенумов* ...

4. ARM XXXIII 111

Музейный номер: A.2717

Издание: Durand 2019a, 268–269

Предшествующее издание: ARM XXVI/1 55 (Durand 1988a, 198–199)

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T7178>

Фото: –

Перевод

Скажи моему господину! Так (говорит) Аскудум⁷⁴, твой раб⁷⁵.

Пастухи обратились ко мне со словами: «В прошлом году (царские чиновники) затребовали мелкий скот в Цупрум⁷⁶, но годовалые овцы еще не принесли приплода. Сейчас снова они отведут овец в Цупрум, и годовалые не принесут потомства.

Пусть мой господин пришлет мне таблички и писцов, чтобы они осмотрели их здесь. Пусть число их [овец] не уменьшится на пастбище. А пастухи пусть не будут иметь повода для таких жалоб: «Годовалые овцы *мушкенумов* не принесли приплода».

5. ARM XXXIII 120

Музейный номер: A.454

Издание: Durand 2019a, 284–285⁷⁷

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T20403>

⁷² Абдума-Даган (или Хабдума-Даган) – областеначальник Саггаратума при Ясмах-Адду и Зимри-Лиме, умер во второй год правления Зимри-Лима. См. о нем в: Villard 2001, 89–90; Lion 2001, 174–176.

⁷³ Предположительный перевод слова *adan* (st. abs. от *addanum*), см.: Durand 2019a, 266.

⁷⁴ Аскудум – жрец-прорицатель, один из высших сановников царства Мари при Ясмах-Адду и Зимри-Лиме. Погиб в результате кораблекрушения на Евфрате около девятого года правления Зимри-Лима. См. о нем: Charpin 1985; Durand 1988, 71–80.

⁷⁵ Традиционно слово *wardum* ‘раб’ в адресной части писем понимается как один из элементов эпистолярной вежливости: называя себя рабом адресата, отправитель письма подчеркивал, что занимает более низкий социальный статус и находится в подчинении у адресата. В. Хаймпель выдвинул идею, что высокопоставленные чиновники Мари были рабами в юридическом смысле (Heimpel 1997).

⁷⁶ Один из важнейших укрепленных городов в округе Мари на Среднем Евфрате, см.: Ziegler, Langlois, 2016, 324.

⁷⁷ Данные этого источника были учтены в Alexandrov 2012a благодаря неопубликованной диссертации Э. Рекюло, в которой даны транслитерация и перевод текста (Reculeau 2006). Перевод текста также можно найти в: Durand 1990b, 124.

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47206C1114.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Суму-хаду, твой раб.

Канал Ишим-Яхдун-Лим⁷⁸ орошает округ Саггаратума. А округ Мари⁷⁹ орошает канал Мари. Нормально ли, если округ Саггаратума оставит свою работу и выйдет на этот канал? А округ Терки⁸⁰ выйдет на верхний канал⁸¹?

Я прибыл на канал Ишим-Яхдун-Лим. Управляющий этим каналом набрасывает землю на расстоянии 60 *ашлу*⁸².

Сейчас пусть 200 или 300 человек возьмут провиант на три или четыре дня, и пусть мой господин пошлет их на канал, чтобы он срочно закончил эту работу. Я же поведу за собой города, которые пьют воду канала Ишим-Яхдун-Лим, а именно Саманум⁸³, Терка, Расайум⁸⁴, Киритум⁸⁵ и Кульхитум⁸⁶, и пойду на верхний канал. Работа, возложенная на Самметара⁸⁷, требует до трех дней, и я пойду на верхний канал. Плуги дворца и плуги *мушкенумов* не заняты работой. Это вопрос шести дней.

6. ARM XXXIII 130

Музейный номер: M.13037

Издание: Durand 2019a, 301–303

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T23814>

⁷⁸ Канал на правом берегу Евфрата, выше по течению от Терки (Ziegler, Langlois 2016, 170).

⁷⁹ Город Мари (совр. Телль-Харири) – столица крупного царства, расположенного в долине Среднего Евфрата и на прилегающих территориях Верхней Месопотамии (древнее самоназвание – царство «Берегов Евфрата»), а также центр столичного округа в этом царстве (Ziegler, Langlois 2016, 218–224).

⁸⁰ Терка (совр. Телль-эль-Ашара) – столица одного из округов царства Мари, располагавшаяся выше по течению Евфрата (Ziegler, Langlois 2016, 366).

⁸¹ Подразумевается канал Ишим-Яхдун-Лим.

⁸² *ašlu* – мера длины, равнявшаяся 60 м в Вавилонии. Ее значение в Мари могло отличаться (Durand 2019a, 285).

⁸³ Город в округе Терка в одном дне пути от Дур-Яхдун-Лима, см.: Ziegler, Langlois 2016, 299–300.

⁸⁴ Город в округе Терка, см.: Ziegler, Langlois 2016, 284.

⁸⁵ Об этом топониме см.: Ziegler, Langlois 2016, 189. Поселения с таким названием (*kirêtum* ‘сады’) были в разных частях царства Мари, в данном случае имеется в виду Киритум в округе Терка.

⁸⁶ Город в округе Терка, см.: Ziegler, Langlois 2016, 192–193.

⁸⁷ Самметар – областеначальник Терки в первые семь лет правления Зимри-Лима, см.: Lion 2001, 188–194. Семья Самметара, происходившая из этого города, принадлежала к слою высшей чиновной знати. Так, Ла’ум, отец Самметара, являлся главой администрации царя Ясмах-Адду. Первые упоминания Самметара в текстах восходят именно ко времени Ясмах-Адду. После свержения Ясмах-Адду при новом царе Зимри-Лиме Самметар возвышается: сначала он служит областеначальником Терки, а затем возглавляет правительство Зимри-Лима. Смерть Самметара приходится на седьмой год правления этого царя. Подробнее со ссылками на литературу см.: Ziegler 2023, 18.

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47213H1218.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Суму-хаду, твой раб.

Я подумал и написал моему господину. Аскудум установил налог-*шиб-шум*⁸⁸ для *мушкенумов*: два сикля серебра с десяти *ику* поля. Сейчас же ... они отдают ... сиклей серебра. Он не сможет собрать этот налог во время урожая. [*Мушкенум*]*ы* обвинят в этом моего господина и заплатят в качестве налога-*шибшум* только ... сиклей серебра.

(лакуна в восемнадцать строк)

... Я написал моему господину сам, руководствуясь своим долгом слуги. Пусть мой господин поступит в соответствии со своим статусом царя. На другой день после того, как я отправлю эту мою табличку моему господину, я изготовлю два *ашлу* кирпичей. Я займусь стеной, которую начал строить, и отштукатурю парапет. Потребуется пять дней для того, чтобы слуги выполнили работу и я отштукатурил парапет.

Далее. Если после праздника *рамум*⁸⁹ мой господин не сможет покинуть (Мари) и прийти, чтобы отстроить крепость в Зибнатуме⁹⁰, пусть мой господин пришлет мне сосуд с маслом, чтобы я смог провести праздник после *рамума*. ... мой господин написал мне. ... *рамум* приближается ...

7. ARM XXXIII 141

Музейный номер: A.4035

Издание: Durand 2019a, 319–320

Предшествующее издание: ARM XXVI/1 85 (Durand 1988a, 224–225)

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T7213>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47221D6870.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Аскудум, твой раб.

Во время болезни, которой я страдал, меня постоянно тошнило желчью, но я выздоровел. Мой господин дал строгие указания относительно того, что(бы)я не отправлялся в путь.

Во время жертвоприношения *мушке[нума]* было получено предсказание по печени. Я исследовал его и ...

(лакуна в три строки)

⁸⁸ О налоге *šibšum* в старовавилонский период см.: Boivin 2016, 48–50.

⁸⁹ Словом *râtum* в Мари назывался памятный монумент в честь павших воинов (Durand 2008a, 353). Связанный с этим понятием праздник *râtûm* играл важную роль в религиозной жизни Мари, он приходился на начало ритуального цикла, известного как «праздник Иштар» (Durand 2019a, 301, n. 172).

⁹⁰ См. выше прим. 66.

... эта поездка была бы без пользы. И они решили пойти в страну Катна⁹¹. Я прин[ял] у них оружие. Я распорядился, чтобы предсказатели провели гадание. Предсказатели сказали, что не следует меня посылать. Следует ли ввести караван в Саггаратум? Или я должен выслать их еще до того, как мой господин удалится?

8. ARM XXXIII 151

Музейный номер: A.795

Издание: Durand 2019a, 338–339

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T23822>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47231T7537.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Суму-хаду, твой раб.

Страна как будто все еще отмечает праздник: брат приглашает брата, по всему городу люди празднуют *зуррайятум*⁹². На второй день город возносит молитвы за себя, а потом за моего господина. Пусть мой господин задержится на два дня дольше того срока, который установил. Пусть страна справит праздник.

Это не моя вина. Именем моего господина они вошли в мой дом. Я свидетельствую (об этом) перед моим господином. Я не видел ничего (подобного). Я написал это послание моему господину из-за *мушкенумов*. Пусть мой господин два дня подождет завершения праздника, прежде чем возвращаться домой.

Не хотелось бы, чтобы мой господин сказал так: «Суму-хаду обезумел посылать мне такое письмо!» Клянусь богом моего господина, я ни в коем случае не настаиваю, я лишь передаю то, что слышал от *мушкенумов*.

9. ARM XXXIII 185

Музейный номер: A.1240

Издание: Durand 2019a, 394–395

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T23917>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47256P4723.jpg>

Перевод

Скажи моему господину⁹³. Так (говорит) Кунанийя⁹⁴, твой раб.

⁹¹ Катна – крупное царство в Сирии с одноименной столицей (совр. Телль-Мишриф).

⁹² В тексте глагольная форма *ú-Za-ṛar¹-ru-ú* (букв. ‘они совершают действие *Zurrûm*’), которую издатель связывает с ритуалом или праздником *Zu-ra-ia-tim*, упоминаемым в других текстах из Мари, см.: Durand 2019a, 339.

⁹³ Ясмах-Адду.

⁹⁴ Пока плохо известный персонаж архивов Мари, чиновник в Дур-Яхдун-Лиме времен державы Шамши-Адада. Согласно Ж.-М. Дюрану, сохранилась группа связанных с ним текстов этого периода (Durand 2019a, 393, n. 14). Имя Кунанийя, возможно, является гипокористикой от Кунанум (Durand 2019a, 393, n. 13).

Все *сугаумы*⁹⁵ округа отправились к царю: Суму-хаду, Амирум, Закира-хамму, Ярихабум, Зимредду, Муталлу, Батахрум, Хасан-или, Сапирум, Рип'и-Лим, все *сугаумы*.

Кроме того, *мушкенумы*, которые собрались здесь, отправились вместе со своими *сугаумами*. Пока последний из них не ушел, я не писал моему господину. Сейчас я написал моему господину. Пусть мой господин знает.

10. ARM XXXIII 187

Музейный номер: M.6977

Издание: Durand 2019a, 401–402

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T23919>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47258S7822.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Цури-ла-рим⁹⁶.

По поводу зерна дворца, ... Шамши-Адад, мой господин ...

(значительная лакуна)

Как ... Если канал⁹⁷ заполнен отложениями и его не прокопать, – при том, что [*мушкенумы*] в Дахизуме, Сарруме и Дабише⁹⁸ держат сто *ику* сезамового поля, – запасы сезама воистину иссякнут, и на полях не будет сезама. Если канал не будет прокопан в этом году, дворец и *мушкенумы* упустят зерно и сезам.

11. ARM XXXIII 286

Музейный номер: A.2651

Издание: Durand 2019a, 566–567

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T24171>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/47337S2865.jpg>

Перевод

Скажи моему господину! Так (говорит) Итур-Асду⁹⁹, твой раб.

Я веду работы по (обустройству) крепости Аппан¹⁰⁰, но у меня нет створок для ворот города. Сейчас, если мой господин мне напишет, я высмотрю и извлеку хорошие створки из дома Ярим-Адду¹⁰¹ или из домов *м[ушк]е[нумов]* и

⁹⁵ Сугаумы – племенные вожди кочевого населения царства Мари. См. о них: Kupper 1957, 16–19; Kärger 2014, 23–77.

⁹⁶ Чиновник, отвечавший за управление хозяйством и религиозной жизнью города Дур-Яхдун-Лим и окрестностей в начале правления Зимри-Лима (Durand 2019a, 395–396).

⁹⁷ Канал Ишим-Яхдун-Лим или *zannatum* (Durand 2019a, 401).

⁹⁸ Поселения близ Дур-Яхдун-Лима, см.: Ziegler, Langlois 2016, 72–73.

⁹⁹ Итур-Асду – областеначальник округов Мари, Саггаратум при Зимри-Лиме, позднее его представитель в городе Нахур в Верхней Месопотамии, выполнял также важные дипломатические миссии царя, см.: Lion 2001, 179, 184; Charpin, Ziegler 2003, 209; Charpin 2004, 270.

¹⁰⁰ Город округа Мари, расположенный к северу от столицы, см.: Ziegler, Langlois 2016, 26.

¹⁰¹ Как предполагает Ж.-М. Дюран, Ярим-Адду – это один из знатных горожан Аппана,

укреплю их в воротах дворца. Пока мой господин не напишет мне, я не извлеку без (ведома) моего господина ни одной створки из домов *мушкенумов*.

12. ARM XXXIV 9

Музейный номер: A.4478

Издание: Durand 2023, 22–23

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T26616>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/54542Y8680.jpg>

Перевод

Скажи ... Так говорит Суму-даби¹⁰², твой

Я собираюсь принести жертвы *пагра’ум* Дагану города Мишлан¹⁰³, который любит тебя. Приходи сюда, ты приглашен.

Далее. Я очищу тебя вместе с моим домом и моими слугами¹⁰⁴. Я не проведу никакого очищения среди *мушкенумов*. Именно вместе с моим домом. ...

13. ARM XXXIV 25

Музейный номер: A.3569+M.8967

Издание: Durand 2023, 61–62

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T9033>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/54591F5538.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так говорит Ясмах-Даган¹⁰⁵, твой раб.

Один человек из сыновей Мишлана¹⁰⁶, который в хороших отношениях со мной, пришел ко мне к укрепленным входам¹⁰⁷ и сказал следующее: «(X)акбу-

выходец из племенной среды *mārū sim^{al}*. Он противопоставляется простым жителям города, мушкенумам (Durand 2019a, 565).

¹⁰² Суму-даби – царь города Мишлан из племени *mārū yatīna*, женатый на «сестре» Зимри-Лима (на самом деле дочери Яхдун-Лима) Атракатум, участник восстания биньяминитов против Зимри-Лима в начале его правления (Charpin, Ziegler 2003, 178, n. 59; Durand 2023, 21). Дюран исключает из числа возможных адресатов Зимри-Лима и предполагает, что письмо могло быть направлено Яггих-Адду, который отвечал за оборону Мишлана, или какому-то другому лицу, которого хотел почтить Суму-даби (Durand 2023, 22).

¹⁰³ Мишлан – укрепленный город к северу от Мари, столица принадлежавшего к *mārū yatīna* племени яхрурум, был завоеван Зимри-Лимом в начале правления, предположительно отождествляется с Телль-ар-Рамади, см.: Ziegler, Langlois 2016, 232.

¹⁰⁴ По мнению Ж.-М. Дюрана, обряд *пагра’ум* носил не индивидуальный характер, а предполагал участие членов семьи и слуг (Durand 2023, 22). Подробнее об этом обряде см.: Feliu 2003, 70–73.

¹⁰⁵ Персонаж, вероятно, известный еще по двум письмам, М.12016 и А.399: согласно этим документам, он намеревался нарубить древесины в районе Мишлана. Принадлежал к лагерю сторонников Зимри-Лима (Durand 2023, 60).

¹⁰⁶ Как отмечает Ж.-М. Дюран, выражение «сыновья Мишлана» заменяется далее в тексте словом *tiškēnū* «мушкенумы» (стк. 38) (Durand 2023, 62).

¹⁰⁷ В оригинале употреблено слово *erribtum, erribātum*, см. о нем: Durand 2023, 62.

дади, человек ..., посланник, которого Карни-Лим¹⁰⁸ направил к Суму-даби, вошел и произнес послание, с которым был послан: “Так говорит Карни-Лим: ‘Не бойтесь эшнуннакийца, о котором вам говорят! Он направляется в Экаллатум¹⁰⁹, он не поднимется к Зимри-Лиму. Эшнуннакиец¹¹⁰ – ваша подмога, а враг его – туруккей¹¹¹. Если что-то произойдет в течение трех дней, то держитесь катнийца¹¹², эмариота¹¹³ и Адуна-Адду¹¹⁴’». На руках у (Х)акбу-дади два серебряных кольца. Завтра или послезавтра он выступит.

Далее. Когда Суму-даби пошел к своим товарищам, он собрал их со словами: «Мнение моей страны изменилось!» – и сказал им: «Позаботьтесь о Мишлане! Это ваша страна! Или подобает, чтобы место, куда мы пришли, перешло врагу?» С их согласия Яггих-Адду¹¹⁵ вошел в Мишлан.

Следуя моему долгу слуги, я написал моему господину то, что слышал из уст *мушкенумов*.

14. ARM XXXIV 34

Музейный номер: M.6272

Издание: Durand 2023, 76–79

Предшествующее издание: ARM XXVII 14 (Biro 1993, 54–57)

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T7557>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/54612I2038.jpg>

Перевод

Скажи моему господину! Так говорит Илшу-нацир¹¹⁶, твой раб.

Я распорядился провести гадания относительно благополучия города Каттунан¹¹⁷ и округа сроком на один месяц.

Город Каттунан и округ благополучны. В тридцатый день второго месяца

¹⁰⁸ Царь страны Андариг в Верхней Месопотамии.

¹⁰⁹ Один из столичных городов державы Шамши-Адада на правом берегу Тигра на расстоянии однодневного перехода от Ашшура (Ziegler, Langlois 2016, 94). После распада державы Шамши-Адада находился под управлением его сына Ишме-Дагана.

¹¹⁰ Эшнунна (совр. Телль-Асмар в Ираке) – столичный город одноименного царства, игравшего важную роль в межгосударственных отношениях в первой половине XVIII в. до н. э. Под эшнуннакийцем подразумевается царь Ибаль-пи-Эль II (1778–1765 гг. до н. э.), чье правление хронологически пересекается с царствованием Зимри-Лима в Мари.

¹¹¹ Туруккеи – воинственные племена, обитавшие в горах Загроса. Здесь имеется в виду туруккейский вождь Зазия.

¹¹² Очевидно, подразумевается царь Катны Амут-пи-Эль.

¹¹³ Эмар (совр. Телль-Мескене) – важный торговый центр в большой излучине Евфрата. См.: Ziegler, Langlois 2016, 165–166.

¹¹⁴ Царь Ханзата, области в долине реки Балих, на западе Верхней Месопотамии.

¹¹⁵ Один из вождей биньяминитов, противник царя Мари Зимри-Лима.

¹¹⁶ Областенаачальник провинции Каттунан в царстве Мари, действовавший приблизительно с первого по четвертый год правления Зимри-Лима (Lion 2001, 162–164).

¹¹⁷ Одна из основных провинций царства Мари, располагалась к северу от Саггаратума, в среднем течении реки Хабур.

эбурум¹¹⁸ две тысячи ханеев¹¹⁹ собрались в Каттунане, и они продолжают собираться, как было установлено. И я слышал от моего окружения следующее: «Пять тысяч воинов Нумхи и Ямутбала¹²⁰ были одновременно освобождены от службы. Они идут к моему господину».

По поводу урожая в Каттунане. Если мой господин считает возможным, пусть он напишет Ашмаду¹²¹. Пусть тот задержит сто ханеев в Каттунане, чтобы они стояли в дозорах и охраняли город, пока я убираю урожай в Каттунане¹²². Я собрал (для жатвы) (целый) округ Каттунан, включая мальчиков, девочек и женщин¹²³.

Кроме того, я укрепил Рахатум¹²⁴ ради полей несущих подать и овчарни дворца, и воины-ополченцы¹²⁵ ночуют в своих домах ради сбора своего урожая.

Также я собрал в Каттунан земледельцев.

И я написал Хабдума-Дагану¹²⁶ о том корабельном плотнике¹²⁷, но он не прислал мне корабельного плотника. С помощью (простых) умелых плотников два месяца назад я кое-как укрепил эту лодку. Сейчас нет (надежной) лодки. Пусть мой господин напишет Хабдума-Дагану, чтобы тот направил мне лодочника, который законопатил бы это судно.

Х-сот ику полей дворца возделаны и очень хороши. И *мушкенумы* также

¹¹⁸ Эбурум – последний, двенадцатый месяц календаря Мари, в данном случае имеется в виду дополнительный вставной месяц.

¹¹⁹ Обозначение кочевого, пастушеского населения царства Мари.

¹²⁰ Области в Верхней Месопотамии, к югу от Джебель-Синджара, населенные амореями.

¹²¹ Сановник царя Зимри-Лима.

¹²² Ж.-М. Дюран предполагает для глагола *kaṁāsum* в данном контексте, а также в стк. 29, значение ‘убирать, класть в сосуды’ (Durand 2023, 78). Однако, как видно из следующего же предложения, где этот глагол относится к людям, его семантика на самом деле более широкая. Основным аргументом Дюрана служит то, что, согласно отрывку из стк. 29–31, воины-ополченцы проводят ночи в своих домах ради сбора урожая (*aššum kaṁās ebūrim*). Дюран заключает, что работа происходила непосредственно в жилищах и заключалась в ссыпании зерна в сосуды. Однако можно предложить и иное объяснение: автор письма хочет подчеркнуть, что мобилизованные на сбор урожая воины ночуют в своих домах в городе, чтобы быстрее добраться до места работы в полях, вместо того чтобы постоянно находиться на отдалении от города и его сельскохозяйственной округи, там, где им предписывала военная служба (в сторожевых дозорах, укреплениях на подступах к городу и т. д.).

¹²³ Перевод Ж.-М. Дюрана «крестьян обоих полов, равно как и женщин» (*les paysans des deux sexes ainsi que les femmes*) (Durand 2023, 78) представляется неточным, ср.: Heimpel 2003, 416.

¹²⁴ Поселение на южной границе округа Каттунан, возможно, тождественное современному Телль-Абу-Хаиту (Ziegler, Langlois 2016, 279). Ж.-М. Дюран подчеркивает особое хозяйственное значение этого центра (Durand 2023, 78).

¹²⁵ О чтении *šābum pihrum* (букв. «собранное войско») вместо прежнего *šābum behrum* «элитное войско» (букв. «отборное, отобранное войско»), см.: Durand 1998, 362.

¹²⁶ См. прим. 72.

¹²⁷ Ж.-М. Дюран переводит *au sujet du batelier que mon seigneur sait*, отмечая, что значение «которого знает мой господин» способно передать указательное местоимение *annūm* (Durand 2023, 78). Однако в транслитерации стоит не *annūm* ‘этот’, а анафорическое местоимение *šū* (в форме род.-вин. п. *šāti*).

возделывают обширные поля. С урожаем все в порядке.

Я отправил моему господину эту мою табличку в обеденное время третьего дня месяца *урахум*¹²⁸.

15. ARM XXXIV 68

Музейный номер: M.7826

Издание: Durand 2023, 144–146

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T26653>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/54687V4010.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так говорит Атамрел¹²⁹, твой раб.

Вот великий¹³⁰ и его старейшины переправили на другой берег людей **[мушк]енумов** и знатных¹³¹. Люди задержались, собирая свое добро. Как и прежде, раббеи из городов собрались друг с другом в Аббатуме¹³².

Далее. Что касается ханеев, то их работа по засеиванию полей закончена. Вот хорошая новость придет от меня к моему господину. Мой господин сказал мне следующее: «Пусть ко мне придет твоя табличка с извещением, как обстоят дела». Сейчас я написал моему господину эту новость. Пусть мой господин радуется!

16. ARM XXXIV 140

Музейный номер: A.2594

Издание: Durand 2023, 287–288

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T12442>

Фото: –

Перевод

Скажи моему господину, так говорит Ясси-Даган¹³³, твой раб.

Идин-Анну¹³⁴ направился к моему господину. Я встретил его в Мануха-

¹²⁸ Первый месяц календаря Мари.

¹²⁹ Вождь упрапеев, племенной группы, входившей в состав *mārū uatīna*.

¹³⁰ По мнению Ж.-М. Дюрана, титул Дади-хадуна, вождя биньяминитского клана раббеев. Согласно другой точке зрения, принадлежащей М. Гишару, слово *ra-bu-um* (очевидно, имя в ед. ч.) выступает здесь в качестве собирательного обозначения клана раббеев (Durand 2023, 144, п. 31).

¹³¹ Ж.-М. Дюран трактует *mārū damqūtum* как обозначение городского населения в противопоставлении сельскому, крестьянскому (*muškēnū*) (Durand 2023, 144). Наш перевод базируется на значениях ‘of good family, notable’, которые приводит Чикагский словарь (CAD D, 68, 70–71).

¹³² Город, принадлежавший биньяминитскому клану раббеев, отождествляется с Телль-Тадаианом на правом берегу Евфрата, см.: Ziegler, Langlois 2016, 2.

¹³³ Ясси-Даган – мариотский военачальник времен Зимри-Лима.

¹³⁴ Идин-Анну – правитель административного округа к северу от Саггаратума в царствование Зимри-Лима, см. о нем: Durand 1994, 94–95; 2023, 277–293.

тане¹³⁵, и он мне сказал: «Я везу к нашему господину слова, которые я услышал». Я сказал: «Изложи мне эти слова, чтобы я услышал их». Он изложил мне эти слова следующим образом: «Послы Суму-даби¹³⁶ часто ходят к Ятаруму, шейху-сугагуму Зинияна¹³⁷. В его доме вскармливают молоком сына Суму-даби. А сына Дади-хадун¹³⁸ вскармливают в доме *мушкенума*». Это он мне сказал.

Я сказал: «Если, когда будут приводить к клятве, найдутся обличители этого человека, то они должны поручиться перед богом и связать его. Я приведу его вместе со мной к моему господину». Вот почему я вернул этого человека в Зиниян. Пусть мой господин знает об этом!

17. ARM XXXIV 145

Музейный номер: A.1210

Издание: Durand 2023, 292–293

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T26699>

Фото: <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/54851H1380.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так говорит Идин-Нуну¹³⁹, твой раб.

Пропали триста овец Яскурума, яхуррея¹⁴⁰, и он обратился ко мне. Я провел проверку и возместил ему 110 овец из скота *мушкенумов*. Остальные овцы пропали. Я распорядился взять его противников по этому делу и его самого и отправил их к моему господину. Пусть мой господин рассмотрит их дело и вынесет для них решение.

18. FM XVI 5

Музейный номер: M.17006

Издание: Reculeau 2018, 319–320

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T22320>

Фото: Reculeau 2018, 318; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/44155A6858.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Икшуд-аппашу¹⁴¹, твой раб.

В соответствии с тем, что приказал мне мой господин, я отправил

¹³⁵ Город на севере округа Саггаратум на левом берегу Евфрата, см.: Ziegler, Langlois 2016, 214.

¹³⁶ См. прим. 102.

¹³⁷ Зиниян – поселение в округе Саггаратум, см.: Ziegler, Langlois 2016, 432.

¹³⁸ Дади-хадун – вождь биньяминитского клана раббеев.

¹³⁹ Ж.-М. Дюран осторожно взвешивает возможность того, что Идин-Нуну тождествен Идин-Анну, областеначальнику территорий к северу от Дур-Яхдун-Лима в районе города Халабит на Среднем Евфрате при царе Зимри-Лиме (Durand 2023, 277–278, 290–291). Как отмечает Дюран, судебная деятельность Идин-Нуну разворачивается именно в той местности, которая была под контролем Идин-Анну (Durand 2023, 291).

¹⁴⁰ Яхурру или яхрур – один из кланов, входивших в состав *mārūyamīna* (Kärger 2014, 162).

¹⁴¹ Областеначальник Саггаратума при Ясмах-Адду, см.: Durand 2019a, 205, n. 15.

работников. Я уже писал не один раз относительно работ на дамбах.

Кроме того, относительно работ на канале – мой господин видел, сколь они велики, – Яшуб-[Даган]¹⁴² написал мне следующее: «... на дамбах ... эта работа ...».

Я провел расследование, а он не перестает твердить мне в ответ: «Не ...». Сейчас ... они бездействуют, и как бы не случилось так, что ... он принесет мне и ... Пусть мой господин напишет, (следует ли поступить) так или иначе.

(три строки сильно поврежденного текста)

Я провел расследование относительно семи лет. Когда они обработали ... ику поля? Как бы не случилось так, что завтра *мушкенумы* обратятся к моему господину, и мой господин разгневается. Вот я напомнил моему господину (об этом деле). Пусть один раб моего господина придет ко мне и проведет разбирательство относительно их [полей].

19. FM XVI 17

Музейный номер: A.1116

Издание: Reculeau 2018, 354–356

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T22472>

Фото: Reculeau 2018: 355; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/44167C8554.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Менихум¹⁴³, твой раб.

Мой господин написал мне по поводу орошения полей в Нашере¹⁴⁴. Пять дней назад, еще до того, как прибыла табличка моего господина, вода была пущена на поля Нашера для орошения. Пусть мой господин пришлет доверенных лиц, чтобы мой господин увидел, есть ли в Нашере хоть один ику поля, который я не возделал.

В Сукаконе¹⁴⁵ я посадил двадцать колодезных крестьян¹⁴⁶ вместе с *мушке[ну]мами*. Они сообща убирают (урожай с) поля¹⁴⁷. Это поле (было засеяно)

¹⁴² Яшуб-Даган – правитель области Дур-Ясмах-Адду в период державы Шамши-Адада (Villard 2001, 72–73). Э. Рекюло также рассматривает вариант чтения имени Яшуб-Эля, который был ответственным за оросительные работы при Зимри-Лиме (Reculeau 2018, 320).

¹⁴³ Правитель округа Нашер в начале правления Зимри-Лима (Lion 2001, 155; Reculeau 2018, 356).

¹⁴⁴ Город в округе Мари, расположенный вниз по течению от столицы. В начале правления Зимри-Лима являлся центром самостоятельной административной единицы, см.: Ziegler, Langlois 2016, 246–247; Reculeau 2018, 356.

¹⁴⁵ Сукакун, или Сукакун, – город в округе Нашера, см.: Ziegler, Langlois 2016, 313–314.

¹⁴⁶ Термин *dālûm* обозначает особую категорию земледельцев, которые орошали свои поля колодезной водой, а не водой из каналов или рек, см.: Reculeau 2018, 356.

¹⁴⁷ Возможна и другая интерпретация: мушкенумы и колодезные крестьяне трудятся не совместно (*de concert*), как переводит Э. Рекюло аккадскую предложную группу *ana tappûtim*, а трудятся для того, чтобы оказать помощь. Адресатом такой помощи, скорее всего, выступает дворец, как это было, например, в случае с ситуацией в Табатуме, отраженной в письмах

преждевременно, и они убирают с него (урожай). Я не орошал полей, засеянных поздно. Но если река выйдет из берегов, то я подам воду на эти поля. Пусть мой господин рассчитывает в этом на меня.

Далее. Прежде чем мой господин отправится в Гуру-Адду¹⁴⁸, я буду в течение двух дней убирать урожай в Деро¹⁴⁹.

20. FM XVI 18

Музейный номер: A.338

Издание: Reculeau 2018, 357–3590¹⁵⁰

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T22473>

Фото: Reculeau 2018: 359; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/44168A2601.jpg>

Перевод

Скажи моему господину! Так (говорит) Закира-Хамму¹⁵¹, твой раб.

Округ в порядке. В день, когда я отправил моему господину эту мою табличку, поля двух оросительных округов Техрана¹⁵² оказались полностью затоплены водой разлива, и я начал переливать воду на поля третьего оросительного округа. Некоторое время назад, в течение месяца и двадцати дней, эти оросительные округа не были наполнены (водой)! Когда третий оросительный округ будет полон воды, я подам воду *мушкенума*[м]¹⁵³.

Затем я соберу зерно дворца в течение пяти дней, а мушкенумы отдохнут десять дней. Далее, я возьму провизии на пять дней и отправлюсь на канал, установлю заслон и увеличу подачу воды. Пусть мой господин радуется! Что касается лука из Зильхана¹⁵⁴, то некоторое время назад я отослал назад к моему

управителя царского домена Иддин-Дагана. См. текст A.2157 (Ziegler 2011, 30), в котором Иддин-Даган выражает пожелание, чтобы мушкенумы пришли на помощь дворцу: «У меня нет волов, которые бы мололи (зерно) на току дворца. В Табатуме есть быки мушкенумов. Пусть табличка моего господина будет отправлена гражданам (букв. «сыновьям» – Б. А.) Табатума и пусть их волы молотят (зерно) на току дворца. Пусть эти люди придут дворцу на помощь». Важно в этом отрывке то, что мушкенумы – члены городской общины («сыновья Табатума») и их также обозначают термином *lú-meš / awīlû*. Показательно, что Иддин-Даган сам не может вызвать мушкенумов на работы, это исключительно царская прерогатива. При этом речь идет не об отработке повинности, а об оказании помощи.

¹⁴⁸ Город в округе Мари, вероятно, на правом берегу Евфрата (Ziegler, Langlois 2016, 103–104).

¹⁴⁹ Город в округе Мари, к югу от столицы, центр почитания богини Деритум (Ziegler, Langlois 2016, 78).

¹⁵⁰ Данные этого источника были учтены в Alexandrov 2012a по неопубликованной диссертации Э. Рекюло (Reculeau 2006).

¹⁵¹ Областенаачальник округа Каттунан при Зимри-Лиме (Lion 2001, 164–167).

¹⁵² Пограничный город на севере округа Каттунан, см.: Ziegler, Langlois 2016, 363–364.

¹⁵³ Букв. «освобожу», *uwaššar*. По мнению Э. Рекюло, это предложение свидетельствует, что дворцовые поля пользовались преимуществом перед полями мушкенумов в плане доступа к воде (Reculeau 2018, 358).

¹⁵⁴ Город на крайнем севере округа Каттунан, см.: Ziegler, Langlois 2016, 431.

господину одного из моих слуг ... лук ... корзину ...

21. FM XVI 24

Музейный номер: A.935

Издание: Reculeau 2018, 380–381

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T22501>

Фото: Reculeau 2018, 380; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/44174U1063.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Цидкепух¹⁵⁵, твой раб.

Бахди-Лим¹⁵⁶ отправился к моему господину, но быки двorca и **мушкенумов** собраны, и что касается меня, то будет нехорошо, если я их оставлю и уйду. Тогда все **мушкенумы** (тоже) уйдут.

22. FM XVI 2

Музейный номер: A.392

Издание: Reculeau 2018, 387–392¹⁵⁷

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T22504>

Фото: Reculeau 2018, 386, 388; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/44177G2164.jpg>

Перевод

Скажи мо[ему господину!] Так (говорит) Цидкепух, твой слуга.

... поле должности ... распределение полей ... И мой господин дал следующие указания своим слугам: «В прошлом году все набрали себе много земли. Эти поля находятся в держании. Есть те, кто держит хорошее поле, есть те, кто держит плохое поле, и есть те, кто держит поле с засоленной почвой. Произведи осмотр их полей и раздели их в соответствии с моим распределением: хорошее в хорошем, плохое в плохом. Кроме того, в тех случаях, когда удерживается поле большей площади, чем было предусмотрено моим решением, изыми его. Распределение было таким: 15 ику земли – *абу-кали*¹⁵⁸, 10 ику – шейху-сугагуму¹⁵⁹ и 5 ику – ханею, обычному *редуму*. Кроме того, если *абу-кали*, *сугагум* или ханей сдают свое поле за одну треть урожая¹⁶⁰ **мушкенуму** или еще

¹⁵⁵ Интендант (шандабаккум) царя Мари Зимри-Лима в конце его правления, см. подробнее: Reculeau 2018, 17–33.

¹⁵⁶ Областенаачальник округа Мари при Зимри-Лиме, см. о нем: Lion 2001, 185–186.

¹⁵⁷ Данные этого источника были учтены в Alexandrov 2012a по неопубликованной диссертации Э. Рекюло (Reculeau 2006).

¹⁵⁸ *abu ka'ali* – термин аморейского происхождения (досл. «отец силы»), обозначающий высокий социальный статус. Имя упоминаемого ниже в тексте Ка'алалума или Кала-Эля, служившего командиром ханейского гарнизона в Мари и в Цупруме, имеет в своей основе то же аморейское слово (*ka'alu*) и, возможно, отражает его принадлежность к категории *abu ka'ali*, см.: Reculeau 2018, 391.

¹⁵⁹ См. выше прим. 95.

¹⁶⁰ В тексте стоит не дробь, а порядковое числительное, однако, по мнению издателя, его

кому-нибудь, то заведи такое поле». Таковы были указания, которые дал мне мой господин.

Теперь, как кому-то, кто не подчинился указаниям своего господина, мой господин прислал мне табличку со смертным приговором, чтобы я изошел слезами! Я начал делить поля, хорошее в хорошем, плохое в плохом, и моему господину поступили жалобы. Вот месяц назад мой господин прислал мне табличку, и я повиновался всем указаниям моего господина. Я ни у кого не отобрал ни поля, ни усадьбы! Я не изменил местоположения полей. Я не изменил состав их держаний и не отдал их кому-то другому! Точно так же, как в прошлом году, тот, кто держал хорошее поле, продолжил владеть им, тот, кто держал плохое поле, остался при нем. Если кто-то держал земли сверх того, что было предписано указом моего господина, то я изъясил их земельные излишки.

Если бы я никогда не был человеком дворца, не получал сизмальства пайки во дворце и не знал этих вещей, и стал бы изымать или урезать поля, или не переставая перемещать их, то тот, у кого я забрал бы его поле или усадьбу, кто-то из людей *ведутум*¹⁶¹, *герсеккумов*¹⁶² и слуг моего господина, хотя бы один человек должен был бы подняться и обличить меня в том, что я поступил как тот, кто съел *асаккум* (= проклятие)¹⁶³ моего господина и преступил пределы! Да поможет мой господин своим слугам, сколько их есть!

Не (поминая) полей людей *ведутум* и *герсеккумов*, которые находятся при моем господине и могут уладить свои дела, (скажу об) Или-ашрайе, распорядителе пайков, который силой вошел во владение 15 *ику* поля и приписал себе поле, ранее засеянное сезамом, из оросительного округа Саггара¹⁶⁴, среди полей ... Я урезал его поле на 7 *ику*, сказав ему, что он должен отдать их Ка'алалуму, ханею, который служит в страже города Мари: «Иди и возьми (держание) у кого-то другого! Вы вместе с Ка'алалумом возьмите (в держание) "хорошее в хорошем и плохое в плохом" и придите к согласию!» Я не мог изъять это поле!

Но зачем так много издалека писать моему господину? В тот день, когда мой господин приедет ко мне, я представлю ему мой доклад. Не было никого,

нужно понимать как обозначение арендной ставки, см.: Reculeau 2018, 391.

¹⁶¹ Ведутум – руководители дворцовых служб, см.: Durand 1988a, 315.

¹⁶² Герсеккумы – категория дворцовых служителей невысокого ранга, в то же время исполнявшие ими обязанности были очень важны для функционирования дворцового хозяйства, см.: Durand 2002a, 85.

¹⁶³ Оборот «съесть асаккум» означал «принести клятву, поклясться». Своим возникновением он обязан особой магической практике, сопровождавшей заключение договора: произнося торжественную клятву, участники поглощали определенный продукт (травы, хлеб, пиво, вино), который символизировал разрушительную силу, начинавшую действовать в случае нарушения договора, см. подробнее: Charpin 1997, также Charpin 2012, 129–130 и литературу, указанную в Reculeau 2018, 392.

¹⁶⁴ Древнее название обожествленных гор Джебель-Синджар, одноименный оросительный округ находился на правом берегу Евфрата в окрестностях Мари, см.: Ziegler, Langlois 2016, 292; Reculeau 2018, 392.

кто был бы лишен своего поля. Пусть мой господин не беспокоится в связи с этим делом. ... Я ответил моему господину ... Все, что было в прошлом году, продолжает оставаться в держании ... это поле с трудом поддается затоплению ... мой господин жалуется.

(лакуна в десять строк)

Мой господин не должен беспокоиться.

23. FM XVI 29

Музейный номер: A.3035

Издание: Reculeau 2018, 397–3990¹⁶⁵

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T22506>

Фото: Reculeau 2018: 396; <http://pix.archibab.fr/4Dcgi/44179D1272.jpg>

Перевод

Скажи моему господину. Так (говорит) Цидкепук(?), твой раб.

(лакуна)

... новость о ... которого мы увидим ... и все поля, он известит меня.

1500 ику земли дворца и 300 ику земли дворцовых слуг – частью у ик-карумов, частью у ведомства Ибни-Шерума, частью у Нур-илишу¹⁶⁶. В сумме 1800 ику мертвой земли, где нет и колоска. (И это) не считая (полей) верхнего оросительного округа, который погиб в прошлое половодье. Это есть те поля, состояние которых я изучал.

Также я послал доверенных людей измерить поля *мушкенумов*. Но они до сих пор не закончили измерение, и (поэтому) я не прислал моему господину списки всех *мушкенумов*.

Поля знатных: 800 ику полей переселенных¹⁶⁷, которые находятся в оросительном округе Саггара, 300 ику в оросительном округе для откорма (скота), 300 ику в оросительном округе Шаккана и 300 ику в *анувасу*^{??168}. В сумме 1700 ику мертвой земли, которая находится в оросительных округах в окрестностях Мари. (И это) не считая (полей) со вспомогательными культурами, погибшими во многих местах. Будет проведено тщательное обследование этих полей, (а также) полей в Аппане¹⁶⁹ и Хумсане¹⁷⁰, и я пошлю подробный [отче]т об этом моему господину.

¹⁶⁵ Данные этого источника были учтены в Alexandrov 2012a по неопубликованной диссертации Э. Рекюло (Reculeau 2006).

¹⁶⁶ Более подробные сведения об этих чиновниках отсутствуют.

¹⁶⁷ Подробное обсуждение этой категории см. в: Rovira 2014; Reculeau 2018, 398.

¹⁶⁸ Слово должно представлять собой топоним или обозначение типа местности, однако издатель отказывается от его интерпретации (Reculeau 2018, 398). Чтение *a-nu-wa-su* ненадежно с эпиграфической точки зрения.

¹⁶⁹ См. прим. 100.

¹⁷⁰ Город в округе Мари, см.: Ziegler, Langlois 2016, 148.

24. А.3006

Музейный номер: А.3006

Издание: Ziegler 2023

Электронное издание в базе данных Archibab: <https://www.archibab.fr/T16912>

Фото: Ziegler 2023, 15

Перевод

Скажи моему господину. Так говорит Самметар¹⁷¹, твой раб.

Луллу¹⁷² – злодеи. Однажды они учинили зло в Туттуле¹⁷³. Во второй раз при Аминуме¹⁷⁴, в третий при Шамши-Ададе, в четвертый раз учинили зло при Яхдун-Лиме. Сейчас эти луллу не преминут учинить зло!¹⁷⁵

Ка’алан¹⁷⁶ сказал мне следующее: «Все они по собственной воле приказали сделать им кинжалы из бронзы в домах их размещения, и они их постоянно носят!»

Но в тот день, когда я отправил эту мою табличку к моему господину, настал срок, который мой господин установил для них. Или пришел гонец, или кто-то принял решение, и они ушли. Я тотчас отправил подмогу вплоть до Каттунана, до Туттуля и вниз по течению, вплоть до Сухума¹⁷⁷. Подмога, которую я отправил, до сих пор не вернулась.

Сейчас как бы эти люди не стали источником постоянных беспокойств и как бы (у них) не установилось сообщение с работниками дворца и с рабами

¹⁷¹ См. прим. 87.

¹⁷² По мнению Н. Зиглер, этноним *lullum* / *lullubum*, обозначающий загросские племена (луллубеи), употребляется в данном случае расширительно, служа метафорой для горцев-варваров в целом. По мнению исследовательницы, обсуждаемая в письме группа луллу происходила из района Таврских гор. Это были наемники, оказавшие Зимри-Лиму помощь при захвате власти. В дальнейшем, как видно из документа, они превратились во взрывоопасный элемент, угрожавший порядку в государстве (Ziegler 2023, 19).

¹⁷³ Туттуль (совр. Телль-Бийя) – город на левобережье Евфрата в районе устья реки Балих, центр почитания бога Дагана (Ziegler, Langlois 2016, 373–375).

¹⁷⁴ Аминум – сын Илакабкабу и брат Шамши-Адада, его деятельность, согласно «Эпонимальной хронике Мари», относится к 1850–1840-м гг. до н. э. См. подробнее: Ziegler 2023, 20–22.

¹⁷⁵ Весь отрывок, повествующий о преступлениях луллу, представляет значительный интерес с точки зрения знания истории и применения этих знаний в образованной среде царства Мари. Н. Зиглер освещает исторический контекст упомянутых событий, которые значительно отстоят от времени создания письма (нападение на Туттуль – середина XIX в. до н. э., нападение при Аминуме – 1842 г. до н. э., при Шамши-Ададе – 1827 г. до н. э.(?) и при Яхдун-Лиме – до 1793/92 гг. до н. э.). Исследовательница предполагает, что Самметар черпал свои познания из «Эпонимальной хроники Мари» (Ziegler 2023, 20–23). Подробнее о феномене воспоминания о прошлом и использования исторических знаний в корреспонденции из Мари см.: Charpin 1998.

¹⁷⁶ По предположению Н. Зиглер, Ка’алан – командующий бинсимьалитским гарнизоном в Мари (Ziegler 2023, 17).

¹⁷⁷ Самая южная из провинций царства Мари.

мушкенумов¹⁷⁸. Пусть схватят передатчика сообщений, чтобы они не причинили нам зла!

Вот что я решил.

Сейчас, в соответствии с гаданиями, я должен буду направить людей, находящихся в Сухуме или же в Терке, или же в Саггаратуме, в крепости. Пусть пребывают там!

Сейчас, если замысел отправить их в крепости не нравится моему господину, пусть быстро придет ответ на эту мою табличку, и пусть они остаются в самом Мари!

25. А.3194

Музейный номер: А.3194

Издание: отсутствует

Цитирование: Guichard 1999, 28–29, п. 21 (транслитерация и перевод стк. 10–24)

Перевод

Кто выжил из тех, кто схватил край одежды твоего господина¹⁷⁹? Саббугани, господин Амаза¹⁸⁰, схватил край одежды твоего господина. Но люди страны ... свели с ним счеты, и у него не оказалось спасителя. Почему Зимри-Лим, твой господин, не спас его? Самметара¹⁸¹, господина Ашнаккума, который женат на сестре Зимри-Лима¹⁸², люди ... засунули в мешок и предали в руки эламитов. Почему Зимри-Лим, твой господин, не спас его? С Яви-Илой, человеком Тальхайума¹⁸³, которого Зимри-Лим поставил на царство, враг свел счеты в самом его доме. Почему твой господин его не спас? Сейчас у Шубрама¹⁸⁴ и его людей, которые схватили край одежды вашего господина, Самси-Эрах, **мушкенум**, захватил дом и добро. Почему твой господин не спас его? И меня в один день вы спасете так же? Кто выжил из тех, кто схватил край вашей одежды?

¹⁷⁸ Н. Вассерман предлагал другое чтение и понимание отрывка, на наш взгляд, менее предпочтительное, чем у Н. Зиглер (Wasserman 1994, 326).

¹⁷⁹ Образное выражение, означавшее признание над собой власти другого царя, см.: Lafont 2001, 257–258. См. обсуждение исторического контекста этого письма в: Charpin 2004, 220–221.

¹⁸⁰ Столица княжества в треугольнике Хабура к западу от Шубат-Энлиля, см.: Ziegler, Langlois 2016, 19–21.

¹⁸¹ Царь Ашнаккума, которого следует отличать от областеначальника Терки с тем же именем.

¹⁸² Речь о сестре Зимри-Лима по имени Халиятум. После свержения с престола ее мужа Самметара в результате вторжения эламитов Халиятум превратилась в заложницу нового правителя Ашнаккума Ибаль-Адду. В конце правления Зимри-Лима Халиятум смогла вернуться в Мари (Durand 2002a, 464).

¹⁸³ Столица княжества Яптурум в Верхней Месопотамии, см.: Ziegler, Langlois 2016, 357–358. О Яви-Иле и его убийстве см.: Durand 1988b.

¹⁸⁴ См. прим. 48.

МУШКЕНУМЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЦАРСТВА МАРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Участие в политике

Рассмотренные ранее источники показали, что мушкенумы были вовлечены в политику¹⁸⁵. Например, мушкенумы могли быть избраны царями (ARM XXVI/2 377). Они также принимали участие в народных собраниях, обсуждавших и принимавших решения по важным вопросам (A.1151+M.7105)¹⁸⁶. Новые источники не добавляют к этой картине каких-то ярких, неожиданных штрихов. Можно отметить, что мушкенумы выдвигаются навстречу войску противника с предложением о сдаче (ARM XXXIII 4 = ARM XXVIII 48: 44–46). Согласно A.3194, мушкенум по имени Самси-Эрах попытался узурпировать царскую власть в одном из княжеств Верхней Месопотамии в беспокойное время эламского вторжения (1765 г. до н.э.) (стк. 20–21)¹⁸⁷.

Религиозная жизнь

Также скупы свидетельства новых текстов об участии мушкенумов в религиозной жизни. В одном из них сообщается о предсказании по внутренностям жертвенного животного, полученном при жертвоприношении по заказу мушкенума (ARM XXXIII 141: 9–10). Данные этого предсказания сановник царя Мари Аскудум, по-видимому, использует, чтобы обосновать решение не участвовать в поездке, от которой его и так отговаривал царь.

Еще один документ сообщает о религиозном празднике в Мари (ARM XXXIII 151: 13–33). Царский чиновник просит своего господина продлить праздник еще на два дня и советует ему не возвращаться в столицу до завершения торжеств. Чиновник заметно обеспокоен возможным недовольством царя и говорит, что никогда бы не осмелился обратиться к нему с такой просьбой, если бы не требования мушкенумов.

Наконец, в ARM XXXIV 9 говорится о проведении племенным вождем, царем города Мишлан, религиозного обряда *пагра’у*. По своим целям это очистительный ритуал, носящий при этом частный, а не публичный характер: церемония должна затронуть только семью и домохозяйство царя, а также его адресата, очевидно, тоже человека высокого статуса. Автор письма, царь Мишлана, специально замечает, что обряд не коснется мушкенумов. Очевидно, здесь мы имеем дело с противопоставлением знати, людей благородного, царского происхождения, рядовому населению.

Содержание ARM XXXIII 151 и XXXIV 9 позволяет перейти к обсуждению взаимодействия мушкенумов с властями. Именно этот сюжет закономерно

¹⁸⁵ Alexandrov 2012a.

¹⁸⁶ Guichard 2009, 106–112.

¹⁸⁷ Одно из возможных пониманий фразы о захвате Самси-Эрахом дома и имущества местного царя. О Самси-Эрахе см. исследование Guichard 2011.

находится в центре внимания большинства рассматриваемых источников, исходящих, как было отмечено выше, из государственных архивов. Именно в контексте взаимоотношений с властями чаще всего употребляется термин *мушкенум*.

Взаимоотношения с властями

Сборы

Термин *мушкенум* отсылает к подвластному населению, подчиненному царским чиновникам. Царские чиновники, прибывая в свой округ, собирают мушкенумов, очевидно, для того чтобы сделать какие-то важные объявления (ARM XXXIII 109)¹⁸⁸.

Налогообложение

Мушкенумы были обязаны выплачивать особый налог, *шибшум* (ARM XXXIII 130). На юге Двуречья в позднестаровавилонский период данный налог выплачивался мушкенумами и некоторыми другими категориями в пользу дворца в натуральной форме, зерном¹⁸⁹. Характер южномесопотамских источников — а это сухие документы хозяйственной отчетности — не позволяет с уверенностью судить о типе отношений, связывавших дворец и плательщиков *шибшум*. Несмотря на это О. Буавен предполагает, что мушкенумы являлись держателями государственной земли. На это, в частности, может указывать доля урожая, выплачиваемая дворцу: одна треть. Такая ставка типична для арендных договоров¹⁹⁰. Что касается новых данных из Мари, то упомянутое письмо ARM XXXIII 130 интересно как раз информацией о ставке налога *шибшум*: 2 сикля серебра за 10 *ику* поля¹⁹¹. Возможно, участки мушкенумов в среднем имели именно такую площадь¹⁹². В таком случае по уровню обеспеченности землей их можно приравнять к шейхам-*сугагумам* (ср. FM XVI 27: 17). Также важно, что налог *шибшум* устанавливался царскими чиновниками, в ARM XXXIII 130 — это жрец-прорицатель Аскудум. Интересны замечания автора письма, что мушкенумы не смогут выплатить налог

¹⁸⁸ Глагол *pahārum* ‘собираться’ употреблен относительно мушкенумов в корпусе еще один раз, в FM XVI 24, где говорится о сборе волов дворца и мушкенумов, очевидно, для выполнения работ в пользу дворца. Возможно, и в ARM XXXIII 109 созыв мушкенумов преследует похожие цели.

¹⁸⁹ Boivin 2016. О старовавилонских повинностях и налогах в целом см.: Stol 2004, 747–776; Richardson 2020. О новоассирийском налоге *шибшу*, представлявшим собой поставку соломы, см.: Postgate 1974, 186–188.

¹⁹⁰ Ср. данные FM XVI 27, 20–21 из рассматриваемого корпуса.

¹⁹¹ $1 \text{ ику} = 3500 \text{ м}^2 \approx 3 \text{ га}$.

¹⁹² Среднее поле, обеспечивавшее одно домохозяйство в старовавилонский период, составляло 14 га, а наделом, гарантировавшим выживание на минимальном уровне, был участок в 5 га (Paulus 2017, 233). За службу государство выдавало наделы в 6 га (Démare-Lafont 1998, 540).

по ставке, установленной Аскудумом, и что на момент написания текста они платят меньше.

Специально проанализировав новые данные о налоге *шибшум* в текстах из Мари, Э. Рекюло пришел к следующим наблюдениям¹⁹³. В текстах этот налог противопоставлен выплатам *бильтум*, которые возложены на дворцовых земледельцев-*иккарумов*. Также проводится различие между зерном *шибшум* и зерном дворца. Сопоставляя эти данные с информацией уже известных административных текстов, в которых мушкенумы фигурируют как плательщики *шибшум*, легко прийти к выводу, что термин *бильтум* обозначал налоги, собираемые внутри дворцового сектора (*le monde "institutionnel"*), а *шибшум* отсылал к выплатам, поступавшим государству от частных лиц вне дворца. Именно такими частными лицами и признаются мушкенумы во французской историографии. Однако, по мнению Рекюло, ситуация могла быть сложнее: термин *бильтум* обозначал поступления с земель, которые напрямую обрабатывал дворец, а *шибшум* – налог с полей, которые владельцы возделывали за собственный счет, как свои личные наделы. Это могли быть как участки в рамках дворцового фонда, так и находившиеся вне его частные владения. Соответственно, плательщики *шибшум* могли принадлежать к разным социальным группам.

Выплаты поголовьем скота

Помимо выплат серебром с мушкенумов, возможно, взимали поборы и поголовьем мелкого рогатого скота (ARM XXXIII 111: 3–20). По содержанию этого письма можно сделать вывод, что такие выплаты носили регулярный характер. Как считает Э. Рекюло, поставки государству мелкого рогатого скота являлись для мушкенумов частью налога *шибшум*¹⁹⁴.

Изъятие имущества

Представители царской администрации могли изъять у мушкенумов имущество под свои нужды. По предположению Ж.-М. Дюрана, в письме ARM XXXIII 95 присутствует аллюзия на реквизиции у мушкенумов домов в пользу царских чиновников. Вместе с тем ущерб, нанесенный мушкенумам, должен был быть записан (стк. 31–33), очевидно, для того, чтобы в дальнейшем его компенсировать. Из письма ARM XXXIII 286 (стк. 5–17) мы узнаем, что для починки городских ворот в Аппане планируется изъять деревянные конструкции из домов мушкенумов. Однако царский чиновник не может осуществить это изъятие без санкции царя.

Привлечение к отработкам

Есть данные о работе мушкенумов на дворцовой земле. Так, царский представитель в городе Нашер посадил на подотчетные ему наделы особую

¹⁹³ Reculeau 2018, 36–37.

¹⁹⁴ Reculeau 2008, 333.

группу работников («колодезных крестьян») (FM XVI 17: 19–20)¹⁹⁵. Эти работники были заняты на уборке урожая вместе с мушкенумами. Работы предположительно носят сверхплановый, срочный характер. Царские чиновники могли привлекать не только самих мушкенумов, но и их скот. В FM XVI 24 сообщается о сборе волов, принадлежащих дворцу и мушкенумам. Судя по контексту, владельцы сопровождали своих животных. Возможно, что их задачей был обмолот дворцового зерна¹⁹⁶.

Еще в одном случае говорится о плугах дворца и плугах мушкенумов, не занятых работой (ARM XXXIII 120: 34). Вероятно, подразумеваются рабочие бригады. Однако контекст не позволяет утверждать, что группы, состоящие из мушкенумов, бездействуют, находясь на дворцовой земле. В письме сообщается о масштабных и экстренных ирригационных работах, из-за которых нормальное течение хозяйственной жизни оказалось нарушено. Это нарушение повлияло на все хозяйства без исключения, и слова «плуги дворца и плуги мушкенумов не заняты работой» могут отсылать к приостановке пахоты не только на дворцовых, но и на всех остальных землях. Поэтому этот пример не позволяет говорить об особой связи мушкенумов с дворцом и о привлечении мушкенумов к государственным повинностям. В то же время важно, что положение мушкенумов является предметом внимания царских чиновников. Похожая ситуация наблюдается в ARM XXXIII 187: автор этого письма, чиновник из города Дур-Яхдун-Лим, пытается убедить царя в необходимости ирригационных работ. Если их не провести, то «дворец и мушкенумы упустят зерно и сезам» (об. ст. 10'–12').

Землеустройство, земельные отношения

Мушкенумы могли обращаться к царю по вопросам землеустройства, а царские чиновники проводили проверки их полей (FM XVI 5: 29–32). Чиновники составляли списки мушкенумов и измеряли их поля (FM XVI 29: 16'–17'). Такие списки передавались центральным властям. Судя по FM XVI 29, мушкенумы противопоставлены такой группе как *wēdūtum* 'знатные': их поля измеряются отдельно. Также из контекста понятно, что мушкенумы более многочисленная группа и собрать информацию о них сложнее: если данные о полях знатных у царского чиновника уже на руках, то сведения о мушкенумах только собираются. В текстах не сообщается напрямую о целях проверок и измерений. Однако логично предположить, что подобные мероприятия проводились государством в рамках фискальной политики. В ARM XXXIV 34 (= ARM XXVII 14) содержится имплицитное противопоставление полей мушкенумов и дворца (стк. 42–45)¹⁹⁷.

¹⁹⁵ См. прим. 146.

¹⁹⁶ Ср. ARM XIV 48; A.2157.

¹⁹⁷ Уже отмечалось в: Alexandrov 2012a: 125–126, прим. 40.

В ARM XXXIII 187 предположительно о мушкенумах говорится, что они взяли поля для выращивания сезама (об. ст. 4'–6'). Контекст подсказывает, что земля была взята из государственного фонда. На этом фоне интересно царское распоряжение, зафиксированное в FM XVI 27. Согласно этому распоряжению, держателям дворцовой земли запрещается сдавать ее в аренду мушкенумам. Казалось бы, это входит в противоречие с отмеченным только что фактом получения мушкенумами наделов из государственного фонда. Однако на деле противоречия, видимо, нет, и запрет на сдачу дворцовых наделов их держателями в субаренду связан со стремлением государства контролировать свои активы, не допускать появления неподконтрольных землепользователей на своих территориях.

Поскольку земледелие в царстве Мари носило ирригационный характер, а государство было основным организатором и контролером ирригационной системы, то интересы властей и мушкенумов неизбежно соприкасались в этой сфере. Выше уже приводились примеры того, что царские чиновники, организуя оросительные работы, объясняли свои действия стремлением не допустить бедственного положения мушкенумов (ср. ARM XXXIII 187)¹⁹⁸. В письме FM XVI 18 областеначальник провинции Каттунан заверяет царя, что подаст воду для мушкенумов. Однако это произойдет лишь после того, как вода поступит в третий оросительный округ провинции. Судя по этому документу, поля мушкенумов питались водой из государственных каналов. Э. Рекюло специально отмечает, что земли государства имели приоритет в плане доступа к воде по сравнению с наделами мушкенумов.

Мушкенумы и кочевое население

Приведенные выше данные рисуют мушкенумов прежде всего как оседлое земледельческое население. Между тем для социально-экономической структуры царства Мари была характерна двойственность: важную роль в нем играли как города и прилегающие к ним сельскохозяйственные угодья, так и пастбища в степных районах, по которым перемещались пастушеские племена. Закономерно возникает вопрос, насколько термин *мушкенум* был применим к представителям последней группы.

Среди новых писем есть лишь один документ, который помещает мушкенумов в соответствующий контекст. В письме ARM XXXIII 185, адресованном царю Мари Ясмах-Адду, чиновник Кунанийя сообщает, что группа из десяти шейхов-сугаумов округа Дур-Ясмах-Адду направились к «царю», т. е. к Шамши-Ададу (стк. 5–20), а затем добавляет, что *мушкенумы* пошли вместе с ними («со своими сугаумами») (стк. 21–24). Таким образом, мушкенумы этого текста – люди, составляющие свиту племенных вождей пастушеского населения,

¹⁹⁸ Ср. также ARM III 79.

вероятно, подчиненные этих вождей.

Хотя текст А.3575 не входит в состав корпуса этой статьи, он также заслуживает внимания, так как содержащиеся в нем сведения напрямую касаются рассматриваемого вопроса¹⁹⁹. В начале этого документа говорится о человеке по имени Альпум, охарактеризованном при первом упоминании как *сугагум*, т. е. предводитель пастушеского населения, находящийся на службе у местного царя Хамми-куна. Альпум выступил с инициативой собрать необходимую для Мари дань с местного населения, выплату которой то приостановило. Альпум повел себя деятельно, в то время как цари региона проявили пассивность. Автор письма следующим образом описывает сложившуюся ситуацию: «Цари не открыли своего рта, а он (Альпум – Б. А.), мушкенум, потребовал у них дани» (стк. 12'–13'). Этот контекст важен тем, что представитель кочевого населения мог быть обозначен как мушкенум и что мушкенумом мог являться человек в ранге *сугагум*.

Семантические корреляты и семантические оппозиции слова мушкенум

Непосредственный контекст, в котором употребляется слово *мушкенум*, сигнализирует о том, с какими понятиями оно отождествляется и каким противостоит. Анализ таких контекстов помогает лучше понять, кем были люди, обозначавшиеся этим словом.

Как отмечает Ж.-М. Дюран, в ARM XXXIV 25 эквивалентом мушкенумов является выражение «люди города Мишлан» (досл. «сыновья»)²⁰⁰.

Оппозиций, в которые вступает слово *мушкенумы*, существенно больше. Так, в текстах мы наблюдаем противопоставление, с одной стороны, мушкенумов и, с другой, дворца (ARM XXXIII 120: 34; 187: 10'–12'; ARM XXXIV 34: 42–45; FM XVI 24: 8–10), царей (А.3575: 12'–13'), знатных людей-*ведутум* (FM XVI 29: 20'–24'), шейхов-*сугагумов* (ARM XXXIII 185: 21–24; ARM XXXIV 140: 18–22; FM XVI 27: 19–20), знатных людей *абу-кали* из пастушеской среды FM XVI 27: 19–20), ханеев (FM XVI 27: 19–20), колодезных крестьян (FM XVI 17: 18–20).

КТО ТАКИЕ МУШКЕНУМЫ: ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ

Обзор нового материала в очередной раз высвечивает всю сложность вопроса о мушкенумах. Сомнения вызывает как отнесение мушкенумов к зависимым земледельцам царского хозяйства, так и их характеристика как свободного населения, противопоставленного дворцу. И действительно, с первым пониманием не стыкуются случаи Альпума и Самси-Эраха (см. п. «Мушкенумы и кочевое население»). Определенную проблему для второй интерпретации

¹⁹⁹ Guichard 2009: 101–103.

²⁰⁰ Для таких употреблений слова *mārum* 'сын' уместно выбрать значение 'гражданин, уроженец' (CAD M/1, 308, 315).

представляют данные о выплатах налогов, привлечении мушкенумов к отработкам, реквизиции у них имущества, возделывании ими дворцовой земли. Ведь отсутствие у мушкенумов обязательств по отношению к государству является одной из основ понимания этого статуса в современной историографии. Как указывал в своем обзоре хозяйства и общества старовавилонской Месопотамии М. Стол: “Ein Bürger ohne Verpflichtungen dem Staat gegenüber hieß *muškēnum*”²⁰¹.

Выход, как представляется, следует искать в многозначности исследуемого слова. Поиски его одного единственного, правильного значения при той сложности и многообразности явлений, которые оно, как видно по конкретному материалу, отражает, заведомо обречены на неудачу. Это не значит, что между различными употреблениями термина нет связи. Выявить такую связь, продемонстрировав, как эволюционировала семантика слова, и является задачей всякого посвященного ему исследования.

Хорошо известен факт использования некоторых социальных терминов аккадского языка в переносном значении. Так, например, слово ‘раб’ (*wardum*) помимо указания на невольника могло также использоваться говорящим при обращении к вышестоящему лицу для того, чтобы выразить почтение. Сам говорящий при этом мог относиться к элите общества. Такое употребление слова ‘раб’ особенно частотно в переписке высших сановников с царем. Царь в свою очередь называл себя рабом в молитвах богам.

По аналогии с этим уместно предположить, что и термин *мушкенум* имел переносное значение, в основу которого мог быть положен тот или иной базовый признак статуса мушкенумов. Одним из таких признаков было подчиненное положение. Выше уже разбиралась этимология слова *мушкенум*, которая показывает, что семантика подчинения («склоняющийся ниц») была неотъемлемой частью его смысла. С ней хорошо сочетаются факты, собранные в п. «Взаимоотношения с властями». Представляется, что на основе этого значения возникло употребление слова *мушкенум* по отношению к любым лично свободным лицам²⁰², которые в силу служебного или социального положения находились в подчинении у других или были ниже по статусу, чем те или иные представители государственного аппарата и элиты. К такого рода употреблениям, вероятно, относятся случаи, отмеченные в п. «Мушкенумы и кочевое население».

Остается вопрос, на основе какой социальной группы возникло указанное переносное значение («подчиненный», «простой», «незнатный»). Возможно, это было лично свободное земледельческое население страны. Его подчиненное по отношению к государству положение заключалось в несении повинностей. Как стремится показать в своих последних исследованиях Е. фон Дассов, все

²⁰¹ Stol 2004, 732.

²⁰² Употребления слова *мушкенум* по отношению к рабам в источниках не засвидетельствовано.

свободное население в странах древнего Ближнего Востока в обязательном порядке несло общегосударственные повинности²⁰³. Этим оно отличалось от рабов, которых привлечь к повинностям было нельзя. Исключений для свободных не существовало: повинности несли даже цари и правители, достаточно вспомнить знаменитые рельефные изображения царя I тыс. до н. э. Ашшурбанипала, несущего корзину с землей *тупшикку*²⁰⁴. Безусловно, исполнение повинностей правителями и элитой со временем должно было приобрести номинальный, символический характер. Основное бремя по их отработке было возложено на рядовое население, в то время как цари выступали прежде всего в роли распорядителей, назначавших и контролировавших исполнение работ через своих чиновников²⁰⁵. Тем не менее акцент на факте непосредственного участия царей в отправлении повинностей неизменно присутствовал в официальной пропаганде, играя важную роль в легитимации политического режима.

Если следовать этой линии рассуждений, то затруднение, обозначенное в начале параграфа, устраняется само собой: выплаты налога *шибшум* и привлечение к земледельческим работам можно истолковать как локальный вариант общегосударственных повинностей в Мари, и факт их отправления мушкенумами отнюдь не означает, что мушкенумы были в Мари «царскими людьми».

Вместе с тем надо учитывать, что концепция фон Дассов построена на материале источников периода поздней бронзы, в ней еще много непроработанных деталей, и, следовательно, ее механическое перенесение на реалии другой эпохи чревато искажениями исторической картины²⁰⁶.

Поэтому, не отказываясь от исходного предположения, что исконные мушкенумы – это лично свободное крестьянство, следует снабдить его некоторыми уточнениями. Первоначально термин *мушкенум* употреблялся в основном по отношению к свободным лицам, которых государство могло привлекать к повинностям (воинской²⁰⁷, сельскохозяйственной²⁰⁸, возможно, другим²⁰⁹). Затем

²⁰³ von Dassow 2018; 2020.

²⁰⁴ О повинности *tupšikku* в новоассирийскую эпоху см.: Postgate 1974, 78–81.

²⁰⁵ В результате такого распределения ролей за рядовыми исполнителями повинностей и могло закрепиться обозначение «склоняющиеся ниц» (= подчиняющиеся распоряжениям властей).

²⁰⁶ Так, тщательной проверки требует утверждение Е. фон Дассов, что всё свободное население старовавилонской Месопотамии было обязано государству ильковой повинностью (см. выше п. 2) и что государство облагало свободное население налогами. О нахождении мушкенумов в Мари вне повинностной системы см.: Reculeau 2006, 897; 2009, 76.

²⁰⁷ Военная повинность мушкенумов, возможно, отражена в ARM XIV 48, хотя нельзя исключать и другого понимания текста: мушкенумов вызывают в военный поход в порядке исключения. Ср. также FM II 69.

²⁰⁸ Ср., например, ARM XXVII 37–40, 100, 102, FM II 11.

²⁰⁹ О сборе льда говорится в FM II 76. Государство также могло воспользоваться кораблями и лодками мушкенумов (A.687), привлечь к работам принадлежавших им рабов-ремесленников (FM II 35).

по аналогии этот термин был перенесен и на те, менее многочисленные, слои рядового населения, связь которых с государством была теснее и выражалась, в частности, в том, что эти люди существовали за счет условных держаний на государственной земле²¹⁰. Некоторые из фактов, собранных в п. «Взаимоотношения с властями», возможно, относятся именно ко второй, а не первой группе мушкенумов (выплата налога *шибишум*, возделывание дворцовой земли, опись участков государственными чиновниками?). Нельзя исключать, что в некоторых случаях термин относился сразу к двум группам (ср. п. «Сборы»).

Наконец, возникло и более абстрактное употребление термина: он стал употребляться для того, чтобы показать подчиненное или более низкое положение одного свободного лица по отношению к другому. Наиболее подходящим для этого контекстом оказывались ситуации, в которых противопоставлялись друг другу носитель какого-то властного ранга и человек, не принадлежавший к государственным структурам (ср. примеры из п. «Мушкенумы и кочевое население»).

Возможен и другой сценарий: слову *мушкенум* было свойственно лишь последнее, относительное значение. Это значение было исходным, оно не развилось из обозначения какой-то определенной общественной группы. Слово *мушкенум* использовалось лишь в тех случаях, когда нужно было подчеркнуть подчиненный статус лица, взаимодействовавшего с государством или иными потестарными структурами. При таком толковании слово лишается какой-либо конкретной социально-правовой референции: получается, что оно не отсылало ни к одной из сословных или статусных групп. Это, по сути, концепция Е. фон Дассов, изложенная в ее работе 2014 года²¹¹. Нам представляется, что сведение семантики слова *мушкенум* лишь к относительному значению не учитывает ряда фактов: например, оно никогда не употребляется по отношению к элите и рабам²¹². Если слово не было связано по своему происхождению ни с ка-

²¹⁰ Если это деление мушкенумов в Мари на две группы действительно существовало в такой форме, то не вызывает сомнения, что «нецарских» мушкенумов было больше, так как менее развитый по сравнению с Южной Месопотамией государственный сектор Мари не мог принять, обеспечив землей, сопоставимое с основной массой свободного крестьянства число зависимых земледельцев.

²¹¹ Эта концепция является переосмыслением и развитием взглядов Ф. Крауса, А. Гётце и Р. Ярона. Похожая точка зрения (мушкенум – несоциальный термин) отражена в Alexandrov 2012a.

²¹² Например, нет случаев, когда один правитель назывался мушкенумом другого или мушкенумом божества. В то же время засвидетельствованы примеры, употребления этого слова по отношению к царям или представителям царской семьи, когда нужно было подчеркнуть их нецарское происхождение или бедственное положение. Е. фон Дассов признает наличие таких фактов и вынуждена подстраивать под них свою концепцию (von Dassow 2014, 304–305). В результате у нее получается, что мушкенумы – это всё свободное население, а авилумы – правящий класс. Итог, который, по сути, возвращает фон Дассов гораздо ближе к позиции Крауса, чем бы ей хотелось.

ким конкретным социальным слоем, такая ограниченность выглядит странной.

Попробуем подытожить сказанное. В корпусе старовавилонских текстов из Мари, по-видимому, присутствуют три разных употребления слово *мушкенум*. Одно отсылало к свободному, независимому крестьянству, владевшему землей вне государственного фонда и привлекавшемуся государством к различным повинностям (на основании чего, возможно, и возник сам термин). Второе употребление относилось к лицам, находившимся в более тесной связи с государством (аналог нижнемесопотамских «царских людей»). Наконец, третье значение возникало в контексте противопоставления свободных людей лицам более высокого ранга, представлявшим государственные или племенные потестарные структуры.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Табл. 1. Орфография слова *muškēnum* в ARM XXXIII, ARM XXXIV, FM XVI, A.3006 и A.3194²¹³.

	UŠ	ÚŠ
ARM XXXIII 4	I^{214} (стк. 45) = 0	
ARM XXXIII 95	2 (стк. 10, 32) = 1	
ARM XXXIII 109		1 (стк. 11'')
ARM XXXIII 111 ²¹⁵		1 (стк. 19)
ARM XXXIII 120*		1 (стк. 34)
ARM XXXIII 130		2 (стк. 5, 10) = 1
ARM XXXIII 141*		1 (стк. 9)
ARM XXXIII 151		1 (стк. 21)
ARM XXXIII 185		1 (стк. 21)
ARM XXXIII 187		2 (стк. 4', 11') = 1
ARM XXXIII 286		2 (стк. 11, 17) = 1
ARM XXXIV 9		1 (стк. 12)
ARM XXXIV 25		1 (стк. 38)
ARM XXXIV 34*		1 (стк. 44)

²¹³ Подробнее о значении колебания в написании первого слога в слове мушкенум (использование знака UŠ или ÚŠ) см.: Alexandrov 2012a, 137, прим. 101. Как видно, соотношение двух орфографий в исследованных текстах характеризуется еще большим преобладанием форм с ÚŠ, чем в остальном корпусе: 84,2% (ÚŠ) и 15,8% (UŠ) против 69% и 31%. Формы с UŠ произносились со звуком /š/ и, видимо, отражали традиционную интерпретацию слова («склоняющийся ниц», от глагола *šukēnum*).

²¹⁴ Курсив сигнализирует о поврежденных написаниях или восстановлении термина в лакуне, не учитывавшихся в итоговой статистике.

²¹⁵ Астериском помечены тексты, материал которых был учтен в Alexandrov 2012a.

ARM XXXIV 68		I (стк. 7) = 0
ARM XXXIV 140	1 (стк. 21)	
ARM XXXIV 145		1 (стк. 10)
FM XVI 5		1 (стк. 29)
FM XVI 17		1 (стк. 19)
FM XVI 18*		1 (стк. 16)
FM XVI 24		2 (стк. 9, 15)
FM XVI 27*		1 (стк. 20)
FM XVI 29*	1 (стк. 16')	
A.3006	1 (стк. 34)	
A.3194		1 (стк. 21)
Итого:	4 (= 15,4%)	22 (= 84,6%)
(без учета *)	3 (= 15,8%)	16 (= 84,2%)

СОКРАЩЕНИЯ

об. ст. – оборотная сторона

стк. – строка

A. – инвентарный номер клинописных текстов из Мари (совр. Телль-Харири)

AHw. – von Soden W. Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959–1981.

ARM – Archives royales de Mari

CAD – The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Glückstadt; Chicago, 1956–2010.

CDA – A Concise Dictionary of Akkadian / ed. by J. Black, A. George, N. Postgate. Wiesbaden, 2000.

FM – Florilegium marianum

M. – инвентарный номер клинописных текстов из Мари (совр. Телль-Харири)

ЛИТЕРАТУРА

Alexandrov, B.E. 2012a: [*Mušḫēnum* according to the data of the texts from Mari]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 119–141.

Александров, Б. Е. Мушкенумы по данным текстов из архивов Мари. *ВДИ* 2, 119–141.

Alexandrov, B.E. 2012b: [The social terms in the Old Babylonian texts from Tell Leilan (I): *mušḫēnum*]. In: *Drevniy Vostok i antichnyi mir* [Ancient Orient and Antiquity]. *Trudy kafedry istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M. V. Lomonosova* [Transactions of the Department of Ancient History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University]. Iss. 8. Moscow, 37–48.

Александров, Б. Е. Социальная терминология текстов из Телль-Лейлана (I): *mušḫēnum*. В сб.: *Древний Восток и античный мир. Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Вып. 8. М., 37–48.*

Arkhipov, I.S. 2017: [The Decree of Ammi-Ṣaduqa, King of Babylon]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 1050–1075.

Архипов, И. С. Указ Аммицадуки, царя Вавилона. *ВДИ* 4, 1050–1075.

Bartash, V. 2020: The Early Dynastic Near East. In: K. Radner, N. Moeller, D. T. Potts (eds.). *The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. 1: From the Beginning to Old Kingdom Egypt and the Dynasty of Akkad*. Oxford, 531–611.

Bartash, V., Pottorf, A. 2025: *Mušḫēnum* in Third-Millennium BC Mesopotamia. *Journal of Ancient Near Eastern History* 12/1, 1–17.

- Biro, M. 1993: *Correspondance des gouverneurs de Qaṭṭunân*. (Archives royales de Mari, XXVII). Paris.
- Boivin, O. 2016: Agricultural Economy and Taxation in the Sealand I Kingdom. *Journal of Cuneiform Studies* 68, 45–65. <https://doi.org/10.5615/jcunestud.68.2016.0045>
- Buccellati, G. 1991: A Note on the *muškēnum* as a ‘Homesteader’. *Maarav* 7, 91–100.
- Chambon, G. 2018: *Florilegium marianum XV. Les archives d’Ilu-kân. Gestion et comptabilité du grain dans le palais de Mari*. (Mémoires de N.A.B.U., 19). Paris.
- Charpin, D. 1985: Les archives du devin Asqudum dans la résidence du «Chantier A». *M.A.R.I.* 4, 453–462.
- Charpin, D. 1988: Lettres d’Ušur-awassu. In: Charpin, D., Joannès, F., Lackenbacher, S., Lafont, B (eds.). *Archives épistolaires de Mari. I/2*. (Archives royales de Mari, XXVI/2). Paris, 9–29.
- Charpin, D. 1997: «Manger un serment». In: S. Lafont (éd), *Jurer et maudire: pratiques politiques et usages juridiques du serment dans le Proche-Orient ancien. Actes de la table ronde organisée par Francis Joannès et Sophie Lafont le Samedi 5 octobre 1996 à l’Université de Paris X – Nanterre*. (Méditerranées. Revue de l’association Méditerranées, 10–11). Paris–Montréal, 85–96.
- Charpin, D. 1998: L’évocation du passé dans les lettres de Mari. In: J. Prosecký (ed.), *Intellectual Life of the Ancient Near East. Papers Presented at the 43rd Rencontre Assyriologique Internationale, Prague, July 1–5, 1996*. Prague, 91–110.
- Charpin, D. 2004: Histoire politique du Proche-Orient amorrite (2002–1595). In: Charpin, D., Edzard, D. O., Stol, M(eds.). *Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit. Annäherungen 4*. (Orbis biblicus et orientalis, 160/4). Fribourg–Göttingen, 25–480.
- Charpin, D. 2012: Mari à l’école d’Ešnunna: écriture, langue, formulaires. In: C. Mittermayer, S. Ecklin (hrsg.), *Altorientalische Studien zu Ehren von Pascal Attinger: mu-ni u₄ ul-li₂-a-aš ġa₂-ġa₂-de₃*. (Orbis biblicus et orientalis, 256). Fribourg–Göttingen, 119–137.
- Charpin, D. 2014: Prophéties et rêves «censurés» dans les archives royales de Mari. In: J.-M. Durand, T. Römer, M. Bürki (éds.), *Comment devient-on prophète? Actes du colloque organisé par le Collège de France, Paris, les 4–5 avril 2011*. (Orbis biblicus et orientalis, 265). Fribourg–Göttingen, 23–33.
- Charpin, D. 2015: Le mariage d’une princesse de Qabra avec un prince de Qatna. In: L. Marti, Ch. Nicolle, K. Shawaly (éds.), *Recherches en Haute Mésopotamie II. Mission archéologique de Bash Tapa (campagnes 2012–2013) et les enjeux de la recherche dans la région d’Erbil*. Paris, 5–12.
- Charpin, D. 2017: Le roi d’Ugarit et la demeure de Zimri-Lim. *Ugarit-Forschungen* 48, 637–652. <https://doi.org/10.2307/jj.32831022.25>
- Charpin, D. 2019: La taxation des gouverneurs, des chefs du cadastre et des intendants dans le royaume de Mari. *Ugarit-Forschungen* 50, 65–80.
- Charpin, D. 2021: «Année où Zimri-Lîm est allé en renfort du Yamhad»: Une campagne des armées de Mari dans le royaume d’Ale. In: V. Matoïan (éd.), *Ougarit, un anniversaire. Bilans et recherches en cours*. (Ras Shamra Ougarit, XXVIII). Leuven–Paris–Bristol, 535–572.
- Charpin, D., Durand, J.-M. 1986: «Fils de Sim’al»: les origines tribales des rois de Mari. *Revue d’assyriologie et d’archéologie orientale* 80, 141–183.
- Civil, M. 1969: *The Series lú = ša and Related Texts*. (Materials for the Sumerian Lexicon, XII). Rome.
- Dandamaev, M.A. 1974: *Rabstvo v Vavilonii VII–IV vv. do n. e. (626–331 gg.) [Slavery in Babylonia of the 7th–4th centuries B.C. (626–331 B.C.)]*. Moscow.
- Дандамаев, М. А. *Рабство в Вавилонии VII–IV вв. до н. э. (626–331 гг.)*. М.
- Demaire-Lafont, S. 1998: Fief et féodalité dans le Proche-Orient ancien. In: J.-P. Poly, E. Bournazel (éds.), *Les féodalités*. Paris, 517–630.
- Driver, G. R., Miles, J. C. 1952: *The Babylonian Laws. Vol. I: Legal Commentary*. Oxford.
- Durand, J.-M. 1988a: *Archives épistolaires de Mari I/1*. (Archives royales de Mari, XXVI/1). Paris.
- Durand, J.-M. 1988b: Les Anciens de Talhayûm. *Revue d’assyriologie et d’archéologie orientale* 82, 97–113.

- Durand, J.-M. 1990a: La cité-état d'Imâr à l'époque des rois de Mari. *M.A.R.I.* 6, 39–92.
- Durand, J.-M. 1990b: Problèmes d'eau et d'irrigation au royaume de Mari: l'apport des textes anciens. In: B. Geyer (éd.), *Techniques et pratiques hydro-agricoles traditionnelles en domaine irrigué. Approche pluridisciplinaire des mondes de culture avant la motorisation en Syrie. Actes du Colloque de Damas 27 juin – 1er juillet 1987. T. I.* Paris, 101–142.
- Durand, J.-M. 1990c: *šuke''unum* = «Prostration». *Nouvelles assyriologiques brèves et utilitaires* 1, 18–19 (№ 24).
- Durand, J.-M. 1991: Précurseurs syriens aux Protocoles néo-assyriens. In: D. Charpin, F. Joannès (éds.), *Marchands, diplomates et empereurs. Études sur la civilisation mésopotamienne offertes à Paul Garelli.* Paris, 13–71.
- Durand, J.-M. 1994: Administrateurs de Qaṭṭunân. In: J.-M. Durand, D. Charpin (éds.), *Florilegium marianum II. Recueil d'études à la mémoire de Maurice Birot.* (Mémoires de N.A.B.U., 3). Paris, 83–114.
- Durand, J.-M. 1998: *Documents épistolaires du palais de Mari.* (Littératures anciennes du Proche-Orient, 17). Paris.
- Durand, J.-M. 2000: *Documents épistolaires du palais de Mari.* (Littératures anciennes du Proche-Orient, 18). Paris.
- Durand, J.-M. 2002a: *Documents épistolaires du palais de Mari.* (Littératures anciennes du Proche-Orient, 16). Paris.
- Durand, J.-M. 2002b: *Florilegium marianum VII. Le Culte d'Addu d'Alep et l'affaire d'Alahtum.* (Mémoires de N.A.B.U., 8). Paris.
- Durand, J.-M. 2008a: La religion à l'époque amorrite d'après les archives de Mari. In: G. del Olmo Lete (éd.), *Mythologie et Religion des Sémites Occidentaux. Volume I: Ébla, Mari.* (Orientalia Lovanensia Analecta, 162/1). Leuven, 161–716.
- Durand, J.-M. 2014: Réflexions sur deux cas d'oniromancie. In: J.-M. Durand, T. Römer, M. Bürki (éds.), *Comment devient-on prophète? Actes du colloque organisé par le Collège de France, Paris, les 4-5 avril 2011.* (Orbis biblicus et orientalis, 265). Fribourg–Göttingen, 1–22.
- Durand, J.-M. 2016: Affaires de famille ? In: B. Perello, A. Tenu (éds.), *Parcours d'Orient. Recueil de textes offert à Christine Kepinski.* Oxford, 103–106.
- Durand, J.-M. 2019a: *Les premières années du roi Zimrî-Lîm de Mari. Première partie.* (Archives royales de Mari, XXXIII). Leuven–Paris–Bristol (CT).
- Durand, J.-M. 2019b: Un joint dans les textes de Mari. In: G. Chambon, M. Guichard & A.-I. Langlois (éds.), *De l'argile au numérique. Mélanges assyriologiques en l'honneur de Dominique Charpin.* Leuven–Paris–Bristol (CT), 373–380.
- Durand, J.-M. 2020: “Si ce n'est toi, c'est donc ton frère ...”. In: A. Azzoni, A. Kleinerman, D. A. Knight, D. Owen (eds.), *From Mari to Jerusalem and Back. Assyriological and Biblical Studies in Honor Jack Murad Sasson.* University Park, 118–124.
- Durand, J.-M. 2023: *Les premières années du roi Zimrî-Lîm de Mari. Deuxième partie.* (Archives royales de Mari, XXXIV). Leuven–Paris–Bristol (CT).
- Durand, J.-M., Chambon, G. 2018: Le creusement d'un puit à l'époque amorrite. *Semitica* 60, 5–10.
- Durand, J.-M., Chambon, G. 2023: Opérations économiques sur le Haut-Euphrate. In: Ph. Clancier, J. Monerie (éds.), *L'empreinte des empires au Proche-Orient ancien: Volume d'hommage offert à Francis Joannès.* (Études Mésopotamiennes – Mesopotamian Studies, 3). Oxford, 25–29.
- Durand, J.-M., Ziegler, N. 2014: Les soldats perdus de Karanâ. In: N. Ziegler, E. Cancik-Kirschbaum (éds.), *Entre les fleuves – II. D'Aššur à Mari et au-delà.* (Berliner Beiträge zum Vorderen Orient, 24). Gladbeck, 49–76.
- D'yakonov, I.M. 1956: [*Mušškênum* and service land-tenure on the crown land under Hammurabi]. *Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum* 48/1, 37–62.
- Дьяконов, И.М. *Mušškênum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби. *Eos. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum* 48/1, 37–62.
- Ehelolf, H. 1925: Ein einheimische und ein entlehnter Huldigungsterminus im Hethitischen. *Studia Orientalia* 1, 9–13.

- Feliu, L. 2003: *The God Dagan in Bronze Age Syria*. (Culture and History of the Ancient Near East, 19). Leiden–Boston.
- Gelb, I. 1957: *Glossary of Old Akkadian*. (Materials for the Assyrian Dictionary, 3). Chicago.
- Gruber, M. I. 1980: *Aspects of Nonverbal Communication in the Ancient Near East*. (Studia POHL, 12/1). Rome.
- Guichard, M. 1999: Les aspects religieux de la guerre à Mari. *Revue d'assyriologie et d'archéologie orientale* 93, 27–48.
- Guichard, M. 2009: Šuduhum, un royaume d'Ida-Maraş et ses rois Yatâr-malik, Hammî-kûn et Amud-pā-El. In: E. Cancik-Kirschbaum, N. Ziegler (éds.), *Entre les fleuves – I. Untersuchungen zur historischen Geographie Obermesopotamiens im 2. Jahrtausend v. Chr.* (Berliner Beiträge zum Vorderen Orient, 20). Gladbeck, 75–120.
- Guichard, M. 2011: Un David raté ou une histoire de *habiru* à l'époque amorrite. Vie et mort de Samsî-Ērah, chef de guerre et homme du peuple. In: J.-M. Durand, T. Römer, M. Langlois (éds.), *Le jeune héros: Recherches sur la formation et la diffusion d'un thème littéraire au Proche-Orient ancien*. (Orbis biblicus et orientalis, 250). Fribourg–Göttingen, 29–93.
- Guichard, M. 2013: Bédouins et sédentaires au pays de l'Ida-Maraş. *Semitica* 55, 61–74.
- Guichard, M. 2014a: *Florilegium marianum XIV. L'Épopée de Zimrî-Lîm*. (Mémoires de N.A.B.U., 16). Paris.
- Guichard, M. 2014b: Nouvelles données sur Zalluhân, un petit royaume des bords du Habur d'après les archives de Mari. In: N. Ziegler, E. Cancik-Kirschbaum (éds.), *Entre les fleuves – II. D'Aššur à Mari et au-delà*. (Berliner Beiträge zum Vorderen Orient, 24). Gladbeck, 77–108.
- Guichard, M. 2017: Chroniques de l'Ida-Maraş et autres pays des environs. *Semitica* 59, 87–108.
- Guichard, M. 2020: Prière à Itûr-Mêr pour le salut de Zimrî-Lîm. In: A. Azzoni, A. Kleinerman, D. A. Knight, D. Owen (eds.), *From Mari to Jerusalem and Back. Assyriological and Biblical Studies in Honor Jack Murad Sasson*. University Park, 147–153.
- Heimpel, W. 1997: Disposition of Households of Officials in Ur III and Mari. *Acta sumerologica japonensia* 19, 63–82.
- Heimpel, W. 2003: *Letters from the King of Mari. A New Translation, with Historical Introduction, Notes, and Commentary*. (Mesopotamian Civilization, 12). Winona Lake.
- Kärger, B. 2014: *Leben in der amurritischen Welt. Nomaden und Sesshafte im Reich von Mari im 19. und 18. Jahrhundert vor Christus*. (PHILIPPIKA, 68). Wiesbaden.
- Kogan, L., Krebernik, M. 2021: Eblaite. In: J.-P. Vita (ed.), *History of the Akkadian Language. Vol. 1: Linguistic Background and Early Periods*. (Handbuch der Orientalistik, 152/1). Leiden–Boston, 664–989.
- Kouwenberg, N. J. C. 2010: *The Akkadian Verb and Its Semitic Background*. (Languages of the Ancient Near East, 2). Winona Lake.
- Kozyreva, N.V. 2018: [The term *awîlum* in the texts of the 19th–18th cc. B.C. from Larsa]. In: *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. 95 [Transactions of the State Hermitage Museum. Vol. 95]: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu sodnyarozhdeniya Igorya Mikhaylovicha D'yakonova (1915–1999) [Proceedings of the International Conference Dedicated to the Centenary of Igor Mikhailovich Diakonoff (1915–1999)]*. Saint Petersburg, 81–99.
- Козырева, Н. В. Термин *awîlum* в текстах XIX–XVIII вв. до н. э. из Ларсы. В сб.: *Труды Государственного Эрмитажа. Т. 95: Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Игоря Михайловича Дьяконова (1915–1999) / Государственный Эрмитаж*. СПб., 81–99.
- Kupper, J.-R. 1957: *Les nomads en Mésopotamie au temps des rois de Mari*. Paris.
- Kupper, J.-R. 1998: *Lettres royales du temps de Zimri-Lim*. (Archives royales de Mari, XXVIII). Paris.
- Lafont, B. 2001: Relations internationales, alliances et diplomatie au temps des royaumes amorrites. In: J.M. Durand, D. Charpin (éds.), *Mari, Ébla et les Hourrites, dix ans de travaux. Deuxième partie. Actes du colloque international (Paris, mai 1993)*. (Amurru, 2). Paris, 213–326.
- Lion, B. 2001: Les gouverneurs provinciaux du royaume de Mari à l'époque de Zimrî-Lîm. In: J.-M. Durand, D. Charpin (éds.), *Mari, Ébla et les Hourrites, dix ans de travaux. Deuxième*

- partie. Actes du colloque international (Paris, mai 1993).* (Amurru, 2). Paris, 141–209.
- Paulus, S. 2017: The Babylonian Kudurru Inscriptions and Their Legal and Sociohistorical Implications. In: A. Bartelmus, K. Sternitzke (eds.), *Karduniaš. Babylonia Under the Kassites. The Proceedings of the Symposium Held in Munich 30 June to 2 July 2011. Vol. 1: Philological and Historical Studies*. Boston–Berlin, 229–244.
- Pettinato, G. 1982: *Testi lessicali bilingui della biblioteca L. 2769. Parte I: Translitterazione dei testi e ricostruzione del VE.* (Materiali epigrafici di Ebla, 4). Napoli.
- Postgate, N. 1974: *Taxation and Conscription in the Assyrian Empire.* (Studia POHL. Series maior, 3). Rome.
- Reculeau, H. 2006: *Recherches sur les paysages ruraux de la vallée du Moyen-Euphrate au deuxième millénaire av. J.C.* Thèse de doctorat, École Pratique des Hautes Études, Section des Sciences Historiques et Philologiques. Paris.
- Reculeau, H. 2008: Tell Hariri / Mari: Textes. V. Environnement et occupation de l'espace. II. Les sédentaires. In: *Supplément au dictionnaire de la Bible. Fasc. 77–78.* Paris, 324–356.
- Reculeau, H. 2009: L'implantation sédentaire dans la vallée de l'Euphrate à l'âge du Bronze: un modèle centre / périphérie ? Le cas du royaume de Mari (Syrie) au XVIIIe siècle av. n.è. In: J.-M. Durand, A. Jacquet (éds.), *Centre et périphérie : Approches nouvelles des orientalistes. Actes du colloque organisé par l'Institut du Proche-Orient Ancien du Collège de France, la Société Asiatique et le CNRS (UMR 7192) les 31 mai et 1er juin 2006.* Paris, 57–81.
- Reculeau, H. 2012: *Awīlum, muškēnum, and wardum.* In: R. S. Bagnall, K. Brodersen, C. B. Champion, A. Erskine, S. R. Huebner (eds.), *The Encyclopedia of Ancient History.* Oxford, 998–999.
- Reculeau, H. 2018: *Florilegium marianum XVI. L'agriculture irriguée au royaume de Mari. Essai d'histoire des techniques. T. 1–2.* (Mémoires de N.A.B.U., 21). Paris.
- Richardson, S. 2020: Old Babylonian Taxation as Political Mechanism. In: J. Mynářová, S. Alivernini (eds.), *Economic Complexity in the Ancient Near East. Management of Resources and Taxation (Third – Second Millennium BC).* Prague, 217–247.
- Roth, M. 2013: On *mār awīlim* in the Old Babylonian Law Collections. *Journal of Near Eastern Studies* 72/2, 267–272. <https://doi.org/10.1086/673292>
- Roth, M. 2014: On Persons in the Old Babylonian Law Collections: The Case of *mār awīlim* in Bodily Injury Provisions. In: M. Kozuh, W. F. Henkelman, C. E. Jones, C. Woods (eds.), *Extraction & Control. Studies in Honor of Matthew Stolper.* (Studies in Ancient Oriental Civilization, 68). Chicago, 219–227.
- Rovira, L. 2014: “Share Them Out ...” On the Mass Deportation of People according to the Texts of Mari (18th Century BC). In: D. Nadali, J. Vidal (eds.), *The Other Face of the Battle. The Impact of War on Civilians in the Ancient Near East.* (Alter Orient und Altes Testament, 413). Münster, 25–36.
- Sasson, J. 2015: *From the Mari Archives. An Anthology of Old Babylonian Letters.* Winona Lake.
- Stol, M. 1997: *Mušķēnu.* In: *Reallexikon der Assyriologie. Bd. 8. Lief. 7/8.* Berlin–New York, 492–493.
- Stol, M. 2004: Wirtschaft und Gesellschaft in altbabylonischer Zeit. In: Charpin, D., Edzard, D.-O., Stol, M. *Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit. Annäherungen 4.* (Orbis biblicus et orientalis, 160/4). Fribourg–Göttingen, 643–975.
- Tropper, J. 1999: Zur Etymologie von akkadisch *šukēnu* / *šuḫehḫunu*. *Welt des Orients* 30, 91–94.
- Villard, P. 2001: Les administrateurs de l'époque de Yasmah-Addu. In: J.-M. Durand, D. Charpin (éds.), *Mari, Ébla et les Hourrites, dix ans de travaux. Deuxième partie. Actes du colloque international (Paris, mai 1993).* (Amurru, 2). Paris, 9–140.
- Volkov, S. V. 2017. *Elitnye gruppy traditsionnykh obshchestv* [Elite groups in the traditional societies]. Moscow.
- Волков, С. В. *Элитные группы традиционных обществ.* М.
- von Dassow, E. 2014: *Awīlum and Muškēnum in the Age of Hammurabi.* In: L. Marti (éd.), *La famille dans le Proche-Orient ancien: réalités, symbolismes, et images. Proceedings of the 55th Rencontre Assyriologique Internationale at Paris 6–9 July 2009.* Winona Lake, 291–308.

- von Dassow, E. 2018: Liberty, Bondage and Liberation in the Late Bronze Age. *History of European Ideas* 44, 658–684. <https://doi.org/10.1080/01916599.2018.1513246>
- von Dassow, E. 2020: Liberty and Duty in Late Bronze Age States. *Kaskal* 17, 75–123.
- Wasserman, N. 1994: The Particle *assurre/ē* in the Mari Letters. In: J.-M. Durand, D. Charpin (éds.), *Florilegium marianum II. Recueil d'études à la mémoire de Maurice Birot*. (Mémoires de N.A.B.U., 3). Paris, 319–335.
- Weeden, M. 2011: *Hittite Logograms and Hittite Scholarship*. (Studien zu den Boğazköy-Texten, 54). Wiesbaden.
- Ziegler, N. 2019: La *qadištum* dépouillée. In: G. Chambon, M. Guichard & A.-I. Langlois (éds.), *De l'argile au numérique. Mélanges assyriologiques en l'honneur de Dominique Charpin*. Leuven–Paris–Bristol, 1243–1260.
- Ziegler, N. 2020: Un enfant à Alep. In: A. Azzoni, A. Kleinerman, D. A. Knight, D. Owen (eds.), *From Mari to Jerusalem and Back. Assyriological and Biblical Studies in Honor Jack Murad Sasson*. University Park, 361–371.
- Ziegler, N. 2021: Die wertvollen Instrumente im Palast des Jaḫdun-Lîm von Mari. In: C. Bührig, M. van Ess, I. Gerlach, A. Hausleiter, B. Müller-Neuhof (hrsg.), *Klänge der Archäologie. Festschrift für Ricardo Eichmann*. Wiesbaden, 489–504.
- Ziegler, N. 2022: Le chef de musique Warad-ilišu et la conduite de musiciennes yaminites vers Alep. In: F. Escribano Martín, C. del Cerro Linares, M. Ramazzotti, F. L. Borrego Gallardo (eds.), *Ancora vivi tra i sepolti. Omaggio a Maria Giovanna Biga / Todavía vivos entre los sepultos. Homenaje a María Giovanna Biga*. (Isimu, 25). Madrid, 235–245.
- Ziegler, N. 2023: Des montagnards barbares à l'époque d'Aminum et de Samsi-Addu. In: Ph. Clancier, J. Monerie (éds.), *L'empreinte des empires au Proche-Orient ancien: Volume d'hommage offert à Francis Joannès*. (Études Mésopotamiennes – Mesopotamian Studies, 3). Oxford, 14–24.
- Ziegler, N., Langlois, A.-I. 2016: *Les toponymes paleo-babyloniens de la Haute-Mésopotamie*. (Matériaux pour l'étude de la toponymie et de la topographie I/1: La Haute-Mésopotamie au IIe millénaire av. J.-C.). Antony.

Anacharsis
1/1 (2026), 55–73
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 55–73
© The Author(s) 2026

DOI:

«ЧИСТЫЕ КЛАДОВЫЕ» В СТРУКТУРЕ ХРАМОВЫХ КОМПЛЕКСОВ ПОЗДНЕДИНАСТИЧЕСКОГО И ПТОЛЕМЕЕВСКОГО ЕГИПТА*

А.В. Мурашко¹, Е.В. Вдовченков²

¹ООО "Стратиграф", Краснодар,

²Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

¹E-mail: kraizzemli89@gmail.com

²E-mail: vdovchenkov@yandex.ru

¹ORCID: 0009-0007-0266-1661

²ORCID: 0000-0003-0160-8520

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию архитектурного типа «чистые кладовые» (*šn' w'b*), получившего распространение в египетском зодчестве с XXV династии по Птолемеевский период. В работе систематизируются архитектурные признаки данного типа построек на примере памятников Карнака, Медамуда, Таниса, Эль-Харги и некоторых других, а также проводится сравнительный анализ.

Ключевые слова: Древний Египет, Поздний период, архитектура из сырцового кирпича, «чистые кладовые», Карнак, Танис

THE «SHENA WAB» WITHIN THE TEMPLE COMPLEXES OF LATE DYNASTIC AND PTOLEMAIC EGYPT

Alysa V. Murashko¹, Evgeny V. Vdovchenkov²

¹LLC «STRATIGRAPH», Krasnodar

²Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹E-mail: kraizzemli89@gmail.com

²E-mail: vdovchenkov@yandex.ru

¹ORCID: 0009-0007-0266-1661

²ORCID: 0000-0003-0160-8520

Abstract: This article presents a comprehensive study of the architectural type known as the *shena wab*, which gained prominence in Egyptian temple architecture from the Twenty-Fifth Dynasty through the Ptolemaic Period. The paper employs comparative analysis to systematize the diagnostic architectural features of these structures, drawing on evidence from archaeological sites including Karnak, Medamud, Tanis, and El-Kharga, among others.

Keywords: Ancient Egypt, Late Period, mud-brick architecture, *šn' w'b*, *shena wab*, Karnak, Tanis

* Данные об авторах. Мурашко Алиса Валериевна – сотрудник ООО «Стратиграф». Вдовченков Евгений Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра археологической антропологии Института востоковедения РАН.

ВВЕДЕНИЕ

Древнеегипетский архитектурный термин *shena wab* состоит из двух компонентов: *šn'* «храм», «святилище», 'ограждение' или 'склад' (Wb. IV, 507–509)¹ и «чистый», «освященный» (WB I, 284. 8–9). Следует отметить, что с детерминативом О 1 по Гардинеру прилагательное *w'b* означает «чистое место» . Таким образом, *shena wab* можно переводить как «чистые кладовые».

Долгое время внимание археологов было сосредоточено на масштабных архитектурных объектах, а небольшие сырцовые сооружения исследовались лишь как часть храмовой территории. Небольшие сооружения, найденные на территории храма Амона в Танисе, которые сейчас рассматриваются как «чистые кладовые», Пьер Монте обозначил в 1933 г. как «конструкция из кирпичей»². Их также обозначали как «здание с пандусом»³, «храм+№», «высокие храмы» или «высокие часовни». Иногда их считали просто птичником или складом, как, например, «здание Псаммута» при храме Амона в Карнаке⁴.

Во второй половине XX века А. Спенсер привлек внимание египтологов к небольшим казематным фундаментам на храмовых территориях⁵. В 1979 г. он указал на их перпендикулярное расположение относительно храмов и близость к священному озеру. Остатки храмов, расположенных на платформах, он определил как периптеральные. Он же предположил мифологическое происхождение сырцовых платформ для храмов.

В 1987 г. С. Траункер предложил новую интерпретацию. Обследовав некоторые из этих памятников, он определил их как «чистые кладовые»⁶. Он обратил внимание на надписи *šn' w'b* в «здании Псаммута» при храме Амона в Карнаке и на большие чаши в коридорах. С его точки зрения, двойственная функция сооружения нашла отражение в архитектуре. Все здания «чистых кладовых» разделяются на две части: открытый двор, вероятно, предназначенный для процессий, и кладовые.

Д. Арнольд предположил в 1999 г., что сырцовые платформы, распространившиеся в саисский период – это стремление к образам Древнего Царства⁷. Здесь же он упоминает «Чистые кладовые» как уже известный архитектурный тип⁸.

В 2008 г. был опубликован труд К. Смоляриковой «Саисские форты

¹ Faulkner 2017, 329.

² Montet 1933, 17.

³ Brissaud 1998, 16, pl. 2, 24, 26.

⁴ Traunecker 1987, 147.

⁵ Spencer 1979.

⁶ Traunecker 1987, 148.

⁷ Arnold 1999, 66.

⁸ Arnold 1999, 109.

Египта»⁹, в котором рассматриваются структуры «чистых кладовых» некоторых храмов.

Дитер Арнольд включил термин *shena wab*¹⁰ в «Энциклопедию Древней Египетской Архитектуры»¹¹, опубликованную в 2003 г.: *Shena wab* или *чистые кладовые* – это вспомогательное сооружение в пределах храмового комплекса, предназначенное для подготовки и освящения продовольственных подношений, распространенное с XXV династии (ок. 747–656 гг. до н.э.) вплоть до Птолемеевского периода (IV–I вв. до н.э.). Из первоначальной культовой практики освящения жертвоприношений развился самостоятельный культ подношений, который, возможно, заменил традицию совершения жертвоприношений внутри главного храма. *Shena wab* представлял собой прямоугольное кирпичное здание, возведенное на высокой платформе, вход в которое осуществлялся через пандус. Оно было ориентировано под прямым углом к оси главного храма и имело центральную часовню со статуей главного божества храма»¹².

По мнению Арнольда, понятие «чистые кладовые» отражает синтез ритуальной и хозяйственной функций храмов. Хронологически термин «чистые кладовые» в большей степени характерен для Позднего периода: храмы предыдущей эпохи – Среднего царства – фокусировались не на административно-хозяйственной деятельности, а на ритуальных практиках¹³. Не исключено, что концепция «чистых кладовых» появились только в Новом Царстве. Этот термин упомянут на разрозненных блоках с картушами Аменхотепа III (рис. 1)¹⁴. С. Бикель также упоминает о разрозненных блоках, которые «свидетельствуют о существовании *šnwt Jmn*, построенного при Тутмосе I, и еще одного при Тутмосе IV»¹⁵.

⁹ Smolarikova 2008.

¹⁰ *Shena* (англ) = *Schena* (нем), *Magasin pur* (фр), иногда встречается: *bâtiment à rampe*(фр) – здание с пандусом .

¹¹ Arnold 2003, 222.

¹² Arnold 2003, 222.

¹³ Arnold 1979.

¹⁴ Bickel 2006, 13–14 .

¹⁵ Bickel 2006, 15 .

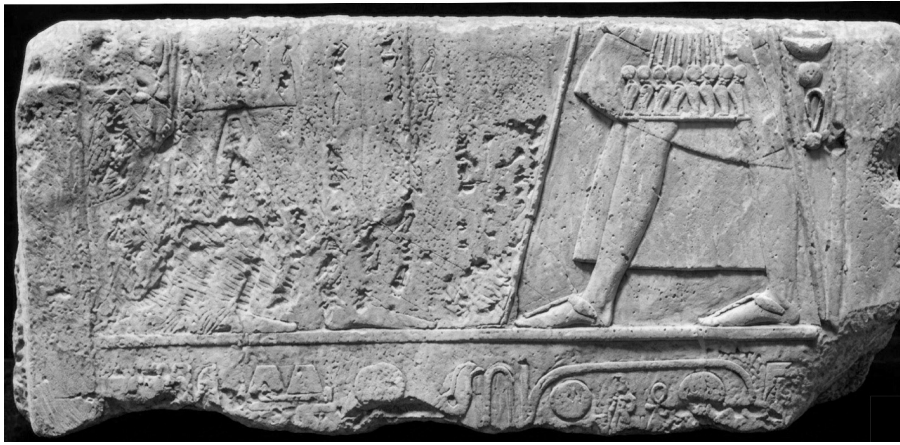

Рис. 1. Каменный блок с изображением фрагмента сцены «Расширение зернохранилища Амона» (фото А. Шене).

Изображение «чистых кладовых», вероятно, встречается в гробнице Хнуммоса, «писца и счетовода пшеницы Верхнего и Нижнего Египта в житнице божественных приношений Амона» (ТТ 253) (рис. 2). На росписи представлен план прямоугольного сооружения, разделенного на небольшие помещения белыми стенами с тремя большими дверьми, выровненными по одной оси. Входная дверь окрашена в желтый цвет. Пространство помещений заполнено зерном. В первой комнате верхнего регистра сохранилось сооружение, напоминающее небольшую часовню. Роспись Хнуммоса указывает на то, что хранилище, предназначенное в первую очередь для хранения зерна и, возможно, для выращивания фруктов, также включало культовые сооружения. Они, вероятно, использовались для празднования аграрных праздников, которые до сих пор не изучены в достаточной степени¹⁶.

Рис. 2 Изображение из гробницы Хнуммоса

¹⁶ Bickel 2006, 19.

В гробнице Аменхета (ТТ 48), главного управляющего Аменхотепа III, на рельефе (рис. 3) также изображено помещение с тремя большими дверьми в нижнем регистре. Владелец гробницы изображен в молитвенной позе или позе жертвоприношения по обе стороны от дверей. Слева в верхнем регистре изображено помещение для подношений – вероятно, часовня. Судя по изображению, это сооружение тоже играло роль и зернохранилища, и места для подношений богам¹⁷. Монументальность и богатство декора дверей зернохранилища Амона показывает, что это здание занимало важное место в храмовом хозяйстве (рис. 3)¹⁸.

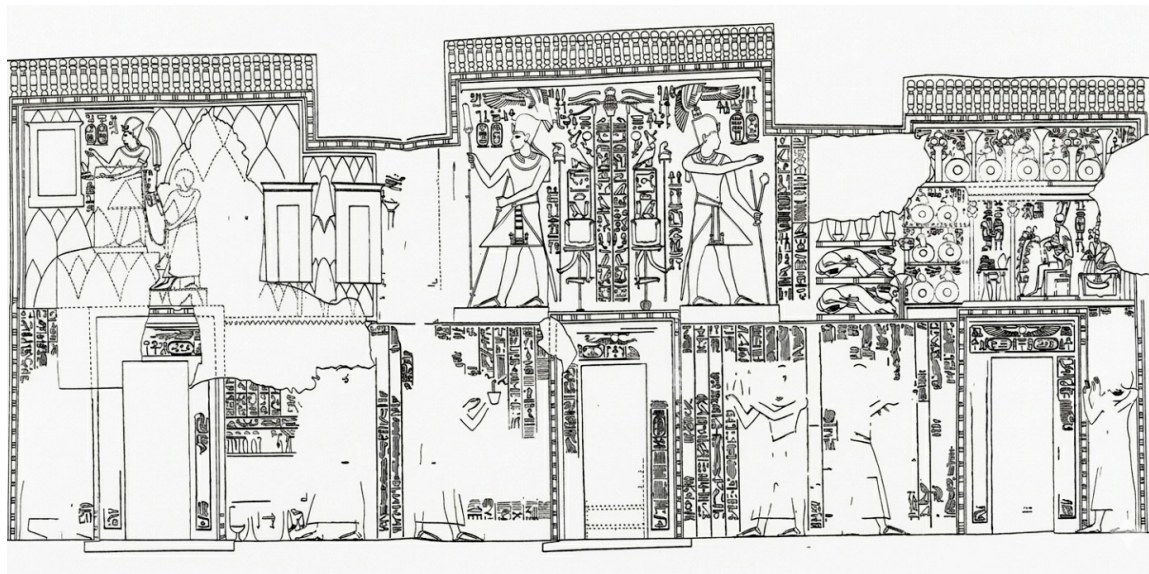

Рис. 3 Аменхет перед тремя дверями зернохранилища Амона (Säve-Söderbergh 1957, taf. 41-42»).

КАРНАК «ЧИСТЫЕ КЛАДОВЫЕ» ПРИ ХРАМЕ АМОНА

Сооружение «чистых кладовых», созданное при XXVI династии в Карнаке, перестроил и расширил фараон XXIX династии Неферит I¹⁹. При Псаммуте, его преемнике, перестройка хранилища продолжилась. В надписях на стенах здания оно называется *šn' w'b* и описывается как место для приготовления ежедневных подношений богам²⁰. На сегодняшний день это пример самого крупного здания «чистых кладовых», причем на одном из блоков сохранился картуш Псаммута²¹.

Сооружение «чистых кладовых» было ориентировано под прямым углом к оси главного храма и располагалось главным входом к югу от священного озера, перед 9 пилоном (рис. 4). Здание из сырцового кирпича было построено на платформе высотой 4,5 м и занимало участок размерами 45,5 × 55,5 м. Его

¹⁷ Bickel 2006, 20–21.

¹⁸ Bickel 2006, 21.

¹⁹ Arnold 1999, 100.

²⁰ Traunecker 1987, 149.

²¹ Arnold 1999, 102.

можно разделить на две части. В северной части располагался вход и открытый двор, украшенный портиком из 8 колонн, к которому примыкали с запада и востока два небольших помещения. Восточное помещение, размерами 9×6 м было предназначено, вероятно, для забоя жертвенного скота²². Узкий коридор, расположенный за помещением, вел к колодцу. С западной стороны к двору примыкало помещение, размерами $7,5 \times 12,5$ м, к южной стороне которого примыкал узкий коридор. К нему с внешней, западной стороны сооружения вели две лестницы.

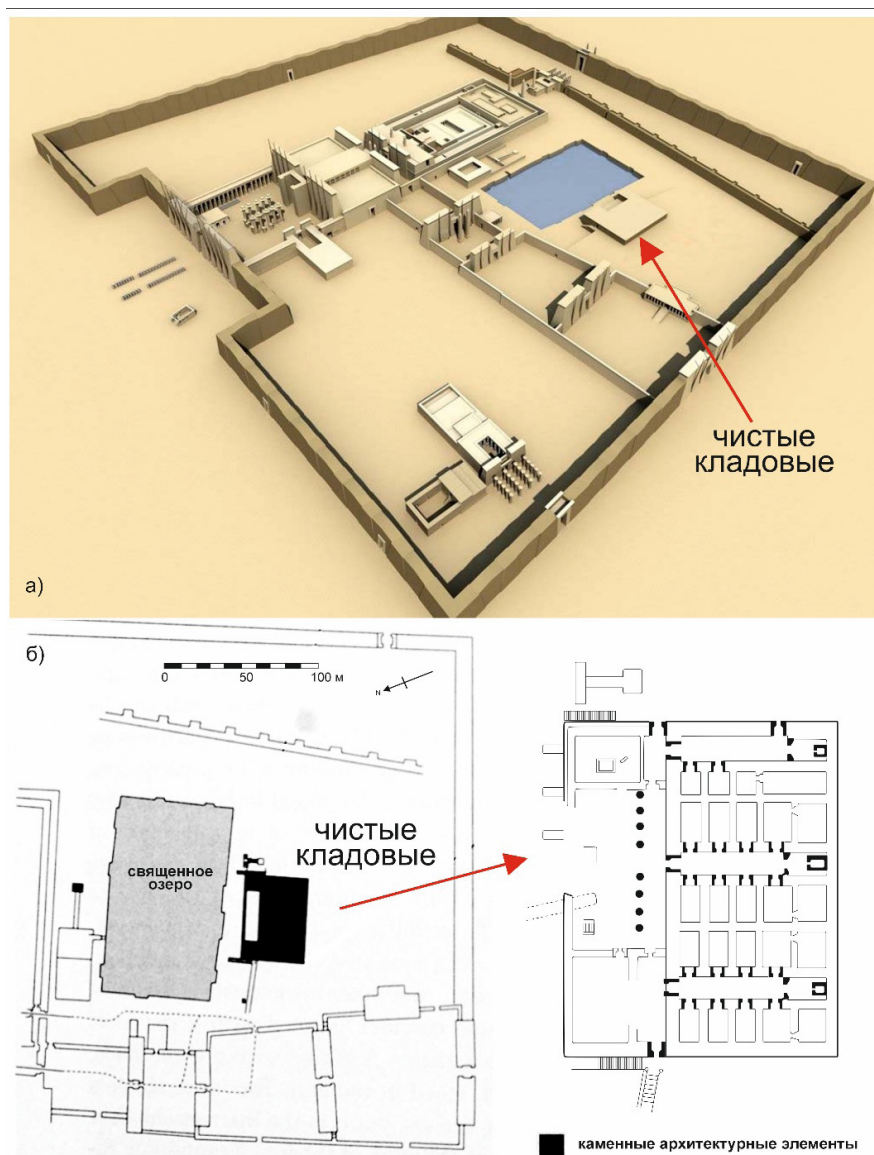

Рис. 4а) 3D-визуализация храма Амона-Ра в Карнаке, б) схема «Чистых кладовых»

Основная часть этого здания состояла из многочисленных помещений, поделенных коридорами на три сектора. В каждом из этих секторов по сторонам коридоров располагались помещения, размерами $5 \times 2,5$ м служившие складами²³. В конце каждого коридора располагались каменные наосы.

²² В центре комнаты стоит каменное сооружение, размерами $2,5 \times 2$ м.

²³ Smolarikova 2008, 103.

«Чистые кладовые» при храме Монту-Ре.

Здание размерами $25 \times 25,5$ м было возведено в правление Нектанеба II (XXX династия)²⁴ и расположено в 52,5 м к западу от главного храма, в непосредственной близости от священного озера. Его внешние стены слегка вогнуты²⁵. Пандус шириной 2,4 м и высотой 2,5 м, используемый для доступа к платформе, был украшен павильоном²⁶ с колоннами. Открытый передний двор был довольно скромным: он вмещал портик с четырьмя колоннами и небольшие помещения, симметрично расположенные по обеим сторонам двора. Коридор, в свою очередь, делил основную часть здания на два сектора. В его конце располагался каменный наос, где сохранились изображения царя Нектанеба II с богами Маат и Монту²⁷.

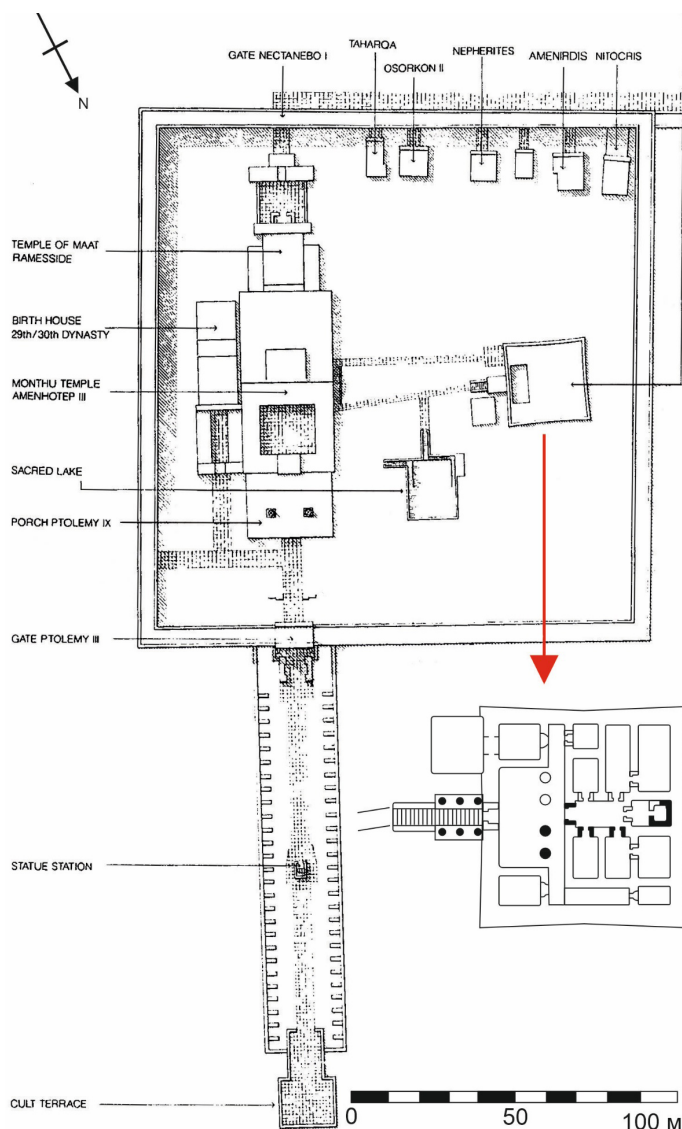

Рис. 5 Территория храма Монту-Ре в Карнаке; схема «Чистых кладовых»

²⁴ Arnold 1999, 132.

²⁵ Arnold 1999, 14, pl. IX.

²⁶ Arnold 2003, 130.

²⁷ Smolarikova 2008, 106.

Чистые кладовые при храме Мут

Возможно, первоначальное здание было построено в правление Тахарки (XXV династия) и располагалось к востоку от храма Мут. Позже, во время правления XXX-й династии, когда на храмовой территории проводилось обширное строительство, «чистые кладовые»²⁸ были перестроены²⁹. Здание, возведенное при Нектанебе II³⁰, располагалось с восточной стороны от храма Мут под прямым углом. Следует подчеркнуть, что «чистые кладовые» располагались недалеко от священного озера. Пандус, украшенный каменными блоками, шириной около 2,5 м вел к центру платформы, размерами 27×26 м³¹. Сооружение, как и прочие здания этого типа, характеризуется наличием открытого двора с портиком, а также коридором, заканчивающимся наосом.

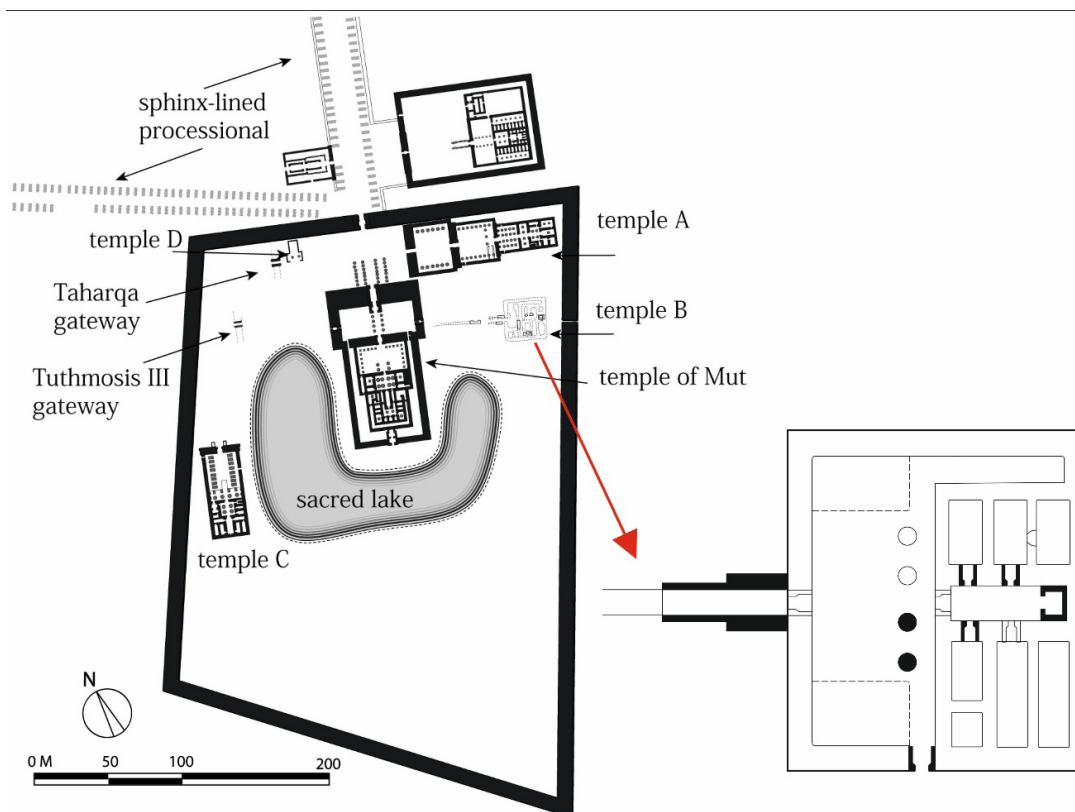

Рис. 6 Территория храма Мут; схема «Чистых кладовых»

«Чистые кладовые» при храме Хонсу

Платформа из сырцового кирпича, размерами $19 \times 22,5$ м была поднята на высоту около 2,7 м. Здание расположено к востоку от храма, неподалеку от священного озера. Сооружение плохо сохранилось. Судя по всему, в открытом дворе располагался портик с четырьмя колоннами, через который можно было попасть в основную часть с коридором и складскими помещениями. В конце коридора располагался каменный наос. Пандус шириной около 5 м был, вероятно,

²⁸ Sullivan 2010, 20.

²⁹ Fazzini 1999, 477.

³⁰ Arnold 1999, 132.

³¹ Smolarikova 2008, 108–109.

украшен колоннами при входе. На одной из дверей, ведущих в складские помещения, сохранились надписи «чистые кладовые» Хонсу и картуш Птолемея III.

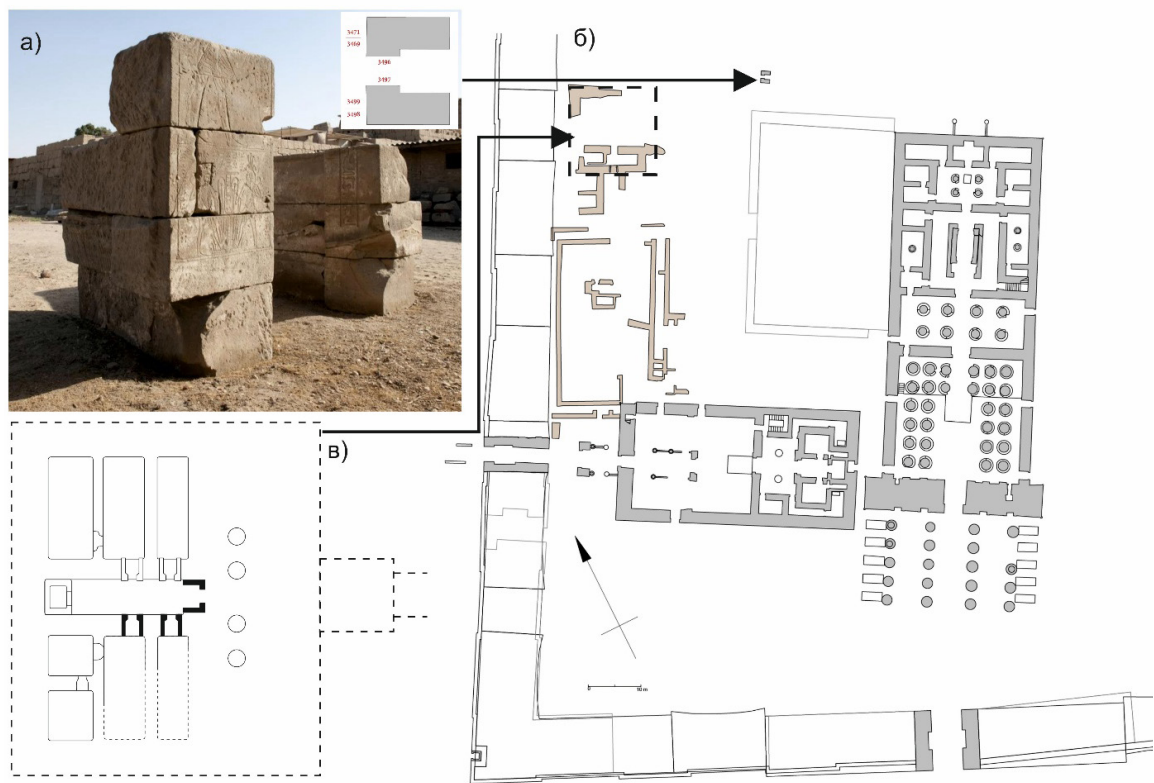

Рис. 7 а) каменные входные блоки, б) территория храма Хонсу, в) схема «Чистых кладовых»

По мнению Смоляриковой, здание было построено значительно раньше – при XXV династии – и могло использоваться вплоть до римской эпохи³². В 1924 г., восточнее от «чистых кладовых» Хонсу, действительно были найдены каменные входные блоки с рельефами периода XXV династии (рис. 7). На двух рельефах имеются дарственные надписи Птолемея Эвергета I и Береники II, что может свидетельствовать о реставрации памятника в птолемеевский период³³. В 1968–1969 гг. каменные блоки были перевезены в Музей Пенсильвании³⁴.

С 2001 по 2006 гг. в Карнаке были проведены раскопки в районе часовни, посвященной богу Осирису. За руинами сооружений Саисского периода было обнаружено здание из сырцового кирпича, интерпретируемое как «Чистые кладовые». Его строительство произошло за несколько этапов, но дату его основания пока трудно определить. Здание функционировало в течение V века до н.э. и пришло в запустение в конце IV века до н.э., то есть активно использовалось в персидский период³⁵.

³² Smolarikova 2008, 107.

³³ Traunecker 1987, 153.

³⁴ Anus 1970, 90.

³⁵ Defernez 2016, 14.

МЕДАМУД «ЧИСТЫЕ КЛАДОВЫЕ» ПРИ ХРАМЕ МОНТУ

Медамуд, в котором процветал культ бога Монту, являлся важным религиозным центром с XII по XVIII династию. Храмовая территория активно перестраивалась и при Рамессадах, но позже храм пришел в упадок. Он был восстановлен только во времена Птолемеев³⁶.

Сооружение, прямоугольное в плане, размерами 21 × 25,5 м, располагалось к юго-западу под прямым углом от храма Монту, напротив священного озера. Сохранившаяся высота платформы казематного типа³⁷ достигала 2,6 м. С северной стороны к платформе примыкал пандус шириной 1,6 м и длиной около 5 м³⁸. Вход был украшен каменными блоками с двумя колоннами, образующими небольшой крытый павильон шириной 3 м. С востока к павильону примыкала небольшая каменная пристройка, размерами 3,3 × 4 м. Пандус вел в открытый дворик с четырехколонным портиком³⁹. Платформа казематного типа имела десять прямоугольных шахт/камер разной величины без следов проемов и сводов. На дне шахт фиксировался слой плотной утрамбованной земли⁴⁰. Позже сооружение было частично разобрано для строительства новых зданий.

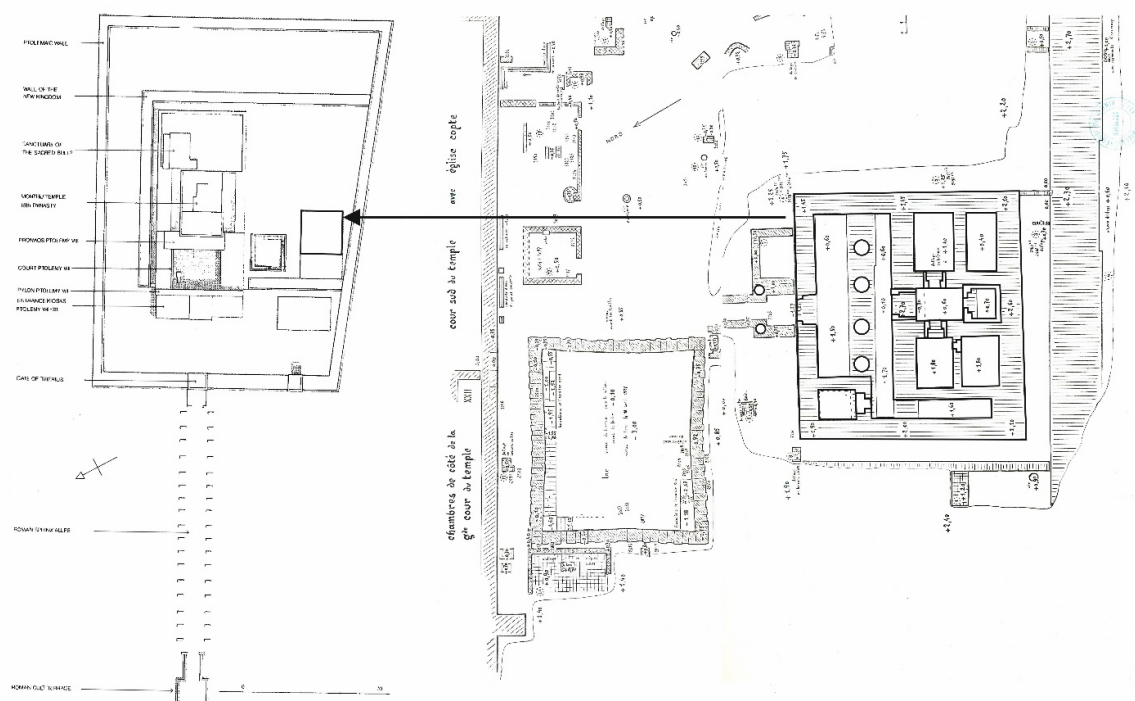

Рис. 8 Территория храма Монту в Медамуде; схема «Чистых кладовых»

Изначально сооружение было интерпретировано как зернохранилище храма Монту⁴¹. Однако, по мнению К. Траункера, сооружение могло быть

³⁶ Arnold 1999, 162.

³⁷ Smolarikova 2008, 109.

³⁸ Bisson 1928, 11.

³⁹ Smolarikova 2008, 109.

⁴⁰ Bisson 1928, 9.

⁴¹ Bisson 1928, 10.

«Чистыми кладовыми», построенными в правление Птолемея III⁴².

ОАЗИС ЭЛЬ-ХАРГА «ЧИСТЫЕ КЛАДОВЫЕ» ПРИ ХРАМЕ ХИБИСА

Н. Винлок, исследовавший руины оазиса Эль-Харга, обозначил раскопанное сооружение в южной части теменоса как «Южное здание II»⁴³. Оно располагалось примерно в 12 м к югу от храма и имело квадратную форму размерами 20 × 20 м. Стены сооружения были ориентированы не под прямым углом к храму, а с небольшим смещением оси к западу. Возможно, оно было построено фундаменте более раннего здания⁴⁴. Тем не менее, подножие пандуса не упиралось в стену, а вело к западному дверному проему.

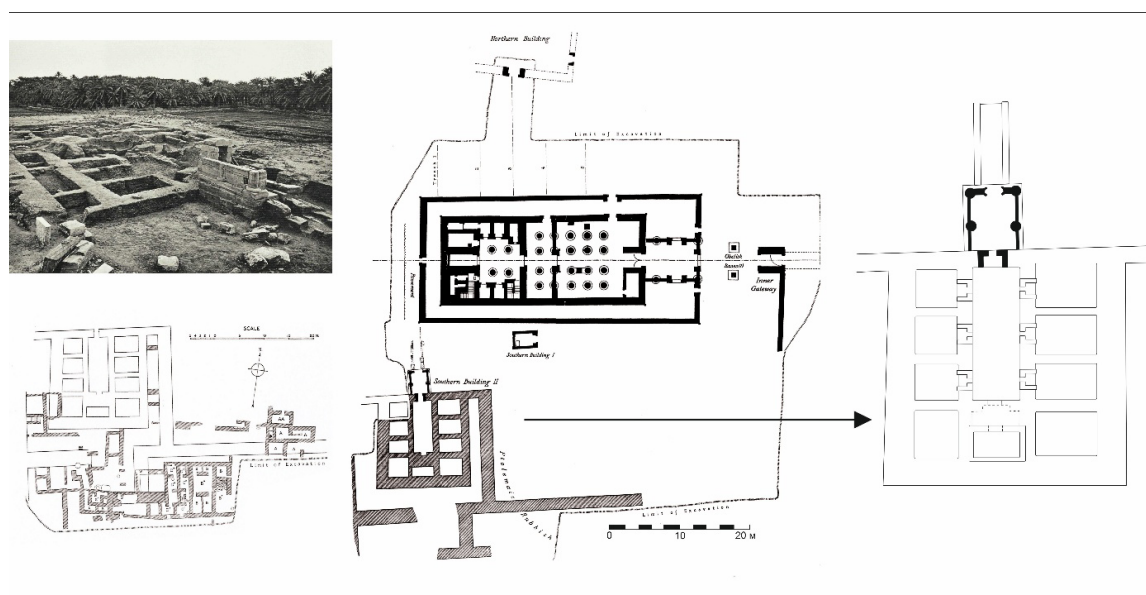

Рис. 9 Территория храма Хибиса, схема «Чистых кладовых»

Сохранившаяся платформа из сырцового кирпича казематного типа была высотой 1,60 м. Шахты платформы были заполнены чистой сланцевой крошкой. С северной стороны к платформе примыкал пандус шириной 2 м⁴⁵, украшенный блоками из песчаника и оформленный колоннами — вероятно, остатки крытого павильона (рис. 10)⁴⁶. Архитектурные элементы каменного павильона не имеют ни надписей, ни изображений⁴⁷, что затрудняет датировку сооружения.

⁴² Smolarikova 2008, 109.

⁴³ Winlock 1941, 38.

⁴⁴ Winlock 1941, 38.

⁴⁵ Arnold 1999, 164.

⁴⁶ Winlock 1941, 38.

⁴⁷ Smolarikova 2008, 110.

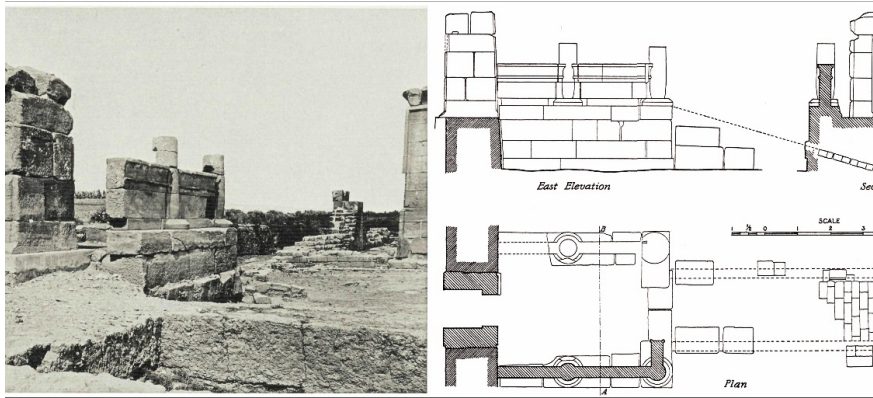

Рис. 10 Каменный павильон «Чистых кладовых» при храме Хибиса

На прилегающей к сооружению территории был найден песчаный блок с очень фрагментарными остатками древнегреческой надписи $\alpha\gamma\alpha\lambda\mu\alpha$, что можно перевести как 'жертвенный дар, приношение'. По всей видимости, блок датируется уже III веком н.э.⁴⁸

ТАНИС «ЧИСТЫЕ КЛАДОВЫЕ» ПРИ ХРАМЕ АМОНА

На территории теменоса в Танисе были выявлены два сооружения из сырцового кирпича на платформах казематного типа со слегка вогнутыми стенами (к сожалению, сильно разрушенными). Сооружения располагались к северу от храма Амона и к юго-западу от храма Хонсу-Неферхотепа. Они были достаточно хорошо исследованы и обозначены как «здания с пандусами» (фр. *bâtiment à rampe*) под номерами 24 и 26⁴⁹. П. Монте в 1933 г. описал их просто как «конструкции из кирпичей»⁵⁰.

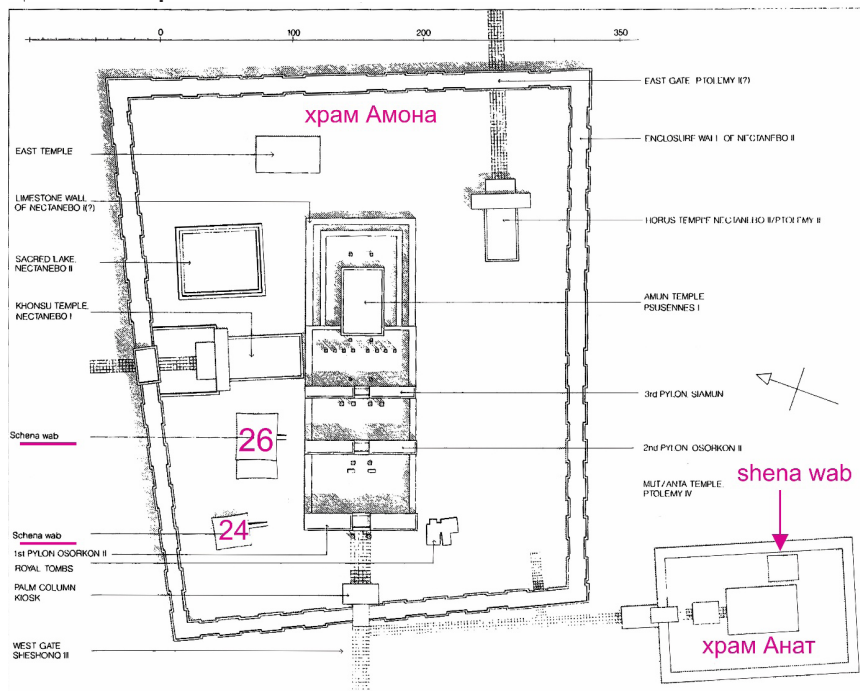

Рис. 11 Территория храмов Амона и Анат

⁴⁸ Winlock 1941, 41.

⁴⁹ Brissaud 1998, 16, pl. 2, 24, 26.

⁵⁰ Montet 1933, 17.

Сооружение 26 (рис. 12)⁵¹, расположенное у II пилона к юго-западу от северных ворот, под прямым углом к храму, стояло на квадратной платформе размерами 30×30 м, с пристройкой к западной стене, размерами 30×20 м. Пристройка сложена из сырцовых кирпичей крупного размера с примесью тростника. Основное здание было построено из небольших кирпичей без тростника⁵². Возможно, изначально сооружение было квадратной формы с пандусом, ведущим к центру платформы.

Платформа казематного типа с пристройкой, общими размерами 50×30 м, имела асимметричное расположение шахт (рис. 12). Сами шахты были разных размеров и форм (квадратные и прямоугольные), а в центре платформы прослеживается длинный узкий коридор, разделявший ее пополам. На дне шахт фиксируются кирпичные кладки, положенные прямо на слой песка. В заполнении шахт попадаются кости и фрагменты керамики. Платформа была построена на чистом песчаном грунте толщиной не менее 4 м. Первый ряд кирпичей укладывался на чистый песок без промежуточного слоя гравия или какой-либо другой подложки⁵³.

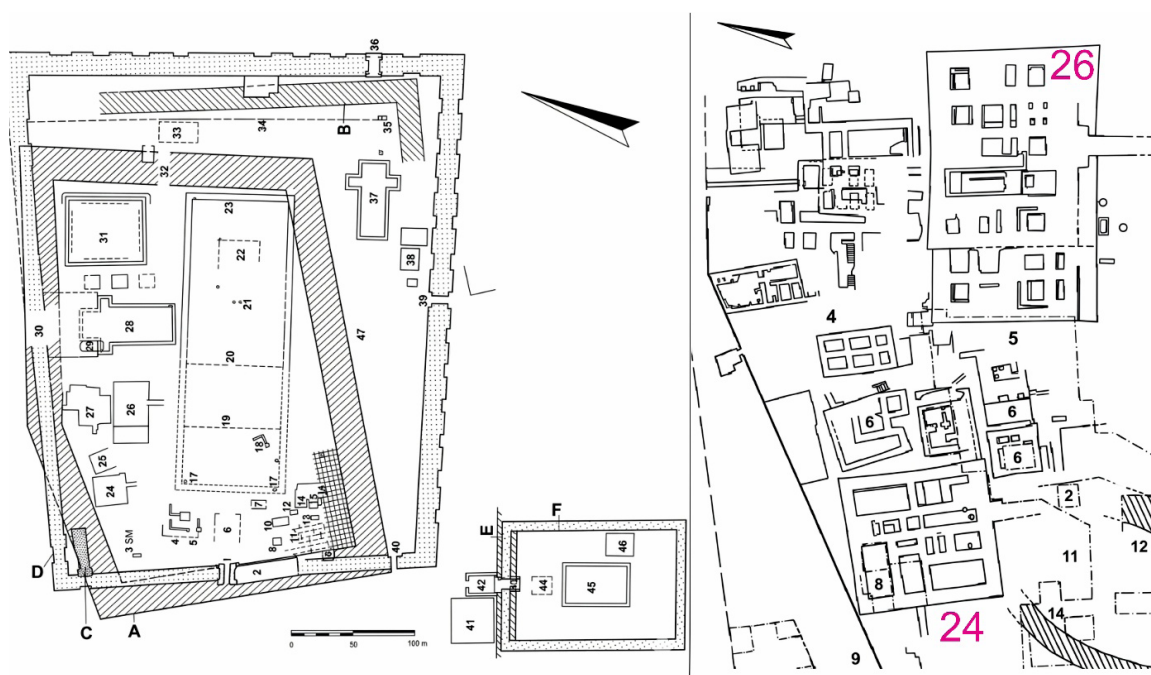

Рис. 12 Территория храма Амона и планы сооружений

Максимальная сохранившаяся высота сооружения достигает 6 м⁵⁴. К сооружению примыкал пандус шириной около 4 м, который вел к главному храму Амона. Расстояние до пилона составляет около 22 м. По углам платформы

⁵¹ Montet 1933, pl XXXV.

⁵² Montet 1933, 82.

⁵³ Montet 1933, 82.

⁵⁴ Smolarikova 2008, 111.

были найдены ритуальные захоронения⁵⁵. Некоторые полагают, что найденные жертвоприношения чужды египетским обычаям⁵⁶.

Западнее на уровне I пилона Осоркона II находилось сооружение 24, также определенное как «Чистые кладовые»⁵⁷. Здание располагалось на платформе казематного типа, размерами 25 × 27 м, с шахтами разных размеров и форм (квадратными и прямоугольными), и имело вогнутые стены (рис. 12). Пандус шириной около 4 м был немного смещен к востоку и вел к I пилону храма Амона. Расстояние до пилона составляло около 44 м.

«Чистые кладовые» при храме Анат (Мут)

Если функциональное назначение построек у храма Амона трудно установить из-за плохой сохранности, то сооружение, расположенное к востоку от храма Анат, Смолярикова определяет как «единственное здание в Танисе, которое можно считать настоящим “*Shena wab*”»⁵⁸.

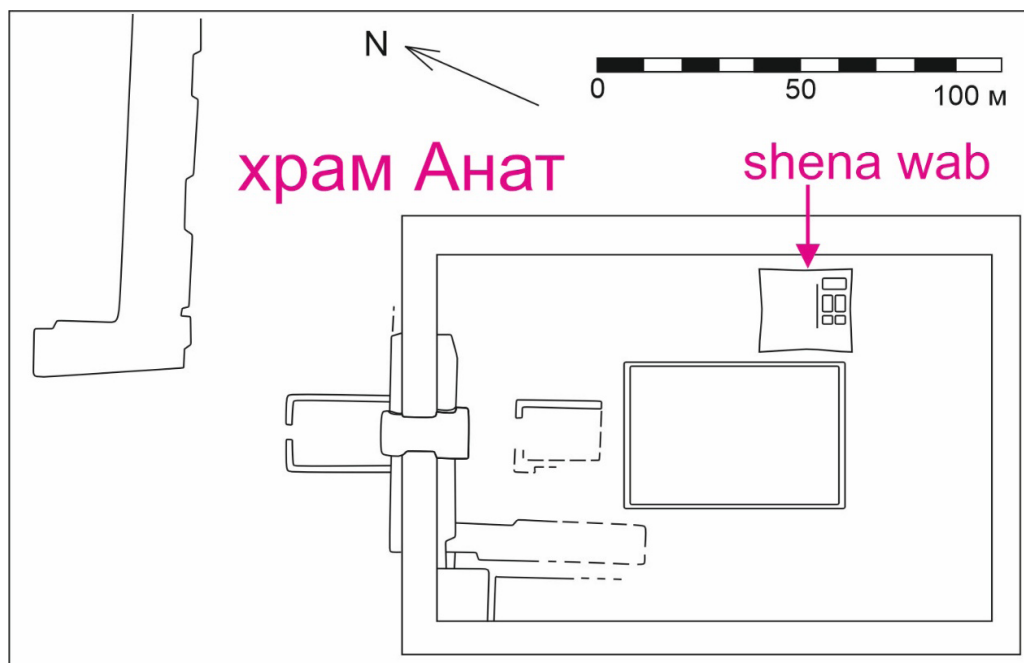

Рис. 13 План территории храма Анат (Мут).

Иноземная богиня Анат отождествлялась с фиванской богиней Мут. Храм, вероятно, построенный Сиамангом, перестраивался во времена правления Априя и позже Птолемея IV⁵⁹.

В данном случае «чистые кладовые» – небольшое здание размером около 20 × 21 м, со слегка вогнутыми стенами и платформой казематного типа. Все три постройки Таниса имели ряд характерных черт: сырцовую платформу казематного типа, пандус, расположение относительно храма. Некоторые

⁵⁵ Montet 1933, 79.

⁵⁶ Montet 1933, 79.

⁵⁷ Arnold 1999, 6, pl. I.

⁵⁸ Smolarikova 2008, 111.

⁵⁹ Arnold 1999, 31.

исследователи определяют все три сооружения как «чистые кладовые»⁶⁰. Также Арнольд Д. упоминает «чистые кладовые» в Навкратисе⁶¹ и Хефате⁶².

«Чистые кладовые» Мемфиса

В ходе спасательных раскопок, начавшихся в 2014 году из-за деятельности местных грабителей, было обнаружено крупное сооружение, получившее название «Здание 10». На его территории был выявлен каменный блок, украшенный рельефами и встроенный в стену из сырцового кирпича толщиной 2,5 м. Блок использовался как часть дверного проема. Здание из сырцового кирпича ориентировано по оси север-юг и удалено на 180 м на восток от предположительного края платформы дворца Априя. Исследована северо-восточная часть здания, хотя его окончательные границы пока не установлены. Выявленная внутренняя структура была разделена на небольшие помещения, соединенные невысокими узкими проходами⁶³. Стены сохранились на 1,5–2 м от уровня пола. На стенах сохранились следы толстого слоя штукатурки толщиной до 8 см.

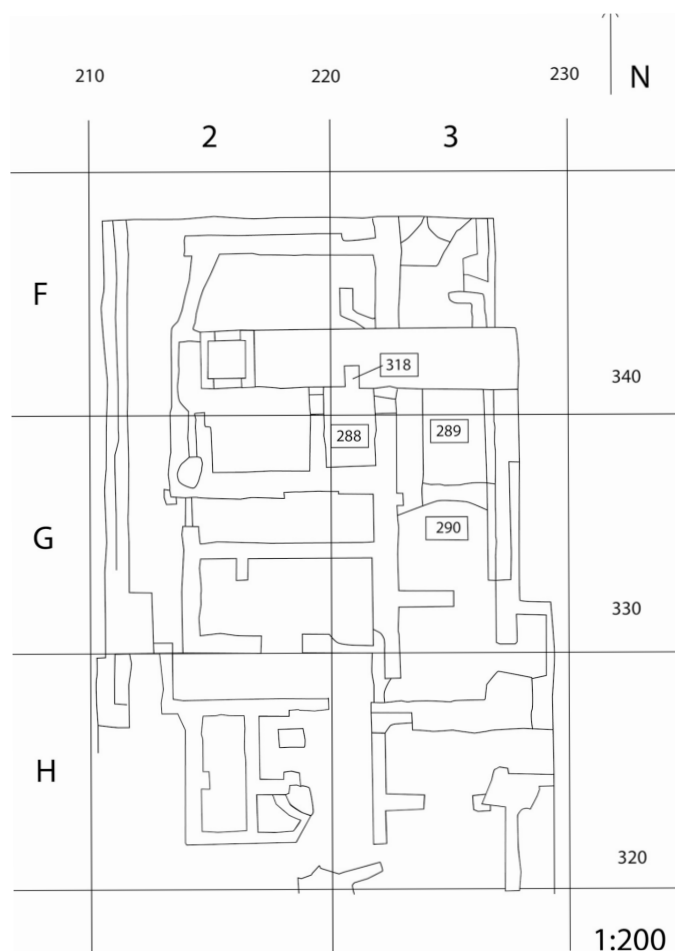

Рис. 14 План «Здания 10»

⁶⁰ Arnold 1999, 6, pl. I.

⁶¹ Arnold 1999, 109.

⁶² Arnold 1999, 119.

⁶³ Belova, Ivanov 2022.

Сооружение пережило 4 строительных периода⁶⁴, самый ранний из которых – персидско-саисский. В птолемеевский период здание приспособили для хозяйственных целей. Поздние помещения были возведены на руинах ранних построек, и, возможно, использовались и в римский период.

Изначально здание, вероятно, имело открытый двор⁶⁵. Стены выбеленные, проходы небольшие, вход, оформленный каменными блоками и отсутствие хозяйственной деятельности говорят, что комнаты не предназначались для жилья. Существует вероятность, что здание было связано с расположенным недалеко к северу храмом богини Нейт. Эти факты послужили основой для первоначального вывода, что «Здание 10» может быть «чистыми кладовыми».

Для более точного определения функционального назначения «Здания 10» требуется исследование планиграфической ситуации на прилегающей к нему территории и расчистка слоя до современной «Зданию 10» дневной поверхности с целью выявления платформы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство выявленных сооружений относятся к IV–III вв. до н.э. (XXVIII–XXX династии). Вероятно, здания не раз перестраивались, что демонстрирует сохранение традиции «чистых кладовых». Примечательно, что два сооружения, построенные в Карнаке при Нектанебе II, в храме Мут и в храме Монту-Ре, были похожи по размерам и внутренней планировке зданий и, скорее всего, были построены по одному проекту. Иногда сооружения, сохраняя характерные признаки, различались пропорциями и размерами: например, «чистые кладовые» храма Амона в Карнаке (рис. 4). Здесь же, из-за близости священного озера к фасаду здания, пандус мог быть заменен ступенями, так как высота платформы (4,5 м) подразумевала способ подъема.

Комплексное исследование архитектурного типа «Чистые кладовые» показывает, что эти сооружения имеют ряд характерных признаков: «Чистые кладовые» всегда строились под прямым углом к основной оси храма.

- Для большинства этих сооружений характерно наличие платформы казематного типа и ведущего к ней пандуса.
- В большинстве случаев вход украшен каменными блоками с колоннами (павильоном).
- Наличие при входе открытого двора с небольшим портиком, обычно четырехколонным.
- За портиком располагалась основная часть сооружения с коридором (одним или несколькими), ведущим в складские помещения. В конце коридора стоял каменный наос.

⁶⁴ Belova, Ivanov 2022, 12.

⁶⁵ Belova, Ivanov 2022, 12.

- Чистые кладовые строили неподалеку от священного озера. Судя по всему, близость воды была одним из критериев расположения сооружений (возможно, в некоторых случаях озеро мог заменять/дополнять колодец).

Расположение «Чистых кладовых» на платформе из сырцового кирпича, по мнению некоторых исследователей, было следствием развития более ранних укрепленных складов, которые изначально были широко распространены в Дельте и, в силу заболоченности территорий, строились на сырцовых платформах⁶⁶. Однако, в таком случае и другие постройки должны были располагаться на платформах.

Кроме того, как показывают сделанные выше наблюдения, не все упомянутые сооружения можно отнести к категории «чистые кладовые». Например, функциональное назначение построек в Танисе трудно установить из-за плохой сохранности, хотя некоторые авторы определяют их как «*shena wab*». Наличие платформы и пандуса не является критерием для выявления «чистых кладовых». Кроме того, все три постройки Таниса отличались наличием слегка вогнутых стен.

Функционально, учитывая изображения на рельефах, планировку и расположение «чистых кладовых» относительно храмов, их предназначение действительно может отражать синтез ритуальной и хозяйственной функций⁶⁷. С. Бикель, например, предполагает, что сооружения такого рода могли играть определенную роль в аграрных праздниках. Однако подобные предположения нуждаются в более серьезных доказательствах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Табл. 1. Таблица параметров «Чистых кладовых».

<i>shena wab</i>	Период	Размер, м	Высота платформы, м	До священного озера	До храма	Асимметрия	Пандус ширина, м	Павильон с колоннадой	Вогнутые стены
Карнак, храм Амона	29 дин. Неферит I 399-393 гг. до н.э.	45,5 x 55,5	4,5	10 м на север	45 м	+	?	-	-
Карнак Храм Монту-ре	30 дин. Нектанеб II 360-341 гг. до н.э.	25 x 25,5	2,5	15 м на северо-восток	52,5 м	+	2,5 м	+	+

⁶⁶ Smolarikova 2008, 123.

⁶⁷ Arnold 2003, 222.

Карнак Храм Хонсу	Птолемей III в. 245- 222 до н.э.	19 х 22,5	2,7	22 м на восток	38 м	+	5 м	+	-
Карнак Храм Мут	30 дин. Нектанеб II 360-341 гг. до н.э.	27 х 26	?	30 м на запад	50 м	+	2,5	+	-
Меда- муд Храм Монту	Птолемей II/ IV 285-245/ 221 -203 гг. до н.э.	21 х 25,5	2,6	8 м на северо- восток	34 м	+	1,6	+	-
Эль- Харга Храм Хибиса	?Птолемей III в. 245- 222 до н.э.	20 х 20	1,6	-	12 м	-	2	+	-
Танис Храм Амона/1	?	50 х 30 (30 х 30)	6	88 м на северо- восток	22 м	+	4	?	+
Танис Храм Амона/2	?	25 х 27	?	167 на северо- восток	44 м	+	4	?	+
Танис Храм Анат	Птолемей IV 221 -203 гг. до н.э.	20 х 21	?	-	5 м	?	+	?	+
Мемфис	Априй? 589-570 гг. до н.э.	-	-	-	-	+	-	?	-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Wb – словарь древнеегипетского языка: Grapow, H., Erman, A. 1971: *Woerterbuch der Aegyptischen sprache der Deutschen Akademien*. Berlin.

ЛИТЕРАТУРА

- Anus, P., Lauffray, J., Saad, R. 1970: Rapport sur les travaux de Karnak. Activités du Centre franco-égyptien en 1968-1969. *Kêmi* 20 (= Karnak 3), 57–99.
- Arnold, D. 1979: *The Temple of Mentuhotep II at Deir el-Bahari*. New York.
- Arnold, D. 1999: *Temples of the last pharaohs*. New York–Oxford.
- Arnold, D. 2003: *Encyclopedia of Ancient Egyptian Architecture*. Princeton.
- Belova, G.A., Ivanov, S.V. 2022: Preliminary results of archaeological research conducted by the CES RAS at Kom Tuman (Memphis) in the season 2021. *Egypt and neighbouring countries* 3, 1–34. <https://doi.org/10.24412/2686-9276-2022-00008>
- Bickel, S. 2006: Amenhotep III à Karnak: L'étude des blocs épars. *Bulletin de la Société française d'égyptologie*, 12–32.
- Bisson, F., Clere, J.J. 1928: *Rapport sur les fouilles de Medamound*. Caire.
- Biston-Moulin, S. 2016: *Inventaire des monuments, objets, scènes et inscriptions des temples de Karnak*. Montpellier.
- Brissaud, P. 1998: Tanis. Travaux recents sur le tell San el-Hagar. Mission Francaise des foulders de Tanis 1987–1997. In: C. Zivie-Coche (ed.), *Recent works on Tell Sâ el-Hagar*. Paris.
- Defernez, C. 2016: A Few Testimonies of the Persian Period in Karnak: New Evidence from the

- Material of a Large Mudbrick Building. In: *Thebes in the First Millennium BC. Abstract Booklet*. Luxor, 14–15.
- Fazzini, R. 1999: Karnak, Precinct of Mut. In: K.A. Bard (ed.), *Encyclopedia of the Archaeology of Ancient Egypt*. London, 477–480.
- Faulkner, R.O. 2017: *A concise dictionary of Middle Egyptian*. Oxford.
- Montet, P. 1933: *Les nouvelles fouilles de Tanis (1929–1932)*. Paris.
- Säve-Söderbergh, T. 1957: *Four eighteenth dynasty tombs*. Oxford.
- Smolarikova, K. 2008: *Saite Forts in Egypt. Political-military history of the Saite dynasty*. Prague.
- Spencer, A.J. 1979: *Brick Architecture in Ancient Egypt*. Warminster.
- Spencer, A.J. 1979: The Brick Foundations of Late-Period Pterial Temples and their Mythological Origin. In: J. Ruffle, G.A. Gaballa, K.A. Kitchen (eds.), *Glimpses of Ancient Egypt*. Warminster, 132–137.
- Sullivan, E.A. 2010: Development of the Temple of Amun-Ra. In: W. Wendrich (ed.), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*. Los Angeles.
- Sullivan, E.A. 2013: *A Glimpse into Ancient Thebes. Excavations at South Karnak (2004–2006)*. Oxford.
- Strudwick, N. 1996: *The Tombs of Amenho-tep, Khnummose and Amenmose at Thebes*. Oxford.
- Traunecker, C. 1987: Les Temples Hauts de Basse Epoque: un aspect du fonctionnement économique des temples. *Revue D’Egyptologie* 38, 147–162.
- Winlock, H.E. 1941: *The temple of Hibis in EL Kharger Oasis. Part I: The Excavations by H.E. Winlock*. New York.

Anacharsis
1/1 (2026), 74–80
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 74–80
© The Author(s) 2026

DOI:

ЯЗЫК *DAMNATIO MEMORIAE* В «ДЕЯНИЯХ БОЖЕСТВЕННОГО АВГУСТА»*

Г.Л. Криволапов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

ORCID : 0000-0002-1814-8746

Аннотация: В «Деяниях божественного Августа» принцепс намеренно не называет прямо своих политических оппонентов: Антония, Брута и Кассия, Лепида, Секста Помпея и других. Такая тактика объясняется его желанием дистанцироваться от образа участника гражданских войн. Однако, воссоздавая свою политическую биографию, Август вынужден обращаться к событиям, где эти «безымянные» фигуры играли ключевую роль. Противоречие между необходимостью нарратива и практикой *damnatio memoriae* порождает особый описательный язык памятника, который до сих пор почти не становился предметом специального изучения. В статье предпринимается попытка выявить и систематизировать литературные приемы, лежащие в основе языка *damnatio memoriae*.

Ключевые слова: римская история, Принципат Августа, Цезарь Август, «Деяния божественного Августа», гражданские войны, политика памяти, *damnatio memoriae*, описательный язык, литературные приемы

THE LANGUAGE OF *DAMNATIO MEMORIAE* IN THE *RES GESTAE DIVI AUGUSTI*

Gleb L. Krivolapov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

ORCID : 0000-0002-1814-8746

Abstract: In the *Res Gestae Divi Augusti*, the princeps deliberately refrains from directly naming his political opponents – Antony, Brutus and Cassius, Lepidus, Sextus Pompey, and several others. This strategy stems from his desire to distance himself from the image of a participant in civil strife. However, while reconstructing his own political biography, Augustus inevitably refers to events in which these “unnamed” figures played a central role. The resulting tension between the need for narrative and the practice of *damnatio memoriae* gives rise to a distinctive descriptive language in the monument, which has scarcely been the subject of specialized study. This article seeks to identify and systematize the literary devices through which the language of *damnatio memoriae* is constructed.

Keywords: Roman history, Principate of Augustus, Caesar Augustus, *Res Gestae Divi Augusti*, civil wars, politics of memory, *damnatio memoriae*, descriptive language, literary devices

* Данные об авторе. Криволапов Глеб Леонидович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

«Девятнадцати лет отроду я по собственному решению и на собственные средства снарядил войско, с помощью которого освободил государство, угнетенное господством клики»¹. Так начинается первая глава «Деяний божественного Августа» (*Res gestae divi Augusti*). *Res gestae* – это автобиографический манифест первого римского императора Цезаря Августа (Октавиана), в котором он подводит итог своей жизни, фиксирует собственные достижения, а также конституирует основы нового режима – Принципата.

Res gestae – это действительно уникальный источник. Во-первых, в отличие от большинства письменных источников, которые дошли до нас посредством средневековых манускриптов, «Деяния» сохранились как эпиграфический документ. Они были обнаружены в 1555 г. на стенах древнего храма в Анкире (совр. Анкара). После этого были найдены еще несколько копий этого источника, сопоставив которые исследователи смогли реконструировать оригинальный текст *Res gestae* и их греческий перевод. Однако работа по восстановлению текста источника продолжается. Не исключено, что будут обнаружены дополнительные, ранее неизвестные его фрагменты, происходящие из других частей римского мира².

Во-вторых, *Res gestae* – это очень сложный объект исследования, как исторический источник, как литературное произведение, как официальное документальное свидетельство. Некоторые исследователи излишне упрощают смысл «Деяний», редуцируют их значимость. Так, распространена точка зрения, что *Res gestae* – это сплошная пропаганда, как историческому источнику им не следует доверять ни в коем случае, а с художественной и литературной точек зрения они достаточно примитивны³. На мой взгляд, это не совсем так. Прежде всего, на данный момент не существует какой-то одной устоявшейся точки зрения на жанровую принадлежность *Res gestae* и цель их создания. «Деяния», безусловно, являются отражением саморепрезентации власти Августа. Однако в них удивительным образом переплелись искажения, умолчания и примеры невероятной откровенности первого римского императора. «Деяния» – несмотря на их несовершенства – остаются одним из немногих масштабных источников по политической истории эпохи Августа. Их автор является современником описываемых событий, а сами «Деяния» исходят из центра римской власти. Что касается языка, то *Res gestae*, как и подобает эпиграфическому тексту, выделяются лаконичностью и кажущейся

¹ RG 1. 1: Annos undeiginti natus exercitum priuato consilio et priuata impensa comparauī, per quem rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem uindicaui. Здесь и далее текст *Res gestae* приводится по изданию: Krivolapov 2025.

² См. Botteri 2003; Scheid 2007, xi–xxi; Cooley 2009, 7–22, 43–48; Weber 2015, 15–21; Eck 2016, 19–24; Krivolapov 2025, 35–41.

³ Подробный обзор существующих точек зрения представлен в работе Р. Ридли (Ridley 2003, 25–50).

простотой, с которой Август выражает свои мысли. Однако даже этот эпиграфический памятник являет примеры, как различные способы использования латинского языка придают особый смысл тексту, усиливая сообщения⁴.

Трансформация всего мемориального пространства Римской империи связана именно с Августом. В период его правления особое значение приобрело формирование памяти о прошлом – как о событиях недавних, так и о далеких временах⁵. В *Res gestae* принцепс последовательно избегает прямых упоминаний своих политических противников в гражданских войнах. Из текста сознательно исключены имена Марка Антония (*RG* 1. 1, 24. 1), Брута и Кассия (*RG* 1. 1, 2), Лепида (*RG* 10. 2), Секста Помпея (*RG* 25. 1) и ряда других фигур. Данная стратегия обусловлена комплексом взаимосвязанных задач: стремлением дистанцироваться от образа участника гражданских смут, конструированием роли «спасителя государства» и формированием нарратива о «золотом веке» как закономерном результате всеобщего согласия⁶. Однако, воссоздавая собственную политическую биографию, Август неизбежно обращается к событиям, в которых эти «неназванные» лица играли ключевую роль. Как справедливо пишет А.В. Махлаюк, тема гражданской войны в *Res gestae* не замалчивается, «она важна, чтобы подчеркнуть милосердие и общественную поддержку Августа и контрастно противопоставить его мотивы, методы и действия акциям его антагонистов»⁷. Поэтому возникающее противоречие между необходимостью повествования и практикой *damnatio memoriae* порождает особый описательный язык памятника, который до настоящего времени, за некоторыми исключениями, не становился предметом специального изучения⁸. В рамках данной статьи предполагается выявить и систематизировать литературные приемы, с помощью которых Август разрешает данное противоречие.

Римляне, прямо или косвенно упоминаемые в «Деяниях божественного Августа», могут быть разделены на две категории – сторонников и противников Августа⁹. Рассмотрение первой группы представляется наиболее целесообразным начать с эпонимных консулов. Их имена присутствуют в тексте с почти избыточной полнотой, особенно в первых двадцати четырех главах, начиная с упоминания погибших в ходе Мутинской войны Гирция и Пансы (*RG* 1. 2). Показательно, что за единственным исключением консулы фигурируют в тексте исключительно как способ датировки. Отступление от этого принципа представляет собой фрагмент *RG* 12. 1, где сообщается о возвращении Августа в Рим в 19 г. до н.э.: «часть преторов и народных трибунов вместе с консулом

⁴ Krivolapov 2025, 11–35.

⁵ Makhlayuk 2017, 173.

⁶ Lange 2008, 185–204; Ridley 2011, 284; Osgood 2015, 1689 ff.

⁷ Makhlayuk 2017, 210–211.

⁸ Ronnick 1997, 381–384; Kraus 2005, 193–194.

⁹ См. указатель к *Res gestae* (Krivolapov 2025, 155–164).

Кв. Лукрецием и первейшими мужами». Подобный прием обнаруживает неожиданное сходство с тацитовской манерой повествования, в которой многократное перечисление поименованных магистратов призвано подчеркнуть видимость повседневного функционирования республиканских институтов¹⁰.

В остальном же единственными римлянами, удостоившимися поименного упоминания в «Деяниях», являются потенциальные преемники Августа: Марцелл, Агриппа, Гай и Луций Цезари, а также Тиберий. Примечательно, что сам Гай Юлий Цезарь обозначен лишь как «отец» Августа (за исключением дважды встречающейся формулы *aedes divi Iuli* – «храм божественного Юлия» – в *RG* 19. 1 и 21. 2). Подобная структура ономастического пространства «Деяний» оказывается обращенной одновременно в прошлое и в будущее. С одной стороны, она апеллирует к традиционной для республики непрерывной смене магистратов. С другой – она ориентирована на будущее, демонстрируя преемственность империи как дела семейного и легитимируя передачу имени «Цезарь» от отца к приемному сыну или внуку. Этот титул имел экстраординарное значение, особенно для молодого Августа, чье возвышение было всецело обязано его имени¹¹.

Что касается противников Августа, то о них он говорит своего рода языком намеков. Таких мест в тексте ровно пять:

RG 1. 1: ...rem publicam a dominatione factionis oppressam in libertatem vindicaui
«...освободил государство, угнетенное господством клики»
...δι' οὗ τὰ κοινὰ πράγματα ἐκ τῆς τῶν συνομοσαμένων δουλείας ἤλευθέρωσα

Август имеет в виду конкретных людей – убийц Цезаря (в первую очередь, Брута и Кассия) и их сторонников, а позже и своего главного противника – Марка Антония¹². Он не называет их по именам, а именует «кликой» (*factio*). Это политически окрашенный эвфемизм (от *греч.* εὐφημία), то есть описание группы лиц через отрицательную характеристику. Слово «клика» (*factio* имеет несколько значений)¹³ здесь имеет ярко выраженную негативную конно-

¹⁰ Ginsburg 1981; Martin, Woodman 1989, 78.

¹¹ Kraus 2005, 194.

¹² На основании фрагментов из Веллея Патеркула и Цицерона можно предположить, что Август подразумевает здесь непосредственно Антония (*Vell.* II. 61. 1: *torpebat oppressa dominatione Antonii civitas*; *Cic. Phil.* XII. 14–15: *rem publicam oppressisset Antonius*; III.29: *huius impuri latronis feremus taeterrimum crudelissimumque dominatum?*; cf. III. 34, V. 44). Однако формулировка греческого перевода (ἐκ τῆς τῶν συνομοσαμένων δουλείας, «от рабства, навязанного заговорщиками») скорее апеллирует к заговору Брута и Кассия, нежели к Антонию (cf. *Plut. Brut.* 12), возможно, потому что это представляло бы больший интерес для аудитории в греческой части империи (Cooley 2009, 108). Поэтому Август, вероятно, имел в виду одновременно заговорщиков во главе с Брутом и Кассием, а также Антония.

¹³ Слово *factio* имеет как собирательное значение, обозначая «группу», «клик», «фракцию», так и глагольную силу, указывая как на фактический «образ действий», так и на потенциальную «способность добиваться своего». Точные коннотации этого слова бывает трудно определить, и иногда может быть активно более одного значения (Seager 1972).

тацию. Октавиан не просто констатирует факт, что у власти стояли какие-то люди, он объявляет их заговорщиками, захватившими власть вопреки закону и обычаям предков.

RG 2: Qui parentem meum trucidauerunt¹⁴, eos in exilium expuli iudiciis legitimis ultus eorum facinus, et postea bellum inferentis rei publicae uici bis acie.

«Тех, кто убил моего отца, я отправил в изгнание, отомстив им за их преступление в соответствии с нормой закона, а когда они впоследствии пошли на государство войной, я дважды победил их в сражении» .

Τοὺς τὸν πατέρα μου φονεύσαντας ἐξώρισα κρίσεσιν ἐνδίοις τειμωρησάμενος αὐτῶν τὸ ἀσέβημα καὶ μετὰ ταῦτα αὐτοὺς πόλεμον ἐπιφέροντας τῇ πατρίδι δις ἐνείκησα παρατάξει .

В этом отрывке речь, без сомнения, идет о Бруте и Кассии, так как под двумя сражениями подразумеваются две решающие битвы Филиппской кампании (3 и 23 октября 42 г. до н.э. соответственно). С помощью придаточного определительного, вводимого союзом *qui*, создается негативный перифраз или перифраза (от *греч.* περίφρασις = *лат.* periphrasis). Август заменяет имена своих врагов описанием их главного, с его точки зрения, деяния – убийства Цезаря, которое одновременно рассматривается как их главное злодеяние.

RG 10. 2: Pontifex maximus ne fierem in uiui conlegae mei locum populo id sacerdotium deferente mihi, quod pater meus habuerat, recusauī. Quod sacerdotium aliquot post annos eo mortuo demum, qui ciuilis tumultus occasione occupauerat, recēpī.

«Я отказался стать великим понтификом вместо своего коллеги еще при его жизни, когда народ предлагал мне это жречество, которое ранее имел мой отец. Я принял это жречество спустя годы, только после смерти того, кто захватил его, воспользовавшись гражданскими волнениями» .

Ἀρχιερωσύνην, ἣν ὁ πατήρ μου ἐσχέκει, τοῦ δήμου μοι καταφέροντος εἰς τὸν τοῦ ζῶντος τόπον οὐ προσεδεξάμην. Ἦν ἀρχιερατείαν μετὰ τινας ἐνιαυτοὺς ἀποθανόντος τοῦ προκατεκληφότες αὐτὴν ἐν πολιτικαῖς ταραχαῖς ἀνείληφα .

Данный фрагмент *Res gestae* посвящен одному из триумвиров – Марку Эмилию Лепиду. В этом пассаже Август одновременно применяет два упомянутых выше риторических приема. В первом предложении принцепс использует эвфемизм, обозначая Лепида как «живого коллегу» (*uiuus conlega*). Такая формулировка позволяет Августу не только избежать прямого именованя, но и, благодаря прилагательному *uiuus*, вероятно, подчеркнуть собственное милосердие (*clementia*), поскольку именно он сохранил Лепиду жизнь после его политического демарша 36 г. до н.э. Во втором предложении применяется перифраз: Лепид характеризуется как человек, незаконно завладевший должностью великого понтифика. Данное событие относится к 44 г. до н.э., периоду,

¹⁴ Часть издателей печатает в этом месте глагол *interfecerunt*, другая – глагол *trucidauerunt*, более эмоционально окрашенный, означающий «зарезали» / «перебили». Оба этих чтения ненадежны, учитывая, что латинский текст в этом месте неполон, а глагол в греческой версии также не сохранился (Scheid 2007, 5).

последовавшему за убийством Цезаря.

RG 24. 1: In templis omnium ciuitatum prouinciae Asiae uictor ornamenta reposui, quae spoliatis templis is, cum quo bellum gesseram, priuatim possederat.

«В святилища всех общин провинции Азия я, будучи победителем, возвратил украшения, которыми, разграбив святилища, владел частным образом тот, с кем я вел войну».

Εἰς ναοὺς πασῶν πόλεων τῆς Ἀσίας νεικήσας τὰ ἀναθήματα ἀποκατέστησα, ἃ κατεσχῆκει ἱεροσυλήσας ὁ ὑπ' ἐμοῦ καταγωνισθεὶς πολέμιος .

В данной отрывке речь идет об Антонии и вновь используется перифраз. Это окольный способ упоминания Антония, примечательным образом раскрывающий, что война действительно велась против него, а не против Клеопатры¹⁵. Греческая версия текста содержит более сильное высказывание, где Антоний назван «побежденным врагом» (καταγωνισθεὶς πολέμιος)¹⁶.

RG 25. 1: Mare pascui a praedonibus.

«Я очистил море от пиратов» .

Θάλασσαν πειρατευομένην ὑπὸ ἀποστατῶν δούλων εἰρήνευσα .

Здесь под пиратом подразумевается младший сын Гнея Помпея Великого Секст Помпей¹⁷ и используется соответственно эвфемизм, но с несколько другим оттенком. В этом предложении Август, вероятно, проводит параллель между Помпеем-отцом, который очистил Средиземное море от пиратов в 67 г. до н.э., и Помпеем-сыном, который в глазах Августа сам превратился в пирата¹⁸. Таким образом, в том, что Август называет Секста Помпея пиратом, есть иронический оттенок¹⁹.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы. Описательный язык *Res gestae*, тесно связанный с практикой *damnatio memoriae*, базируется на двух основных литературных приемах – эвфемизме и перифразе, которые используются последовательно, а в одном случае и одновременно, что, вероятно, служит усилению риторического эффекта. Помимо своей основной функции – непрямого указания на лиц, причастных к ключевым событиям, освещаемым в *Res gestae*, – эвфемизм и перифраз выполняют и

¹⁵ Ridley 2003, 125.

¹⁶ Vanotti 1975, 317.

¹⁷ Такая формулировка повторяется в эпитоме Ливия и у Горация (Liv. *Per.* 128: cum Sex. Pompeius rursus latrociniiis mare infestum redderet; cf. Hor. *Epod.* IV. 19), а также гораздо позже у поэта Лукана, писавшего в эпоху Нерона (Luc. VI. 419–422), и объясняется тем фактом, что Август мог избежать формального объявления войны, утверждая, что сражается против praedones («разбойников»). В римском праве было установлено, что «враги» (hostes) – это те, кому мы публично объявили войну или кто сами объявили войну нам; остальные же являются «грабителями» (latrones) или «разбойниками» (praedones)» (Pompon. *Dig.* L. 16. 118: “hostes” hi sunt, qui nobis aut quibus nos publice bellum decrevimus: ceteri “latrones” aut “praedones” sunt; cf. Ulp. *Dig.* XLIX. 15. 24). См. Sattler 1960, 16–17.

¹⁸ Weber 2015, 96.

¹⁹ Cooley 2009, 214.

другие задачи, придавая тексту дополнительные смысловые оттенки. Среди них следует отметить подчеркивание отрицательных качеств противников Августа, акцентирование их противоправных действий и преступлений (Брут и Кассий, Лепид, Антоний), использование политической иронии (Секст Помпей), акцентуация добродетели Августа (Лепид), а также создание имплицитных смыслов, рассчитанных на осведомленную аудиторию (Антоний).

ЛИТЕРАТУРА

- Botteri, P. 2003: L'integrazione mommseniana a "Res gestae Divi Augusti" 34, 1 "Potitus rerum omnium" e il testo greco. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 144, 261–267.
- Cooley, A.E. (ed.) 2009: *Res Gestae Divi Augusti: Text, Translation, and Commentary*. Cambridge.
- Eck, W. 2016: Res gestae – Die Königin der Inschriften. In: J. Baltrusch, Chr. Wendt (hrsg.), *Der Erste. Augustus und der Beginn einer neuen Epoche*. Darmstadt, 17–30.
- Ginsburg, J. 1981: *Tradition and Theme in the Annals of Tacitus*. New York.
- Kraus, C.S. 2005: From Exempla to Exemplar? Writing History around the Emperor. In: J. Edmondson, S. Mason & J. Rives (eds.), *Flavius Josephus and Flavian Rome*. Oxford, 181–200. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199262120.003.0010>
- Krivolapov, G.L. (ed.) 2025: *Tsezar' Avgust. Deianiia bozhestvennogo Avgusta [Caesar Augustus. Res Gestae Divi Augusti]*. Moscow.
- Криволапов, Г.Л. (изд.) *Цезарь Август. Деяния божественного Августа*. М.
- Lange, C.H. 2008: Civil War in the *Res Gestae divi Augusti*: Conquering the World and Fighting a War at Home. In: E. Bragg, L.I. Hau & E. Macaulay-Lewis (eds.), *Beyond the Battlefields: New Perspectives on Warfare and Society in the Graeco-Roman World*. Cambridge, 185–204.
- Makhlayuk, A.V. 2017: [«What is history going to say about us?» On some aspects and motives of the memorial policy of Octavian Augustus] *Istoricheskii vestnik. Rim: dominatio civilis [The Historical Reporter. Rome: dominatio civilis]* 19, 170–225. <https://doi.org/10.35549/HR.2017.2017.34959>
- Махлаюк А.В. «Что скажет о нас история?...» О некоторых аспектах и мотивах мемориальной политики Октавиана Августа. *Исторический вестник. Рим dominatio civilis* 19, 170–225.
- Martin, R.H., Woodman, A.J. (eds.) 1989: *Tacitus: Annals Book IV*. Cambridge.
- Osgood, J. 2015: Ending Civil War at Rome: Rhetoric and Reality, 88 B.C.E.–197 C.E. *The American Historical Review* 120(5), 1683–1695. <https://doi.org/10.1093/ahr/120.5.1683>
- Ridley, R.T. 2003: *The emperor's retrospect: Augustus' "Res gestae" in epigraphy, historiography and commentary*. Leuven–Dudley.
- Ridley, R.T. 2011: Augustus. The emperor writes his own account. In: G. Marasco (Ed.), *Political autobiographies and memoirs in antiquity*. Leiden, 267–314. https://doi.org/10.1163/9789004214651_009
- Ronnick, M.V. 1997: *Res gestae* 25: *damnatio memoriae* as a strategy of rhetoric. *Maia* 49, 381–384.
- Sattler, P. 1960: *Augustus und der Senat: Untersuchungen zur römischen innenpolitik Zwischen 30 und 17 v. Christus*. Gottingen.
- Scheid, J. (éd.) 2007: *Res gestae divi Augusti: Hauts faits du divin Auguste*. Paris.
- Seager, R. 1972: Factio: Some observations. *The Journal of Roman Studies* 62, 53–58.
- Vanotti, G. 1975: 'Il testo greco delle "Res Gestae Divi Augusti": Appunti per una interpretazione politica'. *Giornale Italiano di Filologia* 27, 306–325.
- Weber, E. (hrsg.) 2015: *Meine Taten / Res gestae divi Augusti: Lateinisch–griechisch–deutsch*. Berlin.

Anacharsis
1/1 (2026), 81–89
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 81–89
© The Author(s) 2026

DOI:

ЦАРСКАЯ КАЗНА И ПОСТУПЛЕНИЯ *ἰνω* / *β3κω*: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕРМИНОВ НОВОГО ЦАРСТВА*

А.Р. Дашкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: angelina.dashkina@mail.ru

ORCID: 0009-0007-9864-4128

Аннотация: В статье затрагивается проблема анализа отдельных экономических терминов, которые часто встречаются в текстах различного содержания. Несмотря на весьма схожий и порой идентичный перевод близких друг к другу экономических понятий, особенно таких терминов, как *ἰνω* и *β3κω*, между ними, как кажется, все же можно провести определенную смысловую грань, которая прослеживается при более подробном рассмотрении источников. Основополагающее различие между двумя терминами состоит, на наш взгляд, главным образом в характере обозначаемых ими поступлений: если термином *ἰνω* обозначались нерегулярные сборы в соответствии с нуждами государства, то термин *β3κω* обозначал регулярно отчислявшуюся в пользу государства часть продукции и доходов населения Египта.

Ключевые слова: дань, приношение, редистрибутивная система, царская казна

THE ROYAL TREASURY AND REVENUES *ἰνω* / *β3κω*: AN INTERPRETATION OF NEW KINGDOM TERMS

Angelina R. Dashkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: angelina.dashkina@mail.ru

ORCID: 0009-0007-9864-4128

Abstract: This article addresses the issue of analyzing specific economic terms that are frequently used in texts of various kinds. Despite the manner of a similar and sometimes identical translation for closely related economic notions, particularly the terms *ἰνω* and *β3κω*, a certain semantic distinction seems still to be drawn between them. This distinction becomes somewhat apparent upon a more detailed examination of the sources. The fundamental difference between the two terms, in our view, lies mainly in the nature of their revenues: if the term *ἰνω* denoted irregular levies collected according to the needs of the state, then *β3κω* referred to those goods that constituted a part of the population's income.

Key words: tribute, offering, redistributive system, royal treasury

* Данные об авторе. Дашкина Ангелина Рушатовна – магистрант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Социальная терминология древнего Египта весьма специфична ввиду наличия множественных терминов для обозначения сходных между собой явлений и процессов, что способствует возникновению определенного рода затруднений при прочтении и переводе отдельных текстов. Слова *inw* и *bzkw* принадлежат к числу самых распространенных терминов, обозначающих налоговые выплаты или данническую зависимость от египетской власти того или иного лица или области. Несмотря на то, что по своему значению данные понятия чрезвычайно близки и в большинстве случаев могут переводиться одинаково, тем не менее, их использование и применение в различных источниках нуждается в более глубоком анализе, который позволил бы провести некую грань между этими двумя терминами.

К сожалению, данному вопросу уделено недостаточно внимания в отечественной историографии, а работы непосредственно по проблематике интерпретации *inw* и *bzkw* в период Нового царства отсутствуют вовсе. В то же время в зарубежной историографии существуют различные подходы к пониманию интересующих нас терминов, и некоторые из них будут подробнее рассмотрены нами ниже.

Слово *bzkw* является производным от глагола *bzk* в значении «работать» (Wb I, 427–428) и может также обозначать определённого вида товары или продукты. Термин *inw*, в свою очередь, является пассивным причастием от *ini* («приносить» (Wb I, 90–91), «покупать», «назначать»¹). Э. Х. Гордон, привлекая в своей работе различные по характеру источники периода Древнего, Среднего и Нового царств и опираясь на переводы Д.Г. Брэстеда, отмечает следующее понимание термина *inw*: если в источниках Древнего и Среднего царств данный термин предпочтительнее переводить как «продукция» или «подарки», то во время наивысшего расцвета египетской государственности в период Нового царства, когда Египет занял главенствующее положение среди других «мировых держав», *inw* получило дополнительное значение «дань»². Гордон предлагает далее переводить термин *inw* в новоегипетских экономических текстах как «доход от дани», «даннические поступления», что, по его мнению, передает смысл термина более точно³.

Несколько иная точка зрения была у А. Х. Гардинера⁴, который понимал под *inw* именно «подарки», служившие главным средством поддержания дружественных отношений между странами. С. Олдред также указал, что придавать термину *inw* значение «дань» не совсем верно, так как обозначаемые этим термином приношения хеттов, минойцев или митаннийцев вряд ли можно назвать «данью», поскольку население данных территорий не находилось

¹ Faulkner 1997, 22.

² Gordon 1983, 9.

³ Gordon 1983, 390.

⁴ Gardiner 1947, 127; 177.

в прямой зависимости от Египта⁵. По мнению С. Олдреда, термин *inw* обозначал ресурсы, перемещаемые в рамках взаимовыгодного обмена и торговых отношений, которые возникали при установлении дипломатических связей между государствами⁶. Как и С. Олдред, Д. Лортон в своем исследовании лексики дипломатических текстов и договоров считает, что термин *inw* появляется в описаниях взаимного обмена и торговых отношений между государствами⁷.

С другой стороны, С. Олдред особо отмечает регулярный характер *bzkw*, получаемый Египтом из Нубии и Куша, обращая внимание на то, что состав *bzkw* не менялся из года в год и состоял из определённого перечня ресурсов⁸. В то же время Д. Уорбертон рассматривает достаточно широкий спектр значений термина *bzkw*, начиная от обозначения арендной платы до указания на наемный труд⁹, тогда как термин *inw*, по мнению автора, можно трактовать скорее как иноземные приношения, которые, вероятнее всего, имели нерегулярный характер¹⁰. Несколько схожее с Д. Уорбертоном мнение можно найти в работе Я. Янсена, который в результате рассмотрения ряда источников с упоминанием животных в хозяйстве и остраконов из Дейр эль-Медины приходит к выводу, что в результате семантического процесса значение термина *bzkw* получило развитие от «работы» к «продукту», а затем к «стоимости продукта» (плате за наем)¹¹.

Интерпретации термина *inw* специально была посвящена обширная работа Э. Блейберга¹² и несколько его отдельных статей как по *inw*¹³, так и по *bzkw*¹⁴, где автор отмечает особенности использования этих терминов. По мнению Э. Блейберга, *bzkw* – это те товары, которые предназначались храму, поскольку термин *bzkw* используется в источниках именно по отношению к храмовому хозяйству: если храмы участвуют в распределении ресурсов, то, следовательно, можно всю продукцию, подлежащую дальнейшему распределению, относить к *bzkw*¹⁵. Блейберг подчеркивает, что *bzkw* сначала выплачивалось храму, затем через храмы распределялось в виде провизии между войском и среди местного населения¹⁶. В дальнейшем каналы перемещения ресурсов *bzkw*, являясь важным инструментом государства в осуществлении распределительной функции,

⁵ Aldred 1970, 110.

⁶ Aldred 1970, 111.

⁷ Lorton 1974, 104.

⁸ Aldred 1970, 109.

⁹ Warburton 1997, 256.

¹⁰ Warburton 1997, 236.

¹¹ Janssen 1993, 91.

¹² Bleiberg 1996.

¹³ Bleiberg 1984, 155–167.

¹⁴ Bleiberg 1988, 157–168.

¹⁵ Bleiberg 1988, 157–168.

¹⁶ Bleiberg 1988, 162.

активно функционировали в завоеванных египтянами странах¹⁷.

Высказанные Э. Блейбергом идеи в целом отражают отстаиваемую этим автором концепцию распределительной политики, согласно которой экономическое развитие Египта базировалось на системе редистрибутивного управления во главе с фараоном, где основным критерием для получения и потребления ресурсов тем или иным лицом был его статус в общей социальной структуре. При слабой роли рыночного распределения его функции выполняло государство, т.е. редистрибутивная политика государства приводила в соприкосновение производителей и потребителей продукции и создавала условия для своеобразного натурального обмена между ними, в результате которого удовлетворялись основные потребности населения. Продукция, полученная в результате трудовой деятельности одной группы населения, например ремесленников, становилась оплатой труда для другой прослойки общества, например земледельцев, и наоборот.

Э. Блейберг сопоставляет *inw* с *bzkw*, отмечая, что *inw* представляло собой источник личного дохода царя и необязательно включалось в общий процесс масштабного распределения ресурсов: использование этого вида поступлений считалось одной из прерогатив царской власти, когда она распространялась за пределы Египта¹⁸. Далее Блейберг заключает на основании источников, что все поступления категории *inw* шли напрямую к царю либо к его официальным представителям, а само перераспределение *inw* осуществлялось царем для его конкретных собственных целей (для приношений храмам либо для личного пользования, в том числе для оплаты труда работников некрополя), т.е. эти ресурсы не поступали в более широкую систему распределения¹⁹. Тем самым *inw* служил инструментом для налаживания взаимодействия, с одной стороны, между царем и его подданными, с другой, между Египтом и отдельными странами²⁰.

По поводу некоторых выводов Э. Блейберга можно высказать ряд критических суждений. На наш взгляд, восприятие *inw* как личных доходов фараона, а *bzkw* – как доходов, поступающих в храм и в дальнейшем участвовавших в процессе распределения ресурсов в рамках общей экономической политики противоречит данным источников. Например, в папирусе Лейден I 350 или в Туринском папирусе 2008+2016 термин *inw* часто упоминается в контексте выплат членам команды судна: «получено в качестве приношения» (р. Tur. 2008+2016. rt. II.4: *šsp m inw*); «получено в качестве доставленного кем-то» (р. Tur. 2008+2016. rt. II.9: *šsp m in.n*). Таким образом, *inw* служило также и источником оплаты труда, т.е. в той или иной степени было вовлечено в общий процесс

¹⁷ Bleiberg 1988, 165.

¹⁸ Bleiberg 1988, 159.

¹⁹ Bleiberg 1984, 161.

²⁰ Bleiberg 1996, 96.

перераспределения.

Расхождение между построениями Э. Блейберга и реальностью проявляется и в периферийных памятниках XIX династии – в Канаисской стеле и в Наурском декрете, где упоминается собственность абидосского храма Осириса в Восточной пустыне и в Нубии. Если в Канаисской стеле фигурирует термин *b3kw* («на приношении дани их в золоте храму Менмаатра» – *hr hrp b3kw.sn m nbw r tz hwt Mn-m3't-r*)²¹, то в Наурском декрете используется термин *inw* («вещь всякая из Куша, которая приносится в качестве приношения храму Менмаатра» – *ht nbt n Kš nty tw.tw hr int.f m inw r tz hwt Mn-m3't-r*)²². Как в первом, так и во втором случае речь идет о ресурсах храма, и вряд ли есть достаточные основания утверждать о поступлениях *inw* для покрытия личных расходов царя, тогда как *b3kw* считать доходом одного лишь храма, который подлежит распределению. Наконец, если мы исходим из предположения о наличии личных доходов царя, которые не подлежат распределению, необходимо констатировать и существование личной собственности царя, отличной от государственного сектора экономики в целом и фактически представляющий собой отдельный ее сектор, что, по нашему мнению, не совсем соответствует реальному устройству экономической системы Египта в Новое царство.

Остается непонятным, почему ресурсы, обозначаемые термином *inw*, не могли участвовать в общем распределении, поскольку, если даже предположить наличие отличного от государственной собственности личного имущества царя, то можно увидеть, что данные ресурсы использовались царской властью как для приношений храмам, так и для оплаты труда рабочих (это отмечает и сам Э. Блейберг в указанной выше статье), что не только не выходит за рамки общей редистрибутивной политики, но и является ее неотъемлемой частью. Между тем выводы Блейберга по данному вопросу противоречивы: с одной стороны, он с уверенностью утверждает, что *inw* всегда было частью распределительного процесса²³, но, с другой стороны, в одной из глав своей работы, посвященной Новому царству приходит к заключению, что «*inw* было не частью общей распределительной экономики в Египте, а специальной категорией подарка»²⁴.

В связи со всем вышесказанным есть все основания переводить термин *inw* именно как «дары» или «приношения», исключая для него значение «дань». Например, в тексте календаря праздников Рамсеса III в одном контексте употребляются как *inw*, так и *b3kw*: «Построил я дворцы с именем твоим в Египте, в Нубии и подобно этому в Азии, обложил я их налогом на работу их в качестве каждого года, город каждый в качестве имени его, собраны также приношения их для внесения их для Ка твоего, владыки богов Амона»

²¹ Davies 1997, 219.

²² Davies 1997, 301.

²³ Bleiberg 1996, 117.

²⁴ Bleiberg 1996, 103.

(KRI V 117:13–15: *ḳd.i bḥnw ḥr rn.k m t3-mrt m t3-stt mitt t3-stt ḥtr.i st ḥr b3kw.sn m grt rnpt dmi nb m rn.f twt gr inw.w r ms.w n k3.k nb nṯrw Imn*). В данном тексте *b3kw* следует перевести как «налог» или «дань», т.е. как термин, обозначающий регулярные поступления, в то время как *inw* обозначает именно ситуационные, разовые «приношения» Амону.

Под *inw* подразумевались, скорее всего, различного рода подарки или дары, которые не являлись непосредственно результатом труда, а носили больше характер нерегулярных выплат Египту со стороны его подданных или, в контексте употребления этого термина в дипломатических документах – его союзников²⁵, т.е. это такой вид приношений, который полностью состоял из определенного ряда продуктов или товаров, вне зависимости от характера деятельности приносящих их групп населения. Данный термин мог включать в себя различные виды ресурсов, которые поступали непосредственно в царскую казну: в связи с этим примечательно применение термина *inw* в письме нубийского наместника Пасера с требованием к нубийскому вождю: «когда достигнет это письмо тебя, сделаешь ты приготовление приношений в вещах его всяких» (р. Koller 3,5: *ḥft spr t3y šʿt r.k iw.k ḥr dit grg p3 inw m ḥt.f nb*). Среди ожидаемых от этого вождя приношений числятся разного вида быки, газели, ориксы, горные козлы, кошки, широкие лодки и их разновидности для перевозки скота, золото, драгоценные металлы, слоновая кость, эбеновое дерево, фрукты, сосуды, рабов и т.д.

Возвращаясь к мнению Э. Блейберга о том, что доходы категории *b3kw* участвовали в редистрибуции как поступления в пользу храмов, можно сказать следующее. Во-первых, не все источники показывают, что доходы *b3kw* поступали напрямую храмам: как справедливо отмечает Я. Янссен²⁶, есть много источников, которые свидетельствуют о доставке *b3kw* в качестве подарка не в храм, а во дворец фараона, причем этот доход далее не подлежал распределению. С другой стороны, слово *inw* часто используется в контексте приношений храмам или материальных выплат Египту со стороны иноземных государств.

В свою очередь, если сопоставить известные нам значения *b3kw*, то в одном случае данный термин означает работу²⁷, а в другом случае его можно перевести просто как «налог» (Wb I, 428), из чего можно сделать вывод о

²⁵ В данном случае следует отметить понимание самими египтянами характера взаимоотношений Египта с иноземными странами, где главенствующее положение занимал египетский фараон, который даровал иноземцам «дыхание жизни» (Urk. IV 896:15–17). Таким образом, через *inw* иноземцы признавали силу и власть египетского правителя, обеспечивая себе его расположение.

²⁶ Janssen 1993, 81–94.

²⁷ Например, можно обратиться к тексту папируса XIX династии – Анастази V, где речь идет о работе писца, которая не подлежит налогообложению: «не облагается работа письмом» (р. Anast. V.10.17,2: *nn ḥtri.tw b3kw m ššw*).

приравнивании трудовой повинности к выплате налогов государству. Весьма показательным, что Д. Лортон при анализе термина *bzk* обращает внимание на фрагмент текста времени XI династии, где глагол *bzk* может переводиться не только как «работать», но и как «облагать налогом»²⁸. Последнее значение термину *bzk* присваивает Г. Гёдике в своей публикации надписи вельможи Джеми, на которую ссылается Д. Лортон. Для нас представляет особый интерес строчка, переводимая Гёдике следующим образом: «обложил я налогом людей Вавата. Принес я налоги из Та-урена» (*bzk.n.(i) n wzwtw in.n.(i) g(3)wt m tz-wr*)²⁹. Сам исследователь в комментариях к тексту поясняет, что *bzk* в связи с объектом (в нашем случае – это люди Вавата) обозначал «сделать пригодным для использования или для служения» и указывает на то, что налогообложению подлежали именно люди, а не сам округ³⁰. Действительно, как можно увидеть и по источникам Нового царства, приводимых нами ниже, есть все основания утверждать, что термин *bzk(w)* подразумевал часть доходов населения, взимаемых в качестве налога. Тем не менее, есть все основания переводить глагол *bzk* в вышеприведенном фрагменте как «наложить работу», а дальнейшее использование уже производного от него *bzkw* интерпретировать как налог на те материальные ценности, которые были получены в результате трудовой деятельности населения. Таким образом, появляются основания предполагать, что, судя по этимологии этого термина, изначально он обозначал определённую трудовую повинность населения в пользу государства, которая при дальнейшем развитии экономики была заменена на регулярные выплаты.

К тому же, в текстах *bzkw* не раз упоминается в связи с обязанностями отдельно взятых людей, т.е. каждый подданный платил свою долю налогов государству теми товарами, которыми были им же и произведены в рамках его собственной деятельности:

- надпись Рамсеса II в Абидосе: «Поставил я рыбаков на воды и на пруды, чтобы сделать тебе дань от груза кораблей» (KRI II 333:7–8: *dī.ī whꜥw hr nt hr swnw nb r shpr n.k bzkw m sbwt mnšw*); «Торговцы на делании торговли под приношениями их и данью, состоящей из золота, серебра и меди» (KRI II 333:1–2: *šwtw hr irt šwtw hr hnt.sn bzk.sn iry m nbw ḥd ḥmt*);
- папирус Гаррис: «Водоплавающие птицы в качестве дани птицеловов и рыбаков» (p. Harris 12b:6: *zpdw n mw m bzkw n nz k3pw whꜥw*); «Зерно из дани земледельца 309950 мешков» (p. Harris 12b:3: *sšrw ḥkzt n bzkw ihwtw ḥ3r 309950*);
- реставрационная стела Тутанхамона: «Освятил величество его, да

²⁸ Lorton 1974, 93; см. также: Faulkner 1997, 242.

²⁹ Goedicke 1960, 289.

³⁰ Goedicke 1960, 290.

будет он жив, процветающ и здоров, слуг и служанок, певиц и танцовщиц, которые были в качестве слуг во дворце царя. Собрана дань³¹ их во дворец в сокровищницу» (Urk. IV 2030:8: *iw swzb.n hm.f s.w.s hmw hmw šmzywt hbzywt wn m ndtyw m pr-nsu ip.tw bzkw.sn r ḥ r pr-ḥd*).

Стоит также отметить весьма важный момент: термин *bzkw* в источниках часто сопровождается упоминанием периодичности сбора, что согласуется с высказанным выше предположением о первоначальном обозначении этим термином трудовой повинности, которая могла состоять из ежегодных работ египтян в государственном хозяйстве:

- надпись Тутмоса III из Карнака: «Затем принесена дань их в храм отца Амона в качестве налога года каждого» (Urk. IV. 186:2–3: *hr hrp.tw bzk. sn r hwt-ntr nt it Imn m htr r tnw rnpt*);
- папирус Гаррис: «Список налогов и дани людей и слуг всех... для их сокровищниц, складов и зернохранилищ год каждый» (p. Harris 12a:1: *ht šzyt bzkw rmt smdt nb ... r nzu.w (r) prw-ḥd wdzw šnwtw m pzy.sn htr rnpt*).

Подводя итог всему вышесказанному, можно провести главное, на наш взгляд, различие между терминами *inw* и *bzkw*, которое связано не с составом обозначаемых ими поступлений и не с их ролью в общем процессе редистрибуции, а в характере их получения и в их связи с потребностями и устройством египетской экономики. Вероятно, в виде поступлений *inw* государство получало именно те товары, которые ему были в первую очередь необходимы для поддержания устойчивого экономического развития, в то время как поступления *bzkw* представляли собой трудовую или материальную повинность населения, которая регулярно поступала в распоряжение государства. Данные поступления, как было показано выше, также шли на удовлетворение внутренних потребностей Египта, а именно на поддержание существующей внутри него системы распределения, обеспечивавшей возмещение труда зависимых от государства работников. Что касается поступлений из иноземных владений Египта, обозначаемых *inw*, то их можно трактовать как не конкретный налог или дар, а нерегулярные приношения, включающие совокупность всех ресурсов той или иной страны, которая шла в государственную казну.

СОКРАЩЕНИЯ

- KRI II – Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical. Volume II. Ramesses II. Royal inscriptions*. Oxford, 1979.
- KRI V – Kitchen K.A. *Ramesside Inscriptions, Historical and Biographical. Volume V. Setnakht, Ramesses III and Contemporaries*. Oxford, 1983.
- p. Harris – Erichsen W. *Papyrus Harris I: Hieroglyphische Transkription*. Brussels: Edition de la Fondation égyptologique Reine Elisabeth, 1933.

³¹ Здесь логичнее всего перевести *bzkw.sn* как «дань их», а не как «работа их» в связи с упоминанием сокровищницы, куда направлялись все полученные ресурсы.

Urk. IV – Sethe K. *Urkunden der 18. Dynastie*. Leipzig, 1906–1909. Bd. 1–4, Hft. 1–16.
 Wb. – Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Neudruck. Berlin, 1955. Bd. I–V.

ЛИТЕРАТУРА

- Aldred, C. 1970: The Foreign Gifts Offered to Pharaoh. *Journal of Egyptian Archaeology* 56, 105–116.
- Bleiberg, E. 1984: The King's privy purse during the New Kingdom: An examination of Inw. *Journal of the American Research Center in Egypt* 21, 155–167. <https://doi.org/10.2307/40000962>
- Bleiberg, E. 1988: The Redistributive Economy in New Kingdom Egypt: An Examination of B3kw(t). *Journal of the American Research Center in Egypt* 25, 157–168. <https://doi.org/10.2307/40000876>
- Bleiberg, E. 1996: *The Official Gift in Ancient Egypt*. Norman–London.
- Davies, B.G. 1997: *Egyptian Historical Inscriptions of the Nineteenth Dynasty*. Jonsered.
- Faulkner, R.O. 1991: *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*. Oxford.
- Gardiner, A.H. 1947: *Ancient Egyptian Onomastica. Volume I - Text*. Oxford.
- Goedicke H. 1960: The Inscription of Dmi. *Journal of Near Eastern Studies* 19, 288–291.
- Gordon, A.H. 1983: *The context and meaning of the ancient Egyptian word inw from the Proto-Dynastic Period to the end of the New Kingdom*. Berkeley.
- Janssen, J.J. 1993: B3kw: From Work to Product. *Studien zur Altägyptischen Kultur* 20, 81–94.
- Lorton, D. 1974: *The Juridical Terminology of International Relations in Egyptian Texts through Dyn. XVIII*. Baltimore–London.
- Warburton, D.A. 1997: *State and economy in ancient Egypt: Fiscal vocabulary of the New Kingdom*. Freiburg, Göttingen.

Anacharsis
1/1 (2026), 90–112
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 90–112
© The Author(s) 2026

DOI:

ЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЕГИПЕТСКОГО ЖРЕЧЕСТВА И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С РЕЖИМОМ ПТОЛЕМЕЕВ В III В. ДО Н.Э.*

М.С. Апенко

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

E-mail: mikap97@live.com

ORCID: 0000-0002-5344-4938

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать взаимодействие локальных групп жречества с режимом Птолемеев в III в. до н.э. Большинство современных моделей, описывающих взаимодействие власти и жречества, рассматривают жречество как единую корпорацию. В работе было выделено несколько локальных групп жреческой элиты: жречество Мемфиса, жречество Фиваиды и жречество Дельты. Каждая из этих групп старалась получить расположение власти и обеспечить себе особый статус в царстве Птолемеев. В правление первых двух Птолемеев наиболее значимое положение заняло жречество Дельты, с которым власть взаимодействует особенно активно. При Птолемеи III намечаются изменения: роль жречества Дельты уменьшается, в то время как жреческие элиты Мемфиса и Фив становятся более значимы для власти. К концу III в. до н.э. позиции мемфисского жречества стали особенно крепкими, тогда как фиванское жречество, утратив влияние, инициировало восстание. Провал этого восстания окончательно обозначает ключевое значение жречества Мемфиса для царской власти.

Ключевые слова: древний Египет, эллинизм, Птолемеи, царская власть, локальные элиты, жречество.

LOCAL GROUPS OF EGYPTIAN PRIESTHOOD IN PTOLEMAIC EGYPT AND THEIR RELATIONS IN THE 3RD CENTURY BC

Mikhail S. Apenko

Institute of World History of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

E-mail: mikhap97@live.com

ORCID: 0000-0002-5344-4938

Abstract: This article attempts to analyze the interaction between specific local priestly elite groups and the Ptolemaic regime in the 3rd century BCE. Most contemporary models describing the relationship between the state and the priesthood treat the latter as a unified corporation. Departing from this holistic approach, this study instead identifies several distinct groups within the priestly elite: the priesthood of Memphis, the priesthood of the Thebaid, and the priesthood of the Delta. Each of these groups sought to secure the regime's favor, thereby ensuring their own privileged status

* Данные об авторе. Апенко Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

within the Ptolemaic kingdom. During the reigns of the first two Ptolemies, the priesthood of the Delta attained the most prominent position, becoming the primary interlocutor for the state. A shift happened under Ptolemy III: the influence of the priesthood of the Delta waned, while the priesthoods of Memphis and Thebes began to assume greater importance for the central authority. By the end of the 3rd century BCE, the role of the Memphite priesthood had become paramount, whereas the Theban priesthood, experiencing a decline in its standing, instigated a revolt against the Ptolemaic rule. The failure of this uprising ultimately cemented the exceptional significance of the Memphite priesthood for the royal power.

Keywords: Ancient Egypt, Hellenism, Ptolemies, local elites, priesthood

ВВЕДЕНИЕ

В современных исследованиях по истории эллинистического Египта распространено мнение, что македонские правители Египта IV–I вв. до н.э. при управлении страной пользовались поддержкой представителей египетского жречества. Жрецы получали различные должности, сперва, в IV–III в. до н.э., относившиеся исключительно к сфере храмовой жизни, но затем также административные и даже военные¹. Во многом это объясняется ролью, которую жречество играло в Египте начала птолемеевской эпохи, – это была единственная значительная категория элиты, состоявшая из египтян и, следовательно, единственная группа, которая могла выступать посредником между властью и обществом. Причины такого развития событий были разнообразны. С одной стороны, египетские элиты сильно пострадали во время второго персидского завоевания, когда была повержена XXX династия и разрушена гражданская и военная администрация Египта; лишь храмы избежали полного разрушения². С другой стороны, новые македонские правители, создав в течение III в. до н.э. сложную административную структуру, на высшие должности набирали почти исключительно греков и македонян, что делало возможности отдельных египтян весьма ограниченными³. Все это означало, что жречество оказывалось наиболее значимой группой местного населения Египта, с которой царям династии Птолемеев необходимо было считаться.

Существуют разные подходы в оценке роли жречества в Египте Птолемеев. Классической остается точка зрения, что жречество лишь постепенно, в течение всего III и начала II вв. до н.э., встраивалось в административный и военный аппарат царства Птолемеев, в то время как первоначально основные посты там занимали греки и македоняне⁴. В современной науке все чаще делаются

¹ Gorre 2009a; Fischer-Bovet 2014 (отметим, что К. Фишер-Бовэ специально оговаривает, что жречество активно привлекалось в военные структуры и со временем их число в армии Птолемеев росло: Fischer-Bovet 2014, 316).

² Briant 1988, 160–164.

³ Apenko 2024a, 57–71.

⁴ В начале XX в. эту точку зрения достаточно четко сформулировал Э. Бивен (Bevan 1927, 79), в современной науке наиболее последовательно эту позицию отстаивает Ж. Горр (Gorre 2009a, 623–625). К этой же позиции в своих исследованиях примыкаем и мы (Apenko

попытки пересмотреть эту привычную картину. Так, И. Мойер и Ф. Ланг предполагают, что египтяне уже на самых ранних этапах возникновения царства Птолемеев, в конце IV–III вв. до н.э., оказались на равных вовлечены в административные и военные структуры⁵. Существуют и совсем маргинальные оценки взаимодействия египтян с новыми правителями страны. Так, Ф. Дершен считал, что уже в первой половине III в. до н.э. греки и македоняне смешались с египтянами и стали представлять некую единую культуру⁶, но, на наш взгляд, данные источников не соответствуют такому категорическому выводу.

Отметим, однако, что во всех вышеперечисленных моделях египетское жречество рассматривается как одна большая группа, некая «жреческая корпорация». Такое представление оправдано и основано на данных самих источников, где жречество действительно описано как единое целое. Например, все жречество Египта собирается в столице и предоставляет почести царю на особых собраниях – синодах⁷. В тексте Розеттского декрета 196 г. до н.э.⁸ по отношению к жречеству употреблено выражение *ἱερός ἔθνος* «священный народ; народ жрецов» (OGIS 90, стк. 17; отметим, что этот фрагмент декрета посвящен освобождению жрецов от поездок в Александрию), жречество как отдельная категория, единственная среди египтян, освобождается от особого налога на соль⁹. Все это показывает, что в источниках эпохи Птолемеев жречество действительно описывалось как единое целое, некая «корпорация».

И все же нам не стоит переоценивать степень единства внутри этой «корпорации». Элиты любого государства никогда не бывают монолитными. В птолемеевской элите было множество групп, которые могли иметь собственные интересы. К ним можно отнести ближайший круг царя, состоявший из т.н. друзей царя (*φίλοι*), которые часто занимали основные позиции в центральной администрации¹⁰, но также и городскую элиту Александрии¹¹. Есть основания уверенно говорить о грекоязычных локальных элитах и в других частях Египта¹². Следуя той же логике, можно утверждать, что и «жреческая корпорация» на деле не была единой монолитной сущностью, а состояла из разных локальных групп, которые в разный период играли то более, то менее значимую роль для режима Птолемеев. Проблеме того, как менялась роль той или иной локальной группы жречества на протяжении III в. до н.э., и посвящена эта статья.

2024a, Apenko 2026a).

⁵ Moyer 2011, 86–90; Lang 2013, 27–28 (Наша критика этой позиции: Apenko 2026a).

⁶ Derchain 2000.

⁷ Последние исследования проблемы функционирования синодов: Gorre, Veisse 2021; Apenko 2023a.

⁸ Gladić 2015; Hoffmann, Pfeiffer 2021.

⁹ Clarysse, Thompson 2006, 56.

¹⁰ Manning 2010, 86.

¹¹ Blasius 2011, 132–245.

¹² Blasius 2011, 153–163.

Прежде всего, нужно отметить, что и власть Птолемеев, и жречество были вынуждены искать сотрудничества и взаимодействия друг с другом. Власть нуждалась в этом, чтобы обеспечить легитимность собственного режима среди египетского населения. Без поддержки жречества – основных носителей представлений о власти египетских царей – это было бы невозможно. Жречеству же выстраивание контактов с властью было необходимо как по сугубо личным причинам, т.е. для того, чтобы обеспечить положение и статус конкретного жреца, так и для успешного существования их храмов и функционирования культов. Учитывая, что финансовые ресурсы у Птолемеев не были безграничны, власть должна была выбирать те группы жрецов, взаимодействие с которыми приносило бы наилучшие результаты. Локальные жреческие группы, в свою очередь, были вынуждены бороться за расположение власти. И хотя источники не дают нам возможности прояснить детали этой борьбы, думается, что рассмотрение этого процесса именно как борьбы между разными локальными группами жречества может быть оправдано.

Прежде чем перейти к реконструкции взаимоотношений локальных групп египетской элиты с властью Птолемеев, необходимо кратко охарактеризовать каждую из них. В первую очередь, конечно, можно выделить жречество Мемфиса. В Позднее время Мемфис далеко не всегда становился столицей Египта (лишь в период сатрапии Птолемея он некоторое время был столичным городом, пока столица не была перенесена в Александрию), но своего политического и культурного значения он не утратил. В эпоху Птолемеев этот город был вторым по размерам в стране и одним из самых значимых после Александрии¹³. Важным преимуществом Мемфиса, было то, что здесь находился центр почитания священного быка Аписа. Его почитание было столь значимо для египтян, что каждый царь был вынужден проявлять заботу о нем и участвовать в его захоронении¹⁴, а причинение вреда или убийство этого животного воспринимались как кощунство¹⁵. Все это, наравне с древностью города, делало мемфисское жречество важной локальной группой в структуре жречества.

Другой значимой локальной группой было жречество Фив. Как и Мемфис, Фивы были одним из наиболее значительных городских центров Египта, где в разные эпохи находились царские резиденции, а в эпоху XXI династии местные верховные жрецы Амона стали фактическими правителями юга Египта. В Позднее время роль этого центра начал снижаться, но он продолжал быть важнейшим среди храмовых центров юга Египта, а местное жречество сохранило

¹³ Thompson 2012, 32.

¹⁴ Devauchelle 1994, 95–114.

¹⁵ Показательно, что для дискредитации образов персидский правителей Камбиса и Артаксеркса III использовали именно ту идею, что они убили Аписов (Dillery 2004; Ladynin 2019; Apenko 2024b, 229–231).

значительный авторитет¹⁶. Этот авторитет, скорее всего, и стал одной из причин, по которым цари XXX династии начали проводить масштабные работы по обновлению храмовых комплексов Фив¹⁷. Важно, что при Аргеадах строительство в Фивах было продолжено: были восстановлены многие памятники прежних эпох¹⁸. Источники показывают, что и при Птолемеях жречество Фив сохраняло свое значение и участвовало в борьбе за расположение власти.

Последней группой, которую мы можем выделить, является жречество из Дельты Египта, представленное в первую очередь жрецами из восточной ее части, района Севеннита и Мендеса. Нужно отметить, что в I тысячелетии до н.э. основные политические центры Египта смещаются из долины Нила (будь то Мемфис или Фивы) в район Дельты. Центрами ливийских XXI – XXII династий был Танис в Восточной Дельте¹⁹, центром XXVI династии стал Саис – город, расположенный в Западной Дельте (из-за чего период правления этой династии и получил в историографии название «саисское возрождение»). Когда Египет обрел независимость после первого персидского владычества, политические центры также остались в Дельте: местом происхождения царей XXIX династии стал Мендес²⁰, XXX – Севеннит. Здесь сформировалась собственная элита, с которой также необходимо было считаться царской власти Птолемеев. Кроме того, Мендес был центром почитания еще одного священного животного – барана Бабнебджеда, что также делало этот регион важным для египтян. Все это, а также близость Дельты к столице царства Птолемеев делало жречество этого региона одной из ключевых групп во взаимоотношении царской власти с египтянами.

Еще одна группа жречества, которую мы технически можем выделить, является жречество Гераклеополя в Среднем Египте. На протяжении большей части истории Египта эта жреческая группа обладала большим значением²¹. Однако, в период македонского правления она утратила влияние. Как считает И.А. Ладынин, новая македонская власть не была особенно заинтересована во взаимодействии с этой жреческой группой²². Весьма показательно, что при Птолемеях не наблюдается никакой строительной активности в Гераклеополе, в противоположность другим регионам Египта²³. В отличие от других жреческих групп, не находим мы и активных следов ее взаимодействия с новой властью в официальных или частных источниках. Мы не можем сказать, в чем заключалась причина такого развития событий, но вынуждены констатировать, что

¹⁶ Manning 2003, 33–35.

¹⁷ Arnold 1999, 115–118; 131–132.

¹⁸ Chauveau, Thiers 2006, 398; Ladynin 2017, 244–264.

¹⁹ Jansen-Winkel 2024, 77.

²⁰ Jansen-Winkel 2024, 338.

²¹ Kaplony 1971, 258; Ladynin 2017, 320.

²² Ladynin 2017, 320–321.

²³ Arnold 1999, 137–224.

жречество Гераклеополя выпало из борьбы за расположение властей еще в начале эллинистического периода истории Египта.

Переходя к анализу взаимоотношений различных групп элит с царской властью, необходимо уточнить несколько моментов. Прежде всего, в нашей работе мы будем рассматривать эти взаимоотношения в период становления и оформления основных форм взаимодействия династии Птолемеев с египетским жречеством, то есть с конца IV по начало II в. до н.э.; кроме того, проанализируем изменения этих отношений в контексте отдельных периодов. Эти периоды выделены на основе характерных особенностей во взаимодействии между царской властью и египетской элитой. В первый период (ок. 320–246 гг. до н.э.) отношения между властью и жречеством только оформляются; институциональные формы взаимодействия еще не вполне сформированы и власть старается свести общение со жречеством до обязательного минимума. Второй период (246–222 гг. до н.э.) характеризуется с одной стороны первым активным выступлением против власти Птолемеев, а с другой – возникновением институциональных форм взаимодействия власти и жречества: синодов и династического культа. В третий период (222–180 гг. до н.э.) власть идет на большие уступки, в то время как местное население все активнее поднимается на вооруженную борьбу.

Подчеркнем еще один момент: в работе мы говорим о «царской власти» и ее позиции по отношению к отдельным жреческим группировкам и всей жреческой корпорации. На первый взгляд, можно подумать, что более точным было бы понятие «царь», поскольку именно он был правителем страны и, – по крайней мере в теории – был ответственен за политику страны (именно по правлениям царей мы и строим нашу хронологию). Цари династии Птолемеев, однако, далеко не всегда управляли Египтом сами, часто передавая бразды правления своим придворным. Например, при Птолемеях IV особый авторитет имел диоикет Сосибий²⁴, при малолетнем Птолемеях V регентами были все тот же Сосибий и Агафокл²⁵, а затем их сменили Аристомен и Поликарп из Аргоса, которые и отвечали за управление государством²⁶. В отношениях с египтянами при Птолемеях V заметную роль, по всей видимости, играл евнух Аристоник, о котором сообщается сразу в двух жреческих декретах: декрете Филенсис II 186 г. до н.э.²⁷ (Urk. II. 217. 4–5) и Мемфисском декрете 182 г. до н.э.²⁸, в котором описано как он подавляет восстание в Дельте (Caire RT 2/3/25/7, сткк. 27–35)²⁹; вероятно, и

²⁴ Hölbl 2001, 127.

²⁵ Hölbl 2001, 134.

²⁶ Hölbl 2001, 136–140.

²⁷ Recklinghausen 2018, 111–178.

²⁸ Nespoulous-Phalippou 2015.

²⁹ Подробнее об Аристонике см: Nespoulous-Phalippou 2025, 218–220; Apenko 2025, 116–118.

при предыдущих царях могли быть некие придворные, отвечавшие за отношения с египетским жречеством, но их имена до нас не дошли. В таком случае о «царе» можно было бы говорить лишь символически, как о некотором образе правителя, который олицетворяет собой власть. Обычно считается, что первые цари династии Птолемеев вели более самостоятельную политику, но и здесь ситуация оказывается довольно сложной, поскольку мы а). не имеем достаточных источников как в пользу, так и против этого суждения; б). даже если эти цари вели более независимую политику, нет никаких оснований считать, что они действительно в одиночку правили страной; в). известно, что у царей были соправители, а также могли быть и иные должностные лица, которые могли от лица царя взаимодействовать с египетскими храмами³⁰. В связи с этим, мы выбираем более общее понятие – «царская власть». Данный термин включает в себя и самого царя, и людей, уполномоченных вести дела от его имени. Оговорив это, мы можем приступить к анализу взаимоотношений власти с локальными группами элиты.

ЭТАП I. ПЕРВЫЕ ПТОЛЕМЕИ (К. IV–СЕР. III В. ДО Н.Э.)

На первом этапе, в правление Птолемея I и Птолемея II, взаимодействие между властью и жречеством ещё не институционализировано и имеет более локальное измерение. Птолемей I, еще будучи сатрапом Египта, разрешает вопрос о предоставлении земельного владения под названием «Земля Уаджит» храму города Буто, расположенного в Западной Дельте (об этом решении сообщается в Стеле сатрапа 311 г. до н.э.³¹: Urk. II. 16.6–22.1). Его преемник, Птолемей II, также активно участвует во взаимодействии с храмами и культовыми центрами Дельты: в Мендесской надписи³² подробно описана его деятельность на благо Мендеса и его божества Банебджеда; в Пифомской надписи³³ схожим образом отмечена деятельность царя в Пифоме³⁴. Кроме того, в середине 260-х гг. до н.э. царь прибывает в Саис, где собирает жрецов для проведения особой процессии в честь своей обожествленной покойной сестры-супруги Арсиной Филадельфы (Саисская надпись³⁵, стлб. 7–9).

Как видно из этой краткой сводки, первые Птолемеи уделяют особое внимание взаимодействию со жречеством Дельты. В дополнение к этому стоит

³⁰ Помимо вышеупомянутого случая с Аристоники, стоит упомянуть «Птолемея сына», соправителя Птолемея II, о котором сообщает в т.ч. и в официальных источниках (подробнее см. Huss 1998, 229–234).

³¹ Ladynin 2022.

³² Roeder 1959, 168–188; De Meulenaere, MacKay 1976, 173–177.

³³ Thiers 2007.

³⁴ Кроме того, при Птолемеи II проводятся строительные работы в других центрах в Дельте: Танисе, Севенните, Навкартисе (Arnold 1999, 158).

³⁵ Издания Саисской надписи: Thiers 1999; Apenko 2023b.

указать на историю создания культа Сараписа³⁶. По сообщениям античных авторов, в этом процессе участвовал Манефон Севеннитский (Plut. De Is. et Os. 28; Tac. Hist. IV. 83–84). Про самого жреца мы знаем достаточно мало³⁷, но, по всей видимости, он происходил из Восточной Дельты и также был представителем локального жречества Севеннита. Это особенно примечательно, если учесть, что культ Сараписа являлся грецизированной версией культа Осири-са-Аписа, который особо почитался в Мемфисе³⁸. В таком случае логичнее было бы ожидать появления при дворе жреца из Мемфиса, а не из Севеннита. Однако выбор властей пал именно на уроженца Дельты, что показывает, к кому были особенно расположены власти. Нужно отметить, что и сам Манефон был значительной фигурой: именно он становится автором и исторического труда Αἰγυπτιακά, где передает на греческом языке историю Египта³⁹.

Элиты Мемфиса в этот период также имели определенное значение для Птолемеев. Как сообщают античные источники, Птолемей I, еще будучи сатрапом, оплатил похороны одного из Аписов (Diod. I. 84.4)⁴⁰. В Пифомской надписи сообщается о заботе Птолемея II о быках Аписе и Мневисе (Urk. II. 103. 6), а также говорится, о военном походе в Сирию в 274–273 гг. до н.э. во время I Сирийской войны, после которого царь привез статуи богов в Мемфисе, где затем произошло собрание жрецов (Urk. II 91. 6–93. 5)⁴¹. Целью собрания было определить, в какие храмы должны быть возвращены статуи египетских богов, найденные во время похода⁴². Примечательно, что статуи были привезены именно в Мемфис, а не в Александрию или иной центр в Дельте.

Частные памятники жрецов также показывают, что в это время царская власть поддерживала жречество Мемфиса и, вероятно, стремилась сделать его одной из опор своей власти в Египте. При Птолемее II выдвигается мемфисский жрец Несисти-Падибастет⁴³. Он был назначен царем на должность жреца Арси-

³⁶ Stambaugh 1972, 6–13; Huss 2001, 241–245; Pfeiffer 2008.

³⁷ Apenko 2023c.

³⁸ Stambaugh 1972, 61–67.

³⁹ О труде Манефона см: Dillery 1999, Moyer 2011.

⁴⁰ Ladynin 2018.

⁴¹ Отметим, что в самой надписи о месте собрания не указано. После того как царь созвал жрецов, они, по словам надписи «прибыли в место, в котором величество его находилось перед этими богами» (Urk. II. 91.16: *ii.sn r bw nty hm.f r-h[ft ntrw ipw]*). Вероятно, иметься в виду должен Мемфис, куда царь до этого привез эти статуи. Показательно также, что далее в надписи сообщается, только о статуи божества из Пифомского нома (Urk. II. 93.1: *gm.n.s(n) sšm ntr n hwi-izbt pw* «нашли они, что статуя божества из Восточного Гарпуна (наименование пифомского нома – прим. М. А.)). Вероятнее всего, составители надписи Дельты, не хотели акцентировать внимание на том, что собрание произошло именно в Мемфисе, стараясь показать значимость события для себя, а не для Египта в целом.

⁴² Подробнее о мотиве возвращения статуй богов см.: Winnicki 1994; Ladynin 2007; Apenko 2024a, 92–98.

⁴³ Reymond 1981, 61–70; Gorre 2009a, 285–296; Panov 2017, 101–108.

нои и Филотеры (ВМ 379, сткк. 12 – 13). Также он получил титул, который в науке описан как титул «наместника» Мемфиса (ВМ 379, стк. 12: *rdi.n.f* [...] *wr m 'Inb-ḥd*): «дал он (царь – М.А.) /титул/ [...] великого в Мемфисе»⁴⁴). Впоследствии он становится верховным жрецом Птаха в Мемфисе (ВМ 379, стк. 13: *ir.n.f wi m wr ḥmww* «сделал он меня в качестве “Великого /среди/ мастеров”»)⁴⁵. Его сын, Хонсуиу при Птолемеях II получил титул жреца «сокола-Нектанеба» (ВМ 375, стк. 6)⁴⁶. Все это говорит о заинтересованности Птолемея в поддержке мемфисского жречества. Однако масштабных строительных работ в Мемфисе в это время мы не фиксируем – скорее всего, все ограничилось возведением храма в честь Арсиной⁴⁷.

Взаимодействию с Фивами в этот период было уделено заметно меньше внимания. Нужно сказать, что Фивы и регион Фиваиды при Птолемеях отличались определенным уровнем автономии. Здесь более активно сохранялись традиционные практики землепользования и управления, а роль новых институтов была не столь велика, как в других регионах⁴⁸. Показательно, что при Птолемеях I и II были прекращены почти все работы в храмах Фиваиды, которые велись при XXX династии и Аргеадах⁴⁹. Это не значит, что контактов с местным жречеством не было вовсе, но они оставались ограниченными. Так, царь выдвинул жреца Несубанебджеда⁵⁰, который получил следующие титулы: *ḥry-tp-nsw* («слуга царя») и *mzḏ dr m 'ḥt* («тот, кто видит секреты дворца»). Как считает Ж. Горр, это были не просто формальные титулы, а обозначения реальных должностей, которые прямо указывали на связь с царем⁵¹. Сын Несубанебджеда, жрец Яхмос⁵², вероятно, в этот же период получил свою должность жреца «сокола-Нектанеба» (Cairo JE 37075)⁵³. И все же нужно отметить, что жрецы Фив

⁴⁴ В историографии предлагается два прочтения этого места: Ж. Горр (Gorre 2009a, 290) предлагает вариант «великий [наместник] в Мемфисе» (le grand gouverneur dans Memphis) (*ḥzy-ḥt* *wr m 'Inb-ḥd*), М.В. Панов (Panov 2017, 103) же предлагает вариант «главного [домоправителя] в Инбухедж» (*imy-r pr* *wr m 'Inb-ḥd*). Н. Маркович отмечает, что точного варианта мы дать не можем (Markovic 2018, 11).

⁴⁵ Титул *wr ḥmww* обозначал верховного жреца Птаха в Мемфисе (Devauchelle 1992, 205–207).

⁴⁶ Этот культ возник в правление Нектанеба II (De Meulenaere, 1960), но приобрел новую популярность в правление Птолемея II, став, по всей видимости, важным инструментом во взаимодействии власти со жречеством и элементом презентации власти правителя (Gorre 2009b; Apenko 2026).

⁴⁷ Hölbl 2001, 102.

⁴⁸ На это не повлияло даже основание нового административного центра на юге Египта – Птолемаиды. Подробнее о статусе Фиваиды при Птолемеях см. Manning 2003, 66–97.

⁴⁹ От правления первых Птолемея найдены только следы работ в правление Птолемея II в храме Мут: Arnold 1999, 162.

⁵⁰ Gorre 2009a, 70–71; Quaegebeur 1995, 148.

⁵¹ Gorre 2009a, 71.

⁵² Gorre 2009a, 72–77.

⁵³ Fairman 1904, 3; Впрочем, сказать уверенно, что он получил его именно в этот период,

получают меньше назначений. Так, можно указать на фиванского жреца Хонсу Хорнефера⁵⁴. В своей заупокойной надписи (Lausanne 9)⁵⁵ он не сообщает о каких-либо назначениях, не упоминает царя, как и любые контакты с ним. Вполне возможно, что жрец и вовсе не признаёт царя легитимным и поэтому избегает его упоминать⁵⁶. Таким образом, в этот период царская власть оказывается менее расположенной к фиванскому жречеству.

Подводя итог, в правление Птолемея I и Птолемея II мы видим следующую картину: жречество Дельты стало наиболее значимой опорой власти. Власть наиболее активно взаимодействует с этой локальной группой и участвует в реконструкциях храмов в регионе. Жречество Мемфиса также получает поддержку от власти, но как представляется, меньшую. Интересы фиванского жречества занимают власть в последнюю очередь. Ситуация эта коренным образом поменяется на следующем этапе.

ЭТАП II. ПРАВЛЕНИЕ ПТОЛЕМЕЯ III (246–222 гг. до н.э.)

Новый этап, а именно правление Птолемея III, начинается с нескольких знаменательных событий. Первым из них оказывается III Сирийская война (245–241 гг. до н.э.). Эта война станет одной из наиболее успешных для Птолемея: в ходе военной кампании армия Птолемея III достигла Месопотамии и даже осадила Вавилон (ВНСР 11). Однако ее итоги оказались куда более скромными, чем можно было ожидать. Конечно, Птолемеи стали ведущей силой на Средиземном море и заняли Селевкию-в-Пиерии⁵⁷, одну из ключевых гаваней царства Селевкидов в сирийской метрополии. Однако о притязаниях на Месопотамию или всю Сирию пришлось забыть.

Главной причиной такого исхода стало второе ключевое событие начала царствования Птолемея III – восстание в Египте 245 г. до н.э.⁵⁸. Насколько мы можем судить, это было первое крупное восстание против власти Птолемея в Египте. Поводом к восстанию явились низкие разливы Нила, о чем сообщается в Канопском декрете 238 г. до н.э.⁵⁹ (OGIS. 56. 13–15; Urk. II 130.6–10). Это упоминание крайне важно, поскольку в глазах египтян именно царь, поддерживая Маат (исполняя ритуалы), обеспечивал разливы Нила. Показательно, что в надписи указано, что в результате низкого разлива люди «устрешили и размышляли о бедствии, бывшем при некоторых царствовавших прежде» (OGIS 56. 13–15: καὶ πάντων τῶν ἐν τῇ χώρᾳ καταπληγμένων ἐπὶ τῷ

нельзя. В данном случае мы исходим из предположения, что культ «Сокола-Нектанеба» приобретает особую популярность в правление Птолемея II (Gorre 2009b; Apenko 2026b).

⁵⁴ Gorre 2009a, 62–69.

⁵⁵ Wild 1954.

⁵⁶ Apenko 2024a, 217–218.

⁵⁷ Hölbl 2001, 51.

⁵⁸ Huß 1978; Ladynin 2016, 295. Отметим, что точная его локализация неизвестна.

⁵⁹ Издание декрета Pfeiffer 2004.

συμβεβηκότι ἐνθυμουμένων τὴν γεγεννημένην καταφθορὰν ἐπὶ τινῶν τῶν πρότερον βεβασιλευκότων; Urk. II 130.6–10: *wn ʕnhw nbw nw Bzqt ib.sn hr hpr isk m zhn hft shzw.sn hryt hpr hntt m rk nsww tp(yw)-ʕ*). Как предполагает И.А. Ладынин, под событиями, что были раньше, понимается кризис первого переходного периода⁶⁰. В этот период (конец III тыс. до н. э.) произошла крупнейшая катастрофа в истории Египта, когда в стране наступило похолодание и общий уровень воды в Ниле резко упал⁶¹. Отсутствие таких разливов означало, что царь утратил свой сакральный статус (или не обладал таковым вообще)⁶². Из этого следовало в том числе и то, что такого царя можно и, вероятно, даже нужно свергнуть.

Восстание, вероятно, было подавлено легко и без излишней жестокости. В источниках времени Птолемея III сообщения о нем почти отсутствуют; даже в поздних источниках о нем сообщается только вскользь⁶³. Однако следствием этих событий становятся некоторые важные изменения: возникают особые жреческие собрания – т.н. синоды, на которые все египетское жречество Египта съезжалось в Александрию; в египетских храмах создается особый культ, в рамках которого почитается царская чета Птолемея III и Береники II. Все это говорит о новом повороте в отношениях царской власти со жречеством.

Переходя к анализу сведений о локальных элитах этого времени, необходимо сразу отметить важное изменение: контакты с местными элитами Дельты как будто полностью прекращаются. Птолемей III не проводит значительных строительных работ в Дельте⁶⁴. Специальных текстов, где фиксировались бы отношения царя со жречеством Дельты (подобно царским надписям Птолемея II), не создается. Кроме того, мы не можем зафиксировать и назначений жрецов Дельты на значимые должности (последнее, впрочем, может быть связано с недостатком данных, поскольку мы имеем мало сведений о жрецах Дельты в этот период)⁶⁵. Может ли это быть доказательством того, что жречество Дельты утратило расположение царя? Сказать однозначно сложно, но думается, что такая оценка оправдана. Восстание египтян должно было показать, что опора на

⁶⁰ Ladynin 2016, 295.

⁶¹ Demidchik 2005, 28–30. Как считает И.А. Ладынин эта катастрофа оказалась столь значительной для египтян, что должно была остаться в их памяти даже спустя тысячелетия после самого события (Ladynin 2016, 295). Здесь же можно добавить, что в первой половине III в. до н.э. обстоятельную историю Египта написал Манефон, который именно по окончании катастрофы Первого переходного периода и поставил границу первого тома своего произведения, что показывает значимость этого периода для египтян того времени (Ladynin 2017, 161–163).

⁶² Demidchik, 2005, 44–49.

⁶³ Одним из немногих современных упоминаний о нем можно счесть вариант Хорова имени Птолемея III: *wr-phṯy iri-ʕdt-m-bṯnw.f* «великий силой, сделавший резню повстанцам его»: Urk. VIII. 73. Nr. 88; Beckerath 1999, 234–235.

⁶⁴ Arnold 1999, 162–173.

⁶⁵ Так, при исследовании памятников жрецов из разных регионов Дельты Ж. Горр не относит ни один из них ко времени Птолемея III: Gorre 2009a, 349–450.

жрецов Дельты не может обеспечить поддержку египтян во всем Египте. Кроме того, у царской власти могли возникнуть сомнения в том, что использованные этими жрецами идеологические схемы были достаточными для предотвращения подобных восстаний. Чтобы такие ситуации не повторялись в будущем, нужно было искать новые способы обеспечения легитимности, что могли предоставить другие локальные жреческие группы.

Наиболее примечательным в данном случае оказывается отношение власти к жречеству Мемфиса. Роль города в этот период заметно возрастает, что отражается даже в царской титулатуре. В т.н. «золотом имени» (иначе имени Хора Золотого⁶⁶) царя Птолемея III появляется эпитет с именем мемфисского бога Птаха-Татенена (*nb-ḥbw-sd-mi-Pth-Tz-tnn* «владыка Хеб-Седов, подобно Птаху-Татенену»). Можно отметить и другие изменения в титулатуре: в имени Обоих Владычиц специально проговаривается, что он защитник Египта и богов (*kn ndty-ntrw inb-mnh-n-Tz-mri* «храбрый, защищающий богов, крепкая стена Египта»)⁶⁷, чего ранее в титулатуре Птолемея не указывалось. Таким образом, можно говорить если не о коренных изменениях в царской идеологии, то о некоторых переменах в самопрезентации царской власти. Можно связать это с тем, что титулатура создается теперь жрецами Мемфиса, а не иного региона⁶⁸.

Другим подтверждением роста влияния жречества Мемфиса могут служить должности, которые получают жрецы этого города. Сын жреца Несисти-Падибастета, Анемхор⁶⁹, становится жрецом культа богов-Эвергетов и богов-Филопаторов (Wien 153, стк. 1), а также получает титул «глава жрецов всех богов и богинь Обоих Земель» (Wien 153, стк. 9: *mr ḥmw-ntr nw ntrw ntrwt nb n tzyu*)⁷⁰. Даже если эта должность и была скорее почетной, она все равно означала, что жрец Мемфиса воспринимался как главный жрец Египта. Сын Анемхора, жрец Джедхор⁷¹, также получает широкие полномочия: в его заупокойной надписи сообщается, что он был ответственен за интронизацию жрецов, которые могли посещать статую божества (Wien 162, стк. 4: *sšm ꜥ nb r ꜥ imn* «ведущий всякого входящего в святая святых»). Как считают Д. Агю-Лабордер и Ж. Горр, он должен был заведовать, хотя бы номинально, назначением всех жрецов в Египте⁷². Кроме того, в надписи сообщается, что жрец был приближен к

⁶⁶ Подробнее об этом титуле: Berlev 1979, 41–59; Beckerath 1999, 17–20.

⁶⁷ Beckerath 1999, 236–237.

⁶⁸ В полной мере это доказать нельзя, поскольку нам неизвестно, кто составлял титулатуру для царя: технически ее составляли особые жрецы *ḥryw-ḥb* (Sales 2006, 191), но данных о таких в эпоху Птолемея у нас нет. И все же упоминания почитаемых в Мемфисе богов в титулатуре могут свидетельствовать об участии жрецов Мемфиса в ее создании, начиная как раз с правления Птолемея III.

⁶⁹ Reymond 1981, 71–77; Gorre 2009a, 297–304.

⁷⁰ Agut-Labordère, Gorre 2006, 42.

⁷¹ Reymond 1981, 87–91; Gorre 2009a, 305–309.

⁷² Agut-Labordère, Gorre 2006, 42.

царю: во время праздников он входил в царский дворец первым, до остальных жрецов Египта (Wien 162, стк. 7–8).

Можно говорить о значительном росте влияния мемфисского жречества. По крайней мере, номинально семья верховных жрецов Мемфиса становится ведущей жреческой семьей Египта. Единственное, что смущает нас в такой реконструкции – отсутствие масштабных строительных работ в храмах города в это время. Вероятно, все доступные ресурсы оказались направлены на юг Египта.

Правление Птолемея III оказывается крайне удачным и для фиванского жречества. Власть уделяет больше внимания Верхнему Египту⁷³. Птолемей III возвращается к строительным кампаниям на юге Египта, которые проводились при XXX династии и Аргеадах. В это время в Карнаке были построены врата Баб-эль-Амара храма Хонсу и проведены работы в храме Птаха и в комплексе Амон-Ра Монту, включая сооружение врат Баб-эль-Абд⁷⁴. Отдельно можно упомянуть, что царь начинает строительство храма Хора в Эдфу⁷⁵, который находился в 100 км к югу от Луксора. Кроме того, в годы своего правления царь также побывал на острове Филэ (вероятно, это произошло в 240-е гг. до н.э, но мнения по этому поводу расходятся)⁷⁶.

Кроме того, царская власть пытается заручиться поддержкой местного жречества. Вероятно, в этот период возник титул «Великого начальника храмов Фив» (*ḥꜣty-ꜥ wr imy-r ḥmw-ntr m Wꜣst*), которым обладал жрец Несумену⁷⁷. Уже упомянутый жрец Яхмос получил дополнительные назначения от царя: он участвовал в оформлении врат Баб-эль-Амара храма Хонсу в Фивах⁷⁸; кроме того, царь назначил его в качестве «правителя крепостями» Гермополя (Cairo JE 37075, стлб. 4: *ḥꜣꜣ-ḥwt Wnt* «правитель крепостей гермопольского нома»⁷⁹), а также предоставил почетную должность номарха Мемфиса (Cairo JE 37075,

⁷³ Honigman, Veïsse 2021, 302; 307–309; Birk 2025.

⁷⁴ Arnold 1999, 164–168.

⁷⁵ Arnold 1999, 169–170.

⁷⁶ Ж. Бинген на основании данных надписи OGIS 61 в Филэ, предположил, что Птолемей III побывал там ок. 245–244 г. до н.э. В качестве аргумента он привёл тот факт, что по отношению к царю не использована эпikleза «боги-Эвергеты» (βασιλεὺς Πτολεμαῖος βασιλέως Πτολεμαίου καὶ Ἀρσινόης, θεῶν Ἀδελφῶν, καὶ βασιλίσσα Βερενίκη, ἡ βασιλέως Πτολεμαίου ἀδελφὴ καὶ γυνή), которая была введена в 243 г. до н.э. (Bingen 2007, 37–38). Впрочем, как показывает К.Г. Джонсон, правители династии Птолемея вплоть до правления Птолемея V Эпифана не использовали в посвячительных и других царских надписях свои эпikleзы (Johnson 2002, 114).

⁷⁷ Birk 2025, 30–33. Сам исследователь скорее склоняется в своей датировке в пользу первой половины–середины III в. до н.э. На наш взгляд, возникновение такой должности лучше датировать периодом середины III в. до н.э., когда происходят явные сдвиги в политике царей.

⁷⁸ Quaegebeur 1992, 111.

⁷⁹ Ж. Гопп переводит эту должность как управитель храмов (*gouverneur des temples*) и связывает деятельность жреца с административной деятельностью жреца в храмах Гермополя (Gorre 2009a, 76).

стлб. 4: *ḥzty-ꜥ Inb-ḥd*). Возможно, к этому времени относится и назначение отца фиванского жреца Хоркауи⁸⁰ на должность великого наместника храмов Сефенита (Cairo JE 37328, стлб. 3: *ḥzty-pꜥt wr m ꜥb-nꜥr* «наместник великий в номе Чеб-Нечер»)⁸¹. Другой фиванский жрец Хорнеджитеф⁸² получает должность жреца династии Птолемеев (BM 6678, стлб. 2: *ḥm-nꜥr nꜥrw mnḥw ḥm-nꜥr nꜥrwy snwy.f* «жрец “богов-Эвергетов”, жрец “богов-Адельфов”»). мы видим достаточно активное назначение фиванских жрецов на должности в разных регионах Египта, что показывает рост влияния этой локальной группы жречества.

Таким образом, при Птолемеях III мы видим поворот: роль жречества Дельты уменьшается, а на передний план выходят две другие локальные жреческие группы – мемфисское и фиванское жречество. Именно на них опирается царь как при формировании царской идеологии, так и в вопросах управления жреческой корпорацией. На следующем этапе стоит ожидать столкновения, которое и определит, какая группа займет ключевое место во взаимоотношениях между властью и жречеством.

ЭТАП III. ПТОЛЕМЕЙ IV И ПТОЛЕМЕЙ V (конец III–начало II в. до н.э.)

Третий этап можно охарактеризовать как кризис царства Птолемеев. При Птолемеях IV и V почти нет внешнеполитических или даже внутривластных успехов. Конечно, в ходе IV Сирийской войны Птолемею IV даже удается победить Антиоха III в битве при Рафии, что стало активно использоваться в презентации царя: о его успехе сообщают как античная традиция (Plb. V. 85), так и египетские источники (CPI 144 = декрет Рафии), но в целом влияние Птолемеев слабеет. Регулярно вспыхивают восстания, которые власть уже не способна подавить без значительных усилий. Одной из причин этого, скорее всего, было то, что и Птолемей IV, и Птолемей V пренебрегали управлением страной, доверив его придворным фаворитам.

При дворе Птолемея IV особое значение играл диоикет Сосибий. Должность диоикета существовала и раньше: например, ей обладал Аполлоний из Кавна, известный по материалам архива Зенона⁸³. Аполлоний, однако, в основном занимался делами по развитию Файюмского оазиса, а не был фактическим правителем страны. В правление же Птолемея IV диоикет Сосибий был ответственен за большинство политических решений. Например, именно он собрал

⁸⁰ Jansen-Winkel 2001, 258–266; Gorre 2009a, 81–85.

⁸¹ Датировка годов жизни этого жреца довольно сложна: издатель настаивает на II в. до н.э., в то время как Ж. Горр склонен датировать памятник временем до Птолемея IV (Gorre 2009a, 83). Жрец, однако, является писцом пятой филы (Cairo JE 37328, стлб. 3), и это означает, что его надпись датируется временем уже после Канопского декрета 238 г. до н.э., когда эта фила и была введена. Так что, теоретически его отец мог получить назначение именно от Птолемея III.

⁸² Quaegebeur 1995, 142–144; Gorre 2009a, 78–80.

⁸³ Hölbl 2001, 58.

фалангу из египетских войск для участия в кампании в ходе IV Сирийской войны (Plb. V. 85. 8–12). Это решение имело ключевое значение для дальнейшего развития Египта: египтяне пополнили войско и, в том числе благодаря этому, административные структуры страны⁸⁴. Но в некотором смысле оно было показателем слабости существовавшего режима: власть оказалась вынуждена пойти на более активное взаимодействие с египетским населением из-за нехватки ресурсов⁸⁵.

Для жречества это означало, что его представители теперь тоже стали назначаться на военные должности. Иллюстрацией может служить жреческая семья из Таниса в Восточной Дельте, представленная двумя Джедхорами – дедом⁸⁶ и внуком⁸⁷. Оба жреца имели, среди прочего, военную должность *mr mšꜥ wr* «главные военачальники», что отражает их полномочия военных командующих⁸⁸. Отметим, что они обладали также титулом «Великого наместника» (CGC 700, стк.1: *ḥꜣty-pꜣt wr m ḥns ḥwt* [...] «великий наместник в качестве управляющего храмом [...]»). Сказать, наместником чего они были, однозначно нельзя, но учитывая, что оба происходят из Таниса, рискнем предположить, что именно Таниса. Неизвестно, когда они получили этот титул, но вероятно, до 206 г. до н.э.⁸⁹ (а возможно тогда же, когда и жрецы Фив – ок. середины III в. до н.э.).

Жречество Мемфиса преуспело в борьбе с другими жреческими группировками. Так, начиная с правления Птолемея IV, жреческие синоды проводятся не в столице царства Птолемея, Александрии, как было при Птолемеях III⁹⁰, а в Мемфисе. Причем, за все время с 222 по 180 г. до н.э. лишь однажды синод прошел не там, а в столице страны. Это произошло в 186 г. до н.э. и было зафиксировано в декрете Филенисис II. Само собрание было приурочено к подавлению восстания Анхуннефера, одного из лидеров восстания в Фиваиде (Urk. II. 228).

⁸⁴ Здесь нужно учитывать, что со времени правления Птолемея III управление номами было передано стратегам (στρατηγός), то есть для управления номом нужно было обладать военной должностью. С учетом почти полного отсутствия египтян в армии в это время, египтяне лишились возможности управлять номами Египта (Bengston 1952, 14–91; Huß 2011, 56. Manning 2019, 111).

⁸⁵ Нужно сказать, что предложенная нами оценка является далеко не единственно возможной. Так, К. Фишер-Бовэ видит в таком решении власти скорее проявление силы и способности адаптироваться к изменяющейся демографической ситуации (Fischer-Bovet 2014, 363–368).

⁸⁶ Montet 1938, 123–159; Zivie-Coche 1997, 63–91; Gorre 2009a, 402–411.

⁸⁷ Montet 1938, 123–159; Zivie-Coche 1997, 63–91; Gorre 2009a, 412–416.

⁸⁸ Вопрос о том, могли ли они быть «стратегами номов» (т.е. номархами), сложен, но ответ скорее всего будет отрицательным, поскольку в названии титула нет обозначения определенного нома (Gorre 2009a, 410).

⁸⁹ Birk 2025, 45–46.

⁹⁰ При Птолемеях III синод в 243 г. до н.э. был проведен в Александрии (El-masry et al. 2012), а в 238 г. до н.э. в Канопе, который располагался в 20 км от Александрии.

1–229. 5). Данное изменение выглядит очень значительным хотя бы потому, что начиная с 243 г. до н.э. и вплоть до 196 г. до н.э. все египетское жречество должно было ежегодно прибывать в столицу для проведения праздников в честь правящего монарха⁹¹, то есть всегда можно было провести синод в Александрии. Но власть все равно выбирала не более нейтральное место, где все группы жречества находились бы в более или менее равном положении, а Мемфис, где местное жречество имело бы явное преимущество.

При Птолемеях V влияние Мемфиса продолжает расти. Здесь во время собрания жрецов царь проходит коронацию (OGIS 90, сткк. 44–47; Urk. II. 193–194), на этот регион власть тратит большие ресурсы, о чем свидетельствуют следы масштабного строительства. Были проведены реконструкционные работы в храме Аписа (Urk. II. 186. 4–5 = OGIS 90 сткк. 33–34), построен проход от Бубастейона (храма богини Бастет) к храму Анубиса в Саккаре, а также обновлен и сам храм Анубиса⁹². С учетом того, что строительные кампании Птолемея IV и Птолемея V в целом были достаточно незначительными⁹³, есть все основания считать такие траты на Мемфис показателем особой значимости региона для власти.

Мы не видим важных изменений в предоставляемых жрецам Мемфиса титулах. Наиболее значительные титулы, обозначившие их как ведущих жрецов Египта, они уже получили при Птолемеях III: так, наследники Анемхора и Джедхора занимали те же должности, которые соответствовали их положению глав жрецов Египта. Интересно, однако, что в течение II в. до н.э. жрецы Мемфиса перестают быть жрецами династического культа Птолемеев⁹⁴. Как считает Ж. Горр, это может быть связано с тем, что отправление династического культа перестало быть специальной обязанностью мемфисского жречества, а сам культ распространился по всему Египту⁹⁵.

Влияние Мемфиса и его жречества прослеживается и еще в одной детали. Мы уже упоминали, что при Птолемеях III происходят изменения в царской титулатуре: появляются новые эпитеты, в том числе связанные с богами Мемфиса. Эти изменения становятся еще более яркими при его преемниках. В тронном имени Птолемея IV впервые появляется эпитет с именем Птаха (*stp.n-Pth* «избранный Птахом»)⁹⁶. Этот же эпитет мы находим и в тронном имени Птоле-

⁹¹ Gorre, Veïsse 2021, 122. Введены эти поездки были на синоде в Александрии (АД, стк. 16–17), а прекращены по результатам синода в Мемфисе в 196 г. до н.э. (OGIS. 90, стк. 16–17 = Urk. 177. 5–6).

⁹² Arnold 1999, 180.

⁹³ Clarysse 1999.

⁹⁴ Так, жрец Хоремахет (Reymond 1981, 92–102; Gorre 2009a, 309–313) еще указывает свою должность, связанную с династическим культом (BM 391, стк. 2), а его преемник Падибастет (Gorre 2009a, 314–320) уже не сообщает о своих обязанностях в рамках этого культа.

⁹⁵ Gorre 2009a, 317.

⁹⁶ Beckerath 1999, 236–237. Полное тронное имя царя *iw^c-n-ntrwy-mnhwy stp.n-Pth*

мея V⁹⁷. Все это говорит о росте влияния мемфисского жречества на царскую власть и ее идеологию⁹⁸. Мемфисское жречество пользовалось наибольшей благосклонностью царской власти, закрепив свое положение как наиболее значимой группы внутри жречества.

Что же можно сказать относительно других локальных жреческих групп, каким оказывается положение Фив в это время? Чтобы понять это, необходимо учесть, что именно в этом регионе происходит первое крупное восстание против власти Птолемеев. В 206 г. до н.э. лидер этого восстания Хоруннефер был даже провозглашен фараоном в Фивах⁹⁹, а его власть на определенном этапе распространялась вплоть до Абидоса¹⁰⁰.

Сложно сказать, кем были зачинщики восстания, но, скорее всего, среди них должны были находиться и египетские жрецы, недовольные Птолемеем IV. Причин для их недовольства могло быть много. Возможно, им не нравился тот факт, что Птолемей IV не был египтянином и даже не пытался вести себя как настоящий египетский царь, а основой администрации все еще оставались греки и македоняне. Возможно, проблемой было и то, что Птолемей IV в действительности особо страной и не правил, передав полномочия фаворитам и временщикам. Царь не выполнял своих прямых обязанностей, что могло стать причиной для возмущений в среде жречества Фив. Возможно, свою роль сыграл тот факт, что при Птолемеях IV опорой власти окончательно стало жречество Мемфиса. На наш взгляд, все факторы имели своё значение и выделить какой-то один ключевой не представляется возможным. Отметим лишь, что успешное восстание, особенно когда фиванское жречество еще не вполне утратило позиции, могло изменить расстановку сил и сделать именно Фивы центром следующего египетского царства со своим собственным царем¹⁰¹.

Этого, однако, добиться не удалось: в течение двадцати лет Птолемеи вели борьбу с повстанцами на юге страны и в 186 г. до н.э. их войскам удалось окончательно разбить армию мятежного царя Анхуннефера и казнить его (о чем сообщается в декрете Филенсис II). Неудача фиванцев только больше способствовала росту влияния Мемфиса в глазах власти. Фивы же, как и весь юг Египта, после восстания оказались под контролем эписстратега, который управлял как

wsr-k3-R^c šhm 'nh-n-'Imn «наследник богов-Эвергетов, избранный Птахом, сильный двойник Ра, живое изображение Амона».

⁹⁷ Beckerath 1999, 236–239.

⁹⁸ Отметим, что в титулатуре влияние Мемфиса будет проявляться и позднее. В хоровом имени Птолемея VI присутствует эпитет, связывающий царя с Аписом (*tni-m-ht htr-Hp 'nh-hr-mshnt.sn* «превосходный в утробе, близнец Аписа живого в месте их рождения»; Kessler 1989, 80; Beckerath 1999, 238–239).

⁹⁹ Pestman 1995, 101; Hölbl 2001, 154–155.

¹⁰⁰ Pestman 1995, 105.

¹⁰¹ Как отмечает Г. Хёльбль, в идеологическом плане цари восставшей Фиваиды резко противопоставляло себя Мемфису и его почитанию Птаха (Hölbl 2001, 155).

гражданской, так и военной администрацией области¹⁰². Кроме того, в регионе резко возросло число птолемеевских гарнизонов¹⁰³.

Район Дельты в этот период также оказывается неспокоен. Восстания в этом регионе, как считает Г. Хёльбль, были скорее выступлением низших классов против социальной несправедливости, нежели противостоянием с самой династией Птолемеев¹⁰⁴. Свой тезис он подтверждает тем, что повстанцы атаковали как греков, так и египтян, включая даже жречество. Сложно сказать, насколько данный аргумент является обоснованным. В различных формах регионы Дельты восставали вплоть до 182 г. до н.э., что должно подразумевать какую-то степень организованности. Кроме того, вождей восстания в Дельте Полибий называет «династы» (δυνάσται), что показывает их весьма важное положение и, возможно, претензии на царский статус.

С одной из групп восставших власти удалось справиться только в 185 г. до н.э., когда лидеры восстания попросили амнистии. Их обманом убедили прибыть в Саис, где арестовали, а затем после пыток казнили (Plb. XXII. 17.3–7). Другая группа повстанцев в районе восточной Дельты¹⁰⁵ была разбита войсками Аристоники в 182 г. до н.э. (Мемфисский декрет 182 г. до н.э.¹⁰⁶ = Cairo RT 2/3/25/7, сткк. 27–35), что, по всей видимости, окончательно покончило с восстаниями в Дельте. В итоге, можно сказать, что и Дельта в той или иной степени выступила против власти царя, хотя в данной ситуации сложно сказать, насколько это было проявлением недовольства местного жречества. Как мы уже отмечали, местные таниссские жрецы (Джедохоры – дед и внук) получают военные должности и даже титул «Великого наместника» от царя. Это говорит о том, что царская власть не игнорировала местное жречество. Однако едва ли таких примеров достаточно, чтобы утверждать, что его значение заметно выросло в этот период.

Таким образом, третий период характеризуется окончательной победой мемфисского жречества в борьбе за расположение царской власти. В это время Мемфис становится одним из важнейших городов для Египта Птолемеев¹⁰⁷, а местное жречество становится ответственным за формирование царской

¹⁰² Hölbl 2001, 157. Сложно сказать, насколько серьезно жречество Фив пострадало от этого конфликта. Как показывают некоторые примеры, во II в. до н.э. власть получили новые жреческие семьи, но масштаб этих изменений, а главное их причины указать точно нельзя (Birk 2025, 44–49).

¹⁰³ Manning 2003, 97.

¹⁰⁴ Hölbl 2001, 154.

¹⁰⁵ В тексте уточняется, что кампания велась *m šht nt Smz-Bḥdt* (Caire RT 2/3/25/7, стк. 29–30), то есть «в полях Сема-Бэхедет». Сема-Бэхедет был центром XVII нижеегипетского нома, расположенного на востоке Дельты (Nespoulous-Phalippou 2015, 205).

¹⁰⁶ Nespoulous-Phalippou 2015.

¹⁰⁷ Так, начиная с правления Птолемея VI, цари династии Птолемеев регулярно ездят в Мемфис, по всей видимости, во дворец при местном Серапеуме (Hölbl 2001, 184).

идеологии в египетской среде. Фиванское жречество начало осознавать, что теряет позиции в стране и решилось бросить вызов власти, что привело их к открытому восстанию против Птолемеев. Борьба эта оказалась неудачной и закончилась окончательной победой Мемфиса и его жречества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя источники и не дают нам полной картины взаимодействия власти и жречества, они все же позволяют восстановить его основные особенности в разные периоды истории царства Птолемеев. Важно было не только поведение элит, но и воля царской власти, которая выбирала, на какую группу опереться в тот или иной период. Так, на начальном этапе, в правление Птолемея I и Птолемея II, наиболее значительную роль, по всей видимости, играет жречество Дельты – территории центров последних династий независимого Египта. На втором этапе жречество Дельты теряет позиции, а на передний план выходят жрецы Мемфиса и Фив. Жрецы Мемфиса получают более высокий статус, в то время как основные строительные проекты осуществляются на юге страны. На третьем этапе позиции Мемфиса окончательно закрепляются, а для Фив единственным способом сохранить влияние становится восстание. Попытка свержения власти Птолемеев в Египте, однако, заканчивается неудачей.

СОКРАЩЕНИЯ

- АД – Александрийский декрет по изданию El-Masry et al. 2012.
 BCHP – Finkel I.L., van der Spek R.J., Pirngruber R. *Babylonian Chronographic Texts from the Hellenistic Period*, 2020.
 BM – коллекция британского музея, Великобритания.
 Cairo JE – Египетский музей Каира, Египет; номер по списку поступления (Journal d'entrées).
 CGC – Египетский музей в Каире, Египет. (пятизначный номер – в соответствии с Генеральным каталогом).
 CPI – Bowman, A. K., Crowther, C. V., Hornblower, S., Mairs, R., Savvopoulos, K. *Corpus of Ptolemaic Inscriptions. V. I. Alexandria and the Delta (Nos. 1 – 206): Part I: Greek, Bilingual, and Trilingual Inscriptions from Egypt*. Oxford, 2021.
 Lausanne – коллекция музея Лозанны, Швейцария.
 OGIS – Dittenberger, W. *Orientis Graeci inscriptiones selectae*. Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905.
 Urk. II. – Sethe K. *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. (Urkunden des ägyptischen Altertums 2)*. Hft. 1–3. Leipzig, 1904–1916.
 Wien – собрание Музея истории искусства в Вене.

ЛИТЕРАТУРА

- Agut-Labordère, D., Gorre, G. 2014 : De l'autonomie à l'intégration. Les temples égyptiens face à la couronne des Saïtes aux Ptolémées (VIe–IIIe siècle av. J.C.). *Topoi* 19/1, 17–55. <https://doi.org/10.3406/topoi.2014.2531>
 Apenko, M.S. 2023a: [The Rise of the Egyptian Priestly Synods during the Ptolemaic Era]. [*Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*] 4–5 (165), 43–53. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2023.4-5.43-53>
 Апенко, М.С. Проблемы возникновения синодов египетского жречества в эпоху Птолемеев. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 4–5 (165), 43–53.

- Apenko, M.S. 2023b: [The Sais Inscription. Translation and commentary]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "ISTORIYA"* [The Journal of Education and Science "HISTORY"] 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024924-5-1/>.
- Апенко, М.С. Саисская надпись. Перевод и комментарий. *ЭНОЖ «История»* 14/2 (124). URL: <https://history.jes.su/s207987840024924-5-1/>.
- Apenko, M.S. 2023c: [Manetho of Sebennytyos and His Role in the Egyptian Priesthood]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 108–123. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2023-1-79-108-123>
- Апенко, М.С. Манефон Севеннитский и его место в египетской жреческой корпорации. *ПИФК* 1, 108–123
- Apenko, M.S. 2024a: *Tsarskaya vlast' i lokal'nye elity v ellinisticheskom Egipta III v. do n.e.: problemy vzaimodeystviya: diss. k.i.n.* [Monarchy and Local Elites in Hellenistic Egypt of the 3rd Century B.C.: Aspects of Interaction: PhD Thesis]. Moscow.
- Апенко, М.С. Царская власть и локальные элиты в эллинистическом Египте III в. до н.э.: проблемы взаимодействия: дис ... к.и.н.
- M. Apenko, M.S. 2024b: [Caring for Sacred Animals in Ptolemaic Propaganda] *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 2, 219–237. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2024-2-84-219-237>
- Апенко М.С. Забота о священных животных в пропаганде Птолемеев *ПИФК* 2, 219–237.
- Apenko, M.S. 2025: [Aristonicus and the Memphis Decree of 182 BCE: was the priesthood loyal to Ptolemy V]. [Indo-European Linguistics and Classical Philology] 29, 109–121. <https://doi.org/10.30842/IELCP2306901529006>
- Апенко, М.С. Аристоник и Мемфисский декрет 182 г. до н.э.: к вопросу о лояльности жречества Птолемею V. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 29, 109–121.
- Apenko, M.S. 2026a: [Cult of Nectanebo the Falcon as an Element of Religious Policy of Ptolemy II]. *Vostok/Oriens* 3, 17–27 <https://doi.org/10.31696/S086919080036425-4>
- Апенко, М.С. Культ «Сокола-Нектанеба» как элемент религиозной политики Птолемея II. *Восток/Oriens* 3, 17–27.
- Apenko, M.S. 2026b: [When Did the General Nectanebo Lived: on the Elite of the Ptolemaic Kingdom at the End of the 4th–3rd Centuries BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 1 [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 38–52 <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2026-1-91-38-52>.
- Апенко, М.С. 2026: Когда жил военачальник Нектанеб? К вопросу об элите в царстве Птолемеев в конце IV – III в. до н.э. *ПИФК* 1, 38–52.
- Arnold, D. 1999: *Temples of the last Pharaohs*. New York–Oxford.
- Beckerath, J. von 1999: *Handbuch der ägyptischen Königsnamen*. 2. Aufl. München.
- Bengston, H. 1952: *Die Strategie im hellenistischen Zeit*. Bd. III. München.
- Berlev, 1979: [The 'Golden Name' of the Egyptian King]. In: I. S. Katsnel'son (ed.), *Zh. F. Shampol'on i deshifrovka egypetskikh ieroglifov* [J. F. Champollion and the Decipherment of the Egyptian Hieroglyphs]. Moscow, 41–59.
- Берлев, О.В. «Золотое имя» египетского царя. В сб: И.С. Кацнельсон (отв. ред.), *Ж.Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов*. М., 41–59.
- Bevan, E.R. 1927: *The House of Ptolemy. A History of Hellenistic Egypt under the Ptolemaic Dynasty*. London.
- Bingen, J. 2007: Ptolemy III and Philae: snapshot of a reign, a temple and a cult. In: J. Bingen, R. S. Bagnall (eds.), *Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture*. Edinburgh, 31–43.
- Birk, R. 2025: Rebellious Priests of Thebes? In: R. Birk, L. Coulon (eds.), *The Thebaid in Times of Crisis: Revolt and Response in Ptolemaic Egypt*. Berlin-Boston, 27–54. <https://doi.org/10.1515/9783111608051-002>
- Blasius, A. 2011: Die lokalen Eliten im ptolemaischen Ägypten. In: B. Dreter, P.F. Mittag (Hrsg.), *Lokale*

- Eliten und hellenistische Könige: zwischen Kooperation und Konfrontation*. Berlin, 132–190.
- Briant, P. 1988 : Ethno-classe dominante et populations soumises dans l'empire achéménide: Le cas d'Égypte. In: A. Kuhrt. H. Sancisi-Weerdenburg (eds.), *Achaemenid History III: Method and Theory*. Leiden, 137–173.
- Chauveau, M., Thiers, Chr. 2006 : L'Égypte en transition: des Perses aux Macédoniens. La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques (vers 350–300 av. J. C.). In : P Briant, F. Joannès. (dir.), *Actes du colloque organisé au Collège de France par la "Chaire d'histoire et civilisation du monde achéménide et de l'empire d'Alexandre" et le "Réseau international d'études et de recherches achéménides"*, 22–23 novembre 2004. Paris, 375–404.
- Clarysse, W. 1999: Ptolémées et temples. In : D. Valbelle, J. Leclant (eds). *Le décret de Memphis. Colloque de la Fondation Singer-Polignac, Paris, 1er juin 1999*, 41–65.
- Clarysse, W., Thompson, D. 2006 : *Counting the People in Hellenistic Egypt*. Vol. 1. Cambridge.
- De Meulenaere, H., MacKay, P. 1976: *Mendes II*. Warmaster.
- Demidchik, A.E. 2005: *Besymyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegyptskoy monarkhii* [A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy]. Saint Petersburg.
- Демидчик, А.Е. *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.
- Devauchelle, D. 1992 : Le titre du grand prêtre memphite. *Revue d'Égyptologie* 43, 205–207.
- Devauchelle, D. 1994 : Les steles du Sérapéum de Memphis conservées au Musée du Louvre. In : E. Bresciani (ed.), *Acta Demotica: Acts of the Fifth International Conference for Demotists (Pisa, 4th – 8th September 1993)*. Pise, 95–114.
- Derchain, Ph. 2000: *Les impondérables de l'hellénisation. Littérature d'hiéroglyphes*. Turnhout.
- Dillery, J. 2004: Cambyses and the Egyptian Chaosbeschreibung Tradition. *Classical Quarterly*, 55, 387–406. <https://doi.org/10.1093/cq/bmi038>
- Dillery, J. 2015: *Clio's Other Sons. Berossus and Manetho A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt*. Ann Arbor.
- El-Masry, Y., Altenmüller, H., Thissen, H.-J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg.
- Fairman, H.W. 1934: A Statue from the Karnak Cache. *Journal of Egyptian Archaeology* 20(1), 1–4. <https://doi.org/10.2307/3854992>
- Fischer-Bovet, C. 2014: *Army and Society in Ptolemaic Egypt*. Cambridge. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139035231>
- Gladić, D.A. 2015: *Das Dekret von Memphis. Kommentar und Auswertung*. Ph.D. Diss. Trier.
- Gorre, G. 2009(a): *Les relations du clergé égyptien et des Lagides d'après les sources privées*. Leuven.
- Gorre, G. 2009(b): Nectanébo-le-faucon et la dynastie lagide. *Ancient Society* 39, 55–69. <https://doi.org/10.2143/AS.39.0.2042605>
- Gorre, G., Veïsse, A. 2020: Birth and disappearance of the priestly synods in the time of the Ptolemies. In: *Quand la fortune du royaume ne dépend pas de la vertu du prince: Un renforcement de la monarchie lagide de Ptolémée VI à Ptolémée X (169–88 av. J.–C.)*. Leuven, 113–140. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1q26j9f.8>
- Hoffmann F., Pfeiffer, S. 2021: *Der Stein von Rosetta*. Ditzingen.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London–New York.
- Honigman, S., Veïsse, A.-E. 2021: Regional Revolts in the Seleucid and Ptolemaic Empires. In: C. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.), *Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empire: Integration, Communication, and Resistance*. Cambridge, 301–328. <https://doi.org/10.1017/9781108782890.012>
- Huß, W. 1978 : Eine Revolte der Ägypter in der Zeit der 3. Syrischen Krieg. *Aegyptus* 58, 151–156.
- Huß, W. 2001: *Ägypten in hellenistischer Zeit 332–30 v. Chr.* München.
- Huß, W. 2011: *Die Verwaltung des ptolemäischen Reichs*. München.
- Jansen-Winkel, K. 2001: *Biographische und religiöse Inschriften der Spätzeit aus dem Ägyptischen Museum Kairo*. Wiesbaden.

- Jansen-Winkel, K. 2024: *Ägyptische Geschichte der 21.–30. Dynastie*. Münster.
- Johnson, C.G. 2002: OGIS 98 and the Divinization of the Ptolemies. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 51/1, 112–116.
- Kaplony, P. 1971: Bemerkungen zum ägyptischen Königtum, vor allem in der Spätzeit. *Chronique d'Égypte* 46 (92), 250–274.
- Kessler, D. 1989: *Die heiligen Tiere und der König*. Wiesbaden.
- Ladynin, I.A. 2016: [The dynastic cult and the eponymous priesthood of the Ptolemies]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi ludey”: kul't praviteley v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire* [‘Gods among Men’: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World]. Moscow, Saint Petersburg, 265–312.
- Ладынин, И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемея. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире*. М.–СПб, 265–312.
- Ladynin, I.A. 2017: *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktsiyakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy* [The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda]. Doc. Thesis. T.1. Moscow.
- Ладынин, И.А. Начало македонского времени в категориях традиционного мировоззрения древних египтян конца IV – начала III вв. до н.э.: дис ...док. истор. наук. Т.1. М.
- Ladynin, I.A. 2018: [Live and Death of an Apis Bull: From the Second Persian Domination to Ptolemy’s Satrapy]. In: S.Yu. Saprykin (ed.), *Drevniy Vostok i antichnyy mir* [Ancient Orient and the Classical World] 9. Moscow, 35–55.
- Ладынин, И.А. Жизнь и смерть одного Аписа: от второго персидского владычества до сатрапии Птолемея. *Древний Восток и Античный мир. Сборник научных трудов кафедры истории древнего мира Исторического факультета МГУ*. Вып. 9. М., 35–55.
- Ladynin, I.A. 2019: [The classical tradition about the sacrilege of Artaxerxes III against the ancient Egyptians sacred animals: the problem of dating]. In: I.A. Ladynin (ed.), *Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti. Vyp. 4. Sbornik nauchnykh trudov Sergeevskikh chteniyn na kafedre istorii drevnegomira istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova*. [Orient, Europe, America in Antiquity. Iss. 4. Proceedings of the XXI Sergeyev Readings, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University]. Moscow–Saint-Petersburg, 5–18.
- Ладынин, И. А. 2019: Античная традиция о кощунствах Артаксеркса III против священных животных и вопрос о ее датировке. В сб.: И.А. Ладынин (ред.), *Восток, Европа, Америка в древности. Вып. 4. Сборник научных трудов Сергеевских чтений на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*. М.–СПб., 5–18.
- Ladynin, I.A. 2022: *Ptolemey, syn Laga, i zhretsy Buto. “Stela satrapa” (Egipetskiy muzey, Kair, 22182): Ieroglifi cheskiy tekst, perevod i kommentariy* [Ptolemy, Son of Lagus, and the Priests of Buto. The Satrap Stela (Egyptian Museum, Cairo, 22182): Hieroglyphic Text, Translation and Commentary]. Moscow–Saint Petersburg.
- Ладынин, И.А. Птолемей, сын Лага, и жрецы Бутто. «Стела сатрапа» (Египетский музей, Каир, 22182): Иероглифический текст, перевод и комментарий. М.–СПб.
- Lang, Ph. 2013: *Medicine and Society in Ptolemaic Egypt*. Leiden.
- Manning, J. G. 2003: *Land and Power in Ptolemaic Egypt: the Structure of Land Tenure 332–30 BCE*. Cambridge.
- Manning, J.G. 2010: *The Last Pharaohs: Egypt Under the Ptolemies, 305–30 BC*. Princeton.
- Manning, J.G. 2019: The Ptolemaic Governmental Branches and the Role of Temples and Elite Groups. In: K. Vanderpe (ed.), *A Companion To Greco-Roman and Late Antique Egypt*. Hoboken, 103–118. <https://doi.org/10.1002/9781118428429.ch7>
- Markovic, N. 2018: The Curious Case of Heresankh, a Perfect Player of the Sistrum of Min and a Priestess of the King’s Sister Philotera. *Istraživanja Journal of Historical Researches* 29, 7–21. <https://doi.org/10.19090/I.2018.29.7-21>
- Montet, P. 1938 : Gouverneurs de Tanis D’après les Inscriptions des Statues 687, 689 et 700 du Caire.

- Extrait de Kemi, Revue de Philologie et d'Archéologie égyptiennes et coptes* VII, 123–159.
- Moyer, I. 2011: *Egypt and the limits of Hellenism*. Cambridge.
- Nespoulous-Phalippou, A. 2015: *Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 a.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901*. V. I. Montpellier.
- Nespoulous-Phalippou, A. 2025: Native Revolts from South Thebes to North Thebes: Historical Facts and Royal Ideology According to the Priestly Decrees from Ptolemy V Epiphanes' reign (204–180 BCE). In: R. Birk, L. Coulon (eds.), *The Thebaid in Times of Crisis: Revolt and Response in Ptolemaic Egypt*. Berlin–Boston, 203–228. <https://doi.org/10.1515/9783111608051-010>
- Panov, M.V. 2017: *Istochniki po istorii zhrecheskikh semey Memfisa i Letopolya v pozdny period* [Documents on the History of the Priestly Families from Memphis and Letopolis in the Late Period]. Novosibirsk.
- Панов, М.В. *Источники по истории жреческих семей Мемфиса и Летополя в поздний период*. Новосибирск.
- Pestman, P.W. 1995: Haronnophris and Chaonnophris. Two indigenous pharaohs in Ptolemaic Egypt (205–186 B.C.). In: S.P. Vleeming (ed.), *Hundred-gated Thebes: Acts of a colloquium on Thebes and the Theban area in the Graeco–Roman period*. Leiden, 101–137.
- Pfeiffer, St. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.). Kommentar und historische Auswertung*. München–Leipzig.
- Pfeiffer, St. 2008: The God Serapis, His Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt. In: P. McKechnie, Ph. Guillaume (eds.), *Ptolemy II and His World*. Leiden.
- Quaegebeur, J. 1989: The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty. *Ancient Society* 20, 93–116. <https://doi.org/10.2143/AS.20.0.2011328>
- Quaegebeur, J. 1995: À la recherche du haut clergé thébain à l' époque gréco-romaine. In: S. P. Vleeming (eds.), *Hundred-gated Thebes: Acts of a colloquium on Thebes and the Theban area in the Graeco–Roman period*. Leiden, 139–162.
- Recklinghausen, D. von. 2018: *Die Philensis-Dekrete: Untersuchungen über zwei Synodaldekrete aus der Zeit Ptolemaios' V. und ihre geschichtliche und religiöse Bedeutung*. Wiesbaden.
- Reymond, E.A.E. 1981: *From the Records of a Priestly Family from Memphis*. V1. Wiesbaden.
- Roeder, G. 1959: *Die Agyptische Gotterwelt*. Zurich.
- Sales, J. Ds Condeias 2006 : Le roi ptolémaïque et les divinités égyptiennes selon la titulature royale. *Aegyptus et Panonnia* 3, 191–206.
- Stambaugh, J. 1972: *Sarapis under the Early Ptolemies*. Leiden.
- Thiers, Chr. 1999 : Ptolémée Philadelphie et les prêtres de Saïs. La stèle Codex Ursinianus, fol. 6 r° Naples 1034 Louvre C. 123. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 99, 423–445.
- Thiers, Chr. 2007 : *Ptolémée Philadelphie et les prêtres d'Atoum de Tjékou. Nouvelle édition commentée de la "stèle de Pithom" (CG 22183)*. Montpellier.
- Thompson, D. 2012: *Memphis under the Ptolemies*. 2nd ed. Princeton.
- Wild, H. 1954 : Statue de Hor-Néfer au Musée des Beaux-Arts de Lausanne [avec 3 planches]. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 54, 173–225. <https://doi.org/10.3406/bifao.1954.2129>
- Winnicki, J.K. 1994: Carrying Off and Bringing Home the Statues of the Gods: On the Aspect of the Religious Policy of the Ptolemies Towards the Egyptians. *Journal of Juristic Papyrology* 24, 149–190.
- Zivie-Coche, Chr. 1997 : Teos et Teos. Autobiographies. *Bulletin de la Société Française des Fouilles de Tanis* 11, 63–91.

Anacharsis
1/1 (2026), 113–125
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 113–125
© The Author(s) 2026

DOI:

ПРАКТИКА ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКОВ В ЦЕНТРАЛЬНЫХ НИЗМЕННОСТЯХ МАЙЯ В VI–VIII ВВ*

С.А. Даньшина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: danshinasophia@gmail.com

ORCID : 0009-0004-0324-0779

Аннотация: В статье рассматривается политическая система классических майя, в которой выделяется три категории династических браков, служившие инструментом в руках элиты для реализации различных интересов, например, легитимизации власти или установления иерархии. В работе проанализированы примеры гипергамных династических браков, предполагавших, что более могущественный правитель берет себе в жены царевну из менее значимой политики. Матримониальные связи не были случайными и преследовали конкретные политические цели с обеих сторон. Вопросом в таком случае будет – какие задачи могли быть реализованы посредством брачных связей между династиями, а сама степень их «реализованности» и итоги, последовавшие за междинастическими браками, могут стать ответом на проблему их эффективности.

Ключевые слова: майя, политическая система, династические браки, Центральные низменности

PRACTICE OF DYNASTIC MARRIAGES IN THE CENTRAL MAYA LOWLANDS IN THE 6TH–8TH CENTURIES

Sophia A. Danshina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: danshinasophia@gmail.com

ORCID : 0009-0004-0324-0779

Abstract: The article examines the political system of the Classic Maya and identifies three categories of dynastic marriage within it. These marriages functioned as instruments in the hands of the elite to pursue various objectives, such as the legitimation of power and the establishment of hierarchical relations. The study analyzes examples of hypergamous dynastic marriages, in which a more powerful ruler takes as his wife a princess from a less significant polity. Matrimonial ties were not random; rather, they were oriented toward specific political goals on both sides. In this context, the key question concerns which objectives could be achieved through dynastic marital alliances. The degree to which these aims were realized, as well as the outcomes that followed interdynastic marriages, may serve as indicators of their effectiveness.

Keywords: Maya, political system, dynastic marriages, Central Lowlands

* Данные об авторе. Даньшина София Алексеевна – магистрант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки МГУ имени М.В. Ломоносова.

ВВЕДЕНИЕ

Политическая система Центральных низменностей майя была очень разнообразна и состояла из множества мелких и крупных политических образований, общее число которых доходило до ста. Центральные низменности охватывали территории современного департамента Петен в Гватемале, Белиза и южную часть штата Кампече, Кинтана-Роо в Мексике. Периферийные области региона майя составляли в классическую эпоху бассейн реки Усумасинты или Западные низменности, низменности Табаско, предгорья Чиапаса, долина р. Мотагуа и Северный Юкатан, впрочем, эти земли были также активно вовлечены в систему политических связей.

В политической системе майя центральное место занимал правитель политики – царь, сакрализованная и наделенная особой сущностью магической царственности фигура¹. Власть правителя носила персональный характер, царство скорее рассматривалось как его хозяйство, а все происходящее в нем – как результат деятельности самого царя. Идеология власти была отражением интересов и нужд элиты, верхняя прослойка которой состояла из представителей родовой группы царя². Взаимоотношения между государствами также носили индивидуальный характер, причем реализовались они в рамках элитных связей.

Сфера влияния царств древних майя во многом формировалась вокруг созданной ими системы связей-союзов, предполагавшей развитие не только политических, но также экономических и культурных взаимоотношений³. В таком случае, реализация интересов конкретной династии, пусть даже она будет совсем мелкой, во многом зависела от того, какое место в политической системе она займет по отношению к верховным правителям региона. В таком случае, если крупные владыки достигали господства за счет выстраивания союзнических и вассальных отношений и вовлечения в орбиту влияния большего числа политий⁴, то политические стратегии менее значительных царств состояли в позиционировании себя в региональной системе альянсов и завоеваний.

Большую роль в межгосударственных отношениях играли родственные связи, превращавшиеся царской идеологией в инструмент манипуляции легитимностью, престолонаследием, динамикой вассальных связей. В таком случае важным фактором внешнеполитической деятельности царств майя становились междинастические браки, посредством которых устанавливались тесные взаимодействия между династическими группами разных царств и реализовывался идеологический потенциал родства, «сама социальная природа которого позволяет объявлять и считать родственниками не только тех, кто является таковыми

¹ Beliaev, Tokovinine 2005, 131.

² Martin, Grube 2008, 14–15.

³ Martin 2020, 352–353.

⁴ Martin, Grube 2008, 20.

биологически»⁵. Взаимодействие царских фигур-носителей власти, тем более кровное их родство, не просто определяло развитие межгосударственных отношений, но и носило сакральный характер.

Экзогамный брак представлялся одним из центральных инструментов в построении политических альянсов, определения иерархии и формировании царственной идентичности в династической традиции классических майя⁶. Кроме того, матримониальные альянсы играли значительную роль в расширении правящего линиджа, нередко определяя наследственные права его членов⁷. В брачных стратегиях различных династий могли воплощаться не только узкие интересы элитной группы, но также и ее традиционная внешнеполитическая ориентация и связанные с ней представления о высшей власти, а также осмысление иерархии в политической системе.

Представленные в изучаемых источниках династические браки можно разделить на три категории: гипогамные, то есть те, в которых невеста представляет династию более высокого порядка, чем ее супруг; гипергамные, предполагавшие, что более могущественный правитель берет в жены царевну из менее значимой политики; или вовсе браки между правителями одного уровня, то есть изогамные⁸. Понятно, что матримониальные связи в рамках каждой категории не были случайными и преследовали конкретные политические цели с обеих сторон. Заключение династического брака фиксируют упоминания о прибытии царевен в центр другой политики, *huli* – «она прибыла»⁹, ссылки на родственные связи с другим царством по материнской линии, используя указание на деда по материнской линии, *ʔu-tam* – «он его дед»¹⁰, и прямое обращение к женской фигуре как к *y-atan*, «его жене» или матери: *y-aal*, «он ее ребенок», *ʔu-baah ʔu-juʔntahn*, дифразизм «он ее лик, ее забота» и *y-ʔanax*, «она его мать»¹¹. Впрочем, глагол *huli* в иероглифических надписях имеет достаточно большое количество значений, связывая действия субъектов с временными и пространственными категориями, в нашем же случае, он, очевидно, указывает именно на экзогамные связи, поскольку местной представительнице элиты «прибывать» в царство не нужно¹². Заметим при этом, что в крупных центрах, заключавших династические браки с более мелкими, преобладают в качестве «маркеров» сообщения о родственных связях, в то время как менее значительные политики, получившие в свою династию

⁵ Bondarenko 2012, 30.

⁶ Matsumoto 2024, 1.

⁷ Vázquez López 2017, 11.

⁸ Marcus 1992, 224.

⁹ Helmke, Savchenko 2024, 14; Davletsin, Vepretskiy 2025, 35.

¹⁰ Martin 2020, 175.

¹¹ Davletsin, Vepretskiy 2025, 34.

¹² Martin 2020, 121–122.

представительниц могущественных линиджей, обращаются ко всем способам демонстрации матримониальной связи.

Полигамия расширяла возможности династических браков как политического инструмента¹³. Так, даже один царь мог заключить несколько матримониальных союзов разного характера, то есть женившись, например, на царевне из царства-сюзерена, дети от которой не только сохраняют «царственность» в крови, но и даже увеличат ее за счет связи с более высокой династией, что, в свою очередь, позволит им предъявить больше прав на престол; вторым браком взять в жены представительницу подвластной династии, чтобы укрепить иерархические связи; а третьим – и вовсе жениться на дочери сахаля¹⁴, увеличив так поддержку знати¹⁵.

Могущественные правители Центральных низменностей – правители Мутуля и Кануля, конечно, обладали большей свободой, в отличие от своих вассалов, в выборе брачной партии и могли исходить из практических интересов развития отношений с конкретным царством, поскольку за царской невестой обязательно следовал «кортеж» сопровождающих ее придворных, а также из целей установления более чуткого контроля над менее надежными вассалами или исполнения союзных договоров.

МАТРИМОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРЕЙ ТИКАЛЯ

В конце VI в. в орбиту влияния Мутуля (археологический памятник Тикаль), одной из наиболее могущественных политий классического периода, по всей видимости, вошли Йокель и, возможно, Башвиц (археологический памятник Шультун) и Саиль (археологический памятник Наранхо), связанные с династиями, царившими в Тикале, кровными узами. В тексте Стелы 10 из Тикаля, посвященной правлению Чак-Ток-Ич'ака III (486–508), в пассаже о разрушении «... страны царя Масуля» (TIK:St.10, E9-D10)¹⁶, подчеркивается роль не самого тикальского владыки, который видел какое-то действие, совершенное с царем Масуля, нелокализованной политии, а некого Чувааха, деда, царя Йокеля, которого еще и сопровождал Балам-Мам-... (TIK:St.10, G4-F8). Вполне возможно, что под Чуваахом, царем Йокеля, понимался отец жены Чак-Ток-Ич'ака III, упоминаемый также на Стелах 12 и 25, а «эмблемный иероглиф» этого правителя исследователи связывают с археологическим памятником Агуакаталь в Петене¹⁷. Под другим действующим лицом в этом событии, Ба-

¹³ Martin 2020, 180.

¹⁴ Сахали – представители местной элиты в Центральных низменностях, исполнявшие функции царей на местах. Сахали вели собственный линидж и рассматривались как локальные администраторы. В конце VIII в. функции сахалей меняются: они становятся придворными с административными функциями.

¹⁵ Martin 2025, 50.

¹⁶ Beliaev et al 2013, 483–486; Jones, Satterthwaite 1982, fig. 14, 15, 89.

¹⁷ Beliaev et al 2013, 74.

лам-Мамом, можно рассматривать консорта Иш-Йокин (511–527), 19-го царя Тикаля Каломте-Балама (511–527)¹⁸. В таком случае, перенос акцента на деда по материнской линии и мужа Иш-Йокин отвечает необходимости легитимизации положения тикальской царицы и ее консорта как полноправных правителей Мутуля, подчеркивая триумф предка царицы. Стела 25 из Тикаля и вовсе изображает мать Иш-Йокин, царицу Йокеля, выделяя ее статус, как принято полагать, первой жены Чак-Ток-Ич'ака III¹⁹, что могло послужить основанием для восшествия ее дочери на престол.

Чак-Ток-Ич'ак III имел также жену из Шультуна, на что указывает надпись на Стеле 17 из Тикаля, называющая дедом по материнской линии Вак-Чан-К'авиля (537–562), следующего после Иш-Йокин царя Мутуля, Упакаль-К'инича, царя Башвица (TIK:St.17, H3–G5)²⁰. Отсылка к правителю крупного центра к северо-востоку от Тикаля также могла служить средством заявления высокородного происхождения по обеим линиям. Видимо, подтверждение прав на престол Тикаля было важным для правителя, пришедшего к власти при сложных обстоятельствах после правления Иш-Йокин и Каломте-Балама, а также неизвестного 20-го правителя династии²¹.

Потерпев в 562 г. поражение от Кануля (археологический памятник Цибанче, с VII в. также памятник Калакмуль), Тикаль вошел в период упадка, испытав при этом череду династических кризисов²². Лишь в VIII в. с воцарением в Мутуле правителя Хасав-Чан-Кавиля (682–734) древнее царство начинает восстанавливаться после 130-летнего кризиса. Уже в VIII в. мы видим, что, согласно надписи на Стеле 5 из Тикаля, мать мутульского владыки Йихкин-Чан-К'авиля (734–746) Иш-Вельналь-К'авиль носила титул царицы Йокмана (TIK:St.5, D7–D8)²³, до сих пор нелокализованной политики, правители которой, видимо, попали в вассальную зависимость от Тикаля. Получается, на рубеже VII–VIII вв. тикальский царь Хасав-Чан-К'авиль заключил династический альянс с линиджем не крупного политического образования, вероятно, в Петене. Интересно, что для продолжения лишь недавно восстановившейся от потрясений династии Хасав-Чан-К'авиль выбрал первой женой представительницу не столь значительного линиджа. Возможно ли, что для династии, претендующей на верховную власть в регионе и осознающей себя как одна из ведущих сил, авторитетность родовой группы, с которой она может вступить в матримониальную связь, не носило такой же важности как в противоположных ситуациях. Ведь по сути исключительной мутульской царственностью, позволявшей

¹⁸ Beliaev et al 2013, 74.

¹⁹ Beliaev et al 2013, 96.

²⁰ Beliaev et al 2013, 506–509; Jones, Satterthwaite 1982, fig. 24, 25, 95.

²¹ Martin, Grube 2008, 39.

²² Martin, Grube 2008, 38.

²³ Beliaev et al 2013, 468; Jones, Satterthwaite 1982, fig. 7, 8, 86.

претендовать на престол в Тикале, потомков наделяла именно патрилинейность.

МЕЖДИНАСТИЧЕСКИЕ СОЮЗЫ В ЦАРСТВЕ ХУШВИЦА

Пример еще одной междинастической унии записан на Стеле 3 из археологического памятника Караколь, центра царства Хушвица на юго-востоке Центральных низменностей, посвященной Тум-Оль-К'иничу II (618–658), воцарившемуся в Караколе в 618 г. и поддерживавшему тесные связи с Канулем. В целом, нарратив, посвященный биографии царицы-матери Тум-Оль-К'инича II, открывает сам монументальный текст – сразу после начальной серии упоминается рождение священной женщины Иш-Тиволь-Эк в 566 г. (CRC:St.3, A1–A8)²⁴. Стела сохранила сведения о ее происхождении – ее отец, Шомаш, был царем Йаши, некрупного центра к северу от Караколя, а мать, Иш-(Цам)-Кук, названа царевной К'антока, местоположение которого неизвестно (CRC:St.3, B9–B10). Похоже, как и в случае с Иш-Тиволь-Эк, так и с ее родителями, речь идет о династическом браке.

Возможно, союз, который мог последовать за браком правителя Йаши и царевны К'антока, был частью традиционной внешнеполитической программы одного из царств или же попыткой мелких царств объединиться перед лицом более крупных. Сохранившиеся упоминания об этом не позволяют сделать более точных выводов, однако, к счастью, текст на Стеле 3 помогает выделить в династической истории царства Йаша другое значимое событие. Царевну из этого небольшой политики удалось выдать замуж за правителя куда более высокого порядка – Караколь в VI в. был крупным царством, располагавшим значительными ресурсами и не менее масштабными амбициями²⁵.

Иш-Тиволь-Эк, царевна Йаши, прибыла в город Хушвица в 584 г. (CRC:St.3, A14–A16) – она стала женой правителя Караколя Йахавте-К'инича (553 – ок. 593), а спустя 4 года был рожден Сак-Вициль-Бах, будущий правитель Караколя Тум-Оль-К'инич II. Отметим, что между двумя событиями, связанными с биографией царевны, появляется ссылка на какое-то действие, которое совершил Ут-...-Чан, священный царь Кануля (CRC:St.3, B12–A13). К сожалению, памятник не сохранил блоков, которые можно было бы прочитать и понять, какое конкретно действие предписывалось канульскому правителю. С.В. Вепрецкий указывает на возможное утраченное в этом месте упоминание некоторого детского ритуала, связанного с царевной Йаши²⁶. Тем не менее, ссылка на владыку такого значимого царства как Кануль, появившаяся в середине нарратива о царевне Йаши, явно указывает на связь династической стратегии Караколя и особого значения политической воли Кануля.

Отсутствие упоминаний о каких-либо «карательных» действиях со

²⁴ Beetz, Satterthwaite 1981, fig. 3, 4.

²⁵ Martin, Grube 2008, 88–90.

²⁶ Vepretskiy 2024, 103.

стороны сюзерена, да и в целом ссылка на династический брак с Караколем в тексте, подтверждающем вассальное положение по отношению к Канулю, подталкивает к выводу, что установление династической связи между Йашой и Караколем, как минимум, не противоречило воле сюзерена. Более того, ссылка на какое-то конкретное действие канульского владыки перед пассажем о прибытии царевны Йаши в Хушвица может говорить если не об инициативе Кануля в этом событии, но точно об определенном к нему отношении. Возможно, брак был частью политической программы расширения влияния Кануля, которая могла воплощаться в создании более тесных связей между вассалами.

МАТРИМОНИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ КАНУЛЬСКИХ ЦАРЕЙ

О династических браках канульских царей с представительницами менее могущественных династических групп известно меньше, чем о стратегии этих правителей в отношении собственных царевен. Видимо, основные браки в нем были эндогамными²⁷, что, впрочем, не мешало царям периодически брать в жены царевен из подчиненных династий. Так, по предположению Д.Д. Беляева, канульский царь VI в. Йукном-Ут-...-Чан был женат на каракольской царевне, причем кровная связь, однако, не стала препятствием для воцарения каракольского правителя Йахавте-К'инича II по повелению тикальского царя Вак-Чан-К'авиля в 553 г. Впрочем, уже через три года каракольский правитель, видимо, вышел из-под влияния Мутуля, за чем последовал карательный поход Тикаля в 556 г.²⁸, а уже во втором военном столкновении с Вак-Чан-К'авилем в 562 г. Караколь выступал союзником канульского царя К'ак'-Ти-Ч'ич'а (550–571)²⁹. Возможно, изменение политической ориентации Караколя могло в определенной степени отсылать к этой родственной связи³⁰.

Победа К'ак'-Ти-Ч'ич'а положила начало безоговорочному господству Кануля в Низменностях, запустив, одновременно, период хиатуса в Тикале, характеризующийся отсутствием надписей и возможным правлением ставленников победившего царства³¹. А в 572 г. с воцарением в Караколе Йахавте-К'инича II по повелению канульского владыки Йукном-Ут-...-Чана, и это крупное царство на востоке Низменностей стало зависимым от растущего гегемона. Однако уже к концу VI в. Караколь, видимо, выходит из зоны влияния Кануля, что вызвало, в свою очередь, нападение царя последнего, Йукном-Ти-Чана, на город и возвращение его под свой контроль в 617 г., а на следующий год в Канту, который ассоциируется с археологическим памятником Караколь, воцарился

²⁷ Martin 2020, 180.

²⁸ Vepretskiy 2024, 96; Martin 2020, 246–247; Martin, Grube 2008, 39; Beliaev 2000, 211.

²⁹ Martin, Beliaev 2017, 4; Martin 2020, 247; Vepretskiy 2024, 101.

³⁰ Vepretskiy 2024, 104.

³¹ Martin, Grube 2008, 40; Beliaev 2001, 214.

Тум-Оль-К'инич, признавший власть канульского владыки³².

Более известный пример в династической истории Кануля связан с браком Укай-Чана (579–613) и Иш-Бель, царевны Чикнаба – областью, ассоциирующейся с археологическим памятником Калакмуль, в результате которого в 600 г. был рожден Йукном-Ч'ен II (636–686). Однако, по всей видимости, царевна из Калакмуля не была первой женой канульского владыки Укай-Чана, оттого Йукном-Ч'ен II не имел первостепенного права наследования, а его братом, похоже, от главной жены Укай-Чана, по мнению С.В. Вепрецкого, был Тахом-Ук'аб-К'ак' (622–630), в открытую борьбу за власть с которым Йукном-Ч'ен вступает около 627 г.³³ Отражение его меньших прав на власть в глазах вассалов Кануля исследователь находит в надписи на Стеле 3 из Караколя, где все упомянутые канульские владыки, кроме «Йукном-Головы», под которым и следует понимать Йукном-Ч'ена II, носят «эмблемный иероглиф» Кануля³⁴. По всей видимости, последний не воспринимался легитимным правителем или даже претендентом на престол, хотя ко времени установки стелы, 637 г. (CRC:St.3, E10), он уже воцарился в Калакмуле. Обратим при этом внимание, что хотя Иш-Бель, казалось бы, должна была иметь большое значение при дворе как представительница другой, отнюдь не малой, авторитетной родовой группы, она не была главной женой, а ее ребенок не был наделен особыми, превосходящими остальных правами на престол. В отношении же политики Йукном-Ч'ена II заметим, что происхождение матери, видимо, сыграло важную роль при переносе столицы царства.

Мать Йукном-Ич'ак-К'ак'а Иш-Нах-Балам носит тот же титул *Huxte' Tuun kalo'mte'* – «каломте Хуштетуна» (CLM: St.9, H3–H4)³⁵, что и мама Йукном-Ч'ена II. Поскольку Иш-Бель происходила из династии правителей Калакмуля, топонимический эпитет к титулу *Huxte' Tuun* можно так же рассматривать как указание на происхождение Иш-Нах-Балам из области Калакмуля. Вполне логично, что Йукном-Ч'ен II после переноса столицы в Чикнаб желал укрепить свою поддержку в среде местной элиты, взяв в жены представительницу хуштетунской знати.

МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ САИЛЬСКОГО ЦАРСТВА

В последнее десятилетие VII в. Саильское царство, располагавшееся в восточном Петене, активизировало внешнюю политику, захватив за короткий срок больше десяти соседних царств. Когда в 693 г. в Саиле, центр которого ассоциируется с археологическим памятником Наранхо, воцарился К'ак'-Тилив-Чан-Чак (693–726) в возрасте всего пяти лет, управление Наранхо, вероятно,

³² Vepretskiy 2024, 116–118.

³³ Vepretskiy 2024, 141–142.

³⁴ Vepretskiy 2024, 184.

³⁵ Ruppert, Denison 1943, pl. 48; Vepretskii 2024, 154–155.

перешло в руки его матери – царевны Южного Мутуля (археологический памятник Дос-Пилас) Иш-Вак-Чан-Халам-Ахав-Лем (682–741), а военная активность была направлена на возвращение в орбиту влияния центров, отколовшихся от Наранхо во время вероятного предшествующего династического кризиса³⁶. Так, видимо, чтобы утвердить власть над завоеванными областями или в качестве демонстрации силы, царевна подчиненного в 693 г. Тубаля (NAR:St.22, E16)³⁷ была отдана в жены царю Саиля К’ак’-Тилив-Чан-Чаку. Об этом матримониальном союзе свидетельствует пассаж на Стеле 13 из Наранхо, где царь К’ак’-Укалав-Чан-Чак (755–780) обращается к своему происхождению, называя матерью Иш-Унен-Балам, царевну Тубаля (NAR:St.13, G4–G6)³⁸. Имя царицы, сходное с тем, что носила тикальская правительница IV в., а также божество-покровитель Йаш-Мутуля, может подсказывать, что прежде это некрупное царство было связано с тикальской династией. Этой же стратегии последовал и сын К’ак’-Тилив-Чан-Чака, К’ак’-Укалав-Чан-Чак, правивший в Наранхо в третьей четверти VIII в.³⁹, женившись на дочери царя Йашхи, причем этот брак, видимо, последовал за успешным военным походом в центр Петена – на это вновь указывают родственные связи его сына, Ицам-Коках-К’авиля (784–810) (NAR:St.8, E5–E6)⁴⁰. Более того, последний также был женат на царевне из Йашхи⁴¹, вероятно, такая матримониальная преемственность может указывать на особенную важность этого некрупного центра во внешнеполитических связях Наранхо и развитие дипломатических отношений или вновь на военное столкновение с Йашхой, которое могло завершиться, как и в прошлом, взятием в жены царевны проигравшей стороны. В последнем случае, это может показывать, что брак К’ак’-Укалав-Чан-Чака и представительницы царского дома Йашхи не смог предупредить нового конфликта.

ПРАКТИКА ДИНАСТИЧЕСКИХ БРАКОВ

ПРАВИТЕЛЕЙ ЮЖНОГО МУТУЛЯ

В VII в. в области Петешбатун, в южных Низменностях майя, в результате междоусобной борьбы в Тикале возникло царство Южный Мутуль с центром в археологическом памятнике Дос-Пилас, который ассоциируется с резиденцией ветви мутульской династии. Браки с женщинами из зависимых линиджей практиковали и правители Дос-Пиласа – Бахлах-Чан-К’авиль (648–692) был женат на царевне некрупного центра Ицама, сыновья от которой, Ицам-Коках-Балам и Ицам-Коках-К’авиль (698–726), затем унаследовали престол Южного Мутуля.

³⁶ Helmke, Savchenko 2024, 12–20.

³⁷ Beliaev et al 2015, 307.

³⁸ Beliaev et al 2015, 305.

³⁹ Martin, Grube 2008, 80–81.

⁴⁰ Closs 1989, 247–248; Beliaev et al 2015, 299.

⁴¹ Stewart 2009, 212.

Женой Бахлах-Чан-К'авиля также была Иш-Буль, носившая титул западная каломте – она упоминается на монументах Иш-Вак-Чан-Халам-Ахав-Лем, ее дочери (NAR:St.24, E8–D10)⁴². Последняя была выдана замуж за правителя Саильского царства, и после его смерти правила в этой области в качестве регента при сыне К'ак'-Тилив-Чан-Чаке. Причем, отсутствие в титуле Иш-Буль «эмблемного иероглифа», а также редкое для региона майя имя может говорить об ее происхождении из более отдаленной области, возможно, не входившей в политическую систему Низменностей⁴³. Матримониальный союз с местной царской династией Ицама укреплял положение пришлого мутульского линиджа в Петешбатуне⁴⁴, в то время как возможный брак с представительницей далекой и высокой династии (поскольку она носила престижный титул западная каломте) мог подчеркнуть претензии Бахлах-Чан-К'авиля на власть в Тикале, как полноправного правителя всей династии, а не одной лишь ее боковой ветви.

На Панели 19 из Дос-Пиласа, повествующей о событиях VIII в. изображен ритуал «первого покаяния» молодого царевича Южного Мутуля Кавиль-Чан-К'инича (741–761), сына Ицам-Коках-К'авиля⁴⁵. Во время этого события, произошедшего в 736 г., с царевичем находились, как показывает иконография монумента, царствовавший на тот момент ...-Ти-К'авиль (727–741) с женой Иш-G1-К'авиль, царевной Канкуэна, а также два воина, один из которых назван канульцем (DPS:Pan.19, R2)⁴⁶. Если, по мнению С. Мартина, упоминание придворного в таком виде может связывать его с Калакмулем⁴⁷, то С.В. Вепретский предлагает рассматривать это упоминание как ссылку на происхождение сановника из Цибанче⁴⁸. Впрочем, это не мешает говорить о продолжавшихся связях Дос-Пиласа с Калакмулем, что подтверждается, например, ономастической формулой третьего правителя Южного Мутуля, целиком скопированной с имени канульского царя «Йукном-Головы» II. Такая практика указывает на тесные связи и даже подконтрольное положение одной политики по отношению к другой⁴⁹. Канкуэн, ключевое царство на пути в Гватемальское нагорье, также вошел в орбиту влияния Кануля еще в годы правления Йукном-Ч'ена II, когда местный правитель воцарился по повелению канульского владыки⁵⁰. Тем не менее, с ослаблением регионального могущества Кануля в VIII в. Дос-Пилас, вероятно, все больше претендовал на полновластие на юге Низменностей.

Установление матримониальной связи с династией Канкуэна обещало

⁴² Beliaev et al 2015, 309.

⁴³ Beliaev et al 2015, 123–124.

⁴⁴ Houston 1993, 102.

⁴⁵ Martin, Grube 2008, 60–61.

⁴⁶ Houston 1993, fig. 3.23, 4.19.

⁴⁷ Martin 2020, 424.

⁴⁸ Vepretskiy 2024, 195.

⁴⁹ Vepretskiy 2024, 195; Pérez et al 2013, 118.

⁵⁰ Vepretskiy 2024, 154–155.

правителю Южного Мутуля возможность распространить контроль над частью коммуникационных маршрутов по р. Пасьон в этом регионе. В таком случае интерес к династическому браку с Канкуэном был вызван не только стремлением к утверждению политического влияния в регионе, но и возможностью крупного обогащения, что, впрочем, также могло служить целям легитимизации власти, ведь «материальное богатство царя представлялось показателем его доступа к божественным источникам земного процветания»⁵¹. О высоком статусе, которым, вероятно, пользовалась Иш-G1-K'авиль, говорит ее богатое захоронение, найденное в 1990 г. в погребальной камере под Иероглифической Скамьей 1 в Дос-Пиласе, на которой зафиксирована дата ее смерти⁵².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном нами исследовании мы пришли к следующим выводам: матримониальные союзы составляли центральное место во внешнеполитических стратегиях царств самого различного порядка. Так, стабильная система союзов зависимых царств, в которой прежде всего были заинтересованы верховные правители, цари Тикаля и Кануля, например, осуществлявшие военно-политическую экспансию в регионе, могла иметь в своей основе широкую сеть родственных отношений между элитными группами. Менее могущественные, но все же претендующие на региональную власть царства, как Наранхо и Караколь, были более заинтересованы в заключении равностатусных или гипергамных матримониальных союзов, как одном из проявлений престижного взаимодействия, при этом, возможно, стараясь уклоняться от перспективы приема при своем дворе прибывающих канульских или тикальских царевен, вместе с которыми, несомненно, в мотивы политических действий царя и элиты проникали внешние интересы и стратегии, поэтому именно гипергамные браки можно считать доминирующими в письменных источниках в этом регионе.

В гипергамных браках менее значимые династии могли как добровольно вступать в матримониальную связь, так и принуждаться к этому силой, в результате военного поражения, например. Несомненно, здесь отчетливо проявляется асимметрия гипергамных отношений⁵³. Мы видим, что междинастические браки, в которых могущественные династии брали в жены представительниц менее авторитетных родовых групп, могли разрешать как общединастические задачи воспроизводства «царственного» потомства, так и утверждать вассальные связи с царствами и закреплять военные завоевания, а также обосновывать властные полномочия самих правителей.

⁵¹ Graeber, Sahlin 2017, 15.

⁵² Houston 1993, 115.

⁵³ Martin 2020, 185.

ЛИТЕРАТУРА

- Beliaev, D.D. 2000: Rannee gosudarstvo u maya klassicheskogo perioda: epigraficheskie i arkhеologicheskie dannye [The early state among the Classic Maya: epigraphic and archaeological data]. In: Kradin, N.N., Korotaev, A.V., Bondarenko, D.M., Lynsha, V.A. (eds), *Al'ternativnye puti k tsivilizatsii* [Alternative pathways to civilization]. Moscow, 186–196.
- Беляев, Д.Д. Раннее государство у майя классического периода: эпиграфические и археологические данные. В сб.: Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынши (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации*. М., 186–196.
- Beliaev, D.D. 2001: *Formirovanie i razvitie gosudarstvennoi organizatsii u maiya Petena v klassicheskii period (I tys. n. e.)* [The formation and development of state organization among the Petén Maya in the Classic period (1st millennium CE)]. PhD dissertation. Moscow.
- Беляев, Д.Д. *Формирование и развитие государственной организации у майя Петена в классический период (I тыс. н.э.)*: Дис. ... канд. ист. Наук. М.
- Beliaev, D.D., Tokovinin, A.A. 2005: Sakral'naya vlast' mayayskikh tsarey (III–IX vv. n.e.) [The sacred power of Maya kings (3rd–9th centuries AD)]. In: *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy* [Sacralization of power in the history of civilizations]. Moscow. Part 1, 146–160.
- Беляев, Д.Д., Токовинин А.А. Сакральная власть майяских царей (III–IX вв. н.э.). В сб.: *Сакрализация власти в истории цивилизаций*. М., Ч. 1, 146–160.
- Beliaev, D., Tokovinine, A., Vepretskii, S., Luin, K. 2013: Los monumentos de Tikal. In: Beliaev, D., de León, M. (eds.): *Proyecto Atlas Epigráfico de Petén, Informe Fase I*. Guatemala.
- Beliaev, D., de León, M. (eds.), Galeev, Ph., Vepretskii, S. 2015: *Proyecto Atlas Epigráfico de Petén, Informe Fase III*. Guatemala.
- Beetz, C.P., Satterthwaite, L. 1981: *The Monuments and Inscriptions of Caracol, Belize*. Philadelphia.
- Bondarenko, D.M. 2012: Gosudarstvo i ideologiya rodstva [The state and the ideology of kinship]. In: Kradin, N.N. (ed.), *Politicheskaya antropologiya traditsionnykh i sovremennykh obshchestv: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Political anthropology of traditional and modern societies: proceedings of the international conference]. Vladivostok, 30–42.
- Бондаренко Д.М. Государство и идеология родства. В сб.: Н.Н. Крадин (отв. ред.) *Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции*. Владивосток, 30–42.
- Closs, M.P. 1989: The Dynastic History of Naranjo: The Late Period. In: William F. Hanks and Don S. Rice (eds.), *Word and Image in Maya Culture. Explorations in Language, Writing and Representation*. Salt Lake City, 244–255.
- Davletsin, A., Vepretskii, S. 2025: Los textos mayas nos hablan de mujeres. *Arqueología Mexicana* 192, 30–35.
- Graeber, D., Sahlins, M. 2017: *On Kings*. Chicago.
- Helmke, C., Savchenko, I. 2024: El legado de la Señora Seis Cielo: Sucesiones dinásticas problemáticas en Naranjo en el siglo VIII d.C. *Estudios De Cultura Maya* 64, 11–35. <https://doi.org/10.19130/iifl.ecm.64.2024/0011wx00s891>
- Houston, S.D. 1993: *Hieroglyphs and History at Dos Pilas. Dynastic Politics of the Classic Maya*. Austin.
- Jones, C., Satterthwaite L. 1982: *The Monuments and Inscriptions of Tikal: The Carved Monuments*. Philadelphia. <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vkd2h>
- Mallory E. Matsumoto. 2024: Classic Maya deity concurrence: Brides, gods, and interdynastic ritual exchange. *Journal of Anthropological Archaeology* 76. <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2024.101632>
- Marcus, J. 1992: *Mesoamerican Writing systems. Propaganda, Myth, and History in Four Ancient Civilizations*. Princeton.
- Martin, S., Grube, N. 2008: *Chronicle of the Maya Kings and Queens: Deciphering of the Dynasties of the Ancient Maya*. London.
- Martin, S., Beliaev, D. 2017: *K'ahk' Ti' Ch'ich'*: A New Snake King from the Early Classic Period. *The PARI Journal* 17(3), 1–7.

- Martin, S. 2020: *Ancient Maya Politics. A Political Anthropology of the Classic Period 150-900 CE*. Cambridge.
- Martin, S. 2025: Políticas matrimoniales entre los mayas del clásico. *Arqueología Mexicana* 192, 48–53.
- Pérez, G.; Guenter, S., Freidel, D., Castañeda, F. y Navarro, O. 2013: El descubrimiento de la Estela 44 de El Perú-Waka': un nuevo capítulo en la historia de los mayas antiguos del noroeste de Petén, Guatemala. In: B. Arroyo, L. Méndez Salinas y A. Rojas (eds.), *XXVII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala*, 117–124.
- Stewart, D. 2009: *Parentage Statements and Paired Stelae: Signs of Dynastic Succession for the Classic Maya*. Brigham Young University, Provo, UT.
- Vázquez López, V. 2017: Pact and marriage: socio-political strategies of the Kanu'l dynasty and its allies during the Late Classic Period. In: Monika Banach, Christophe Helmke and Jarosław Żrałka (eds.), *Contribution in New World Archaeology*. Vol. 11. Kraków, 9–48.
- Vepretskiy, S.V. 2024: *Politicheskaya istoriya Kanul'skogotsarstvapo epigraficheskimi istochnikam* [The political history of the Kanul kingdom based on epigraphic sources]. PhD dissertation. Moscow. Вепрецкий, С.В. *Политическая история Канульского царства по эпиграфическим источникам*. Дис. ... канд. ист. наук. М.

НАУКА О ДРЕВНОСТИ И ТЕ, КТО ЕЕ ИЗУЧАЮТ

Anacharsis
1/1 (2026), 126–159
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 126–159
© The Author(s) 2026

DOI:

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭЛЛИНИЗМЕ (К ДИСКУССИИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ)*

И.А. Ладынин

Исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Школа исторических наук, Факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ,

Москва, Россия

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID : 0000-0002-8779-993X

Аннотация: В статье рассматриваются суждения по проблеме определения понятия «эллинизм», высказанные в 2000–2020-х гг. отечественными исследователями (С.Ю. Сапрыкиным, И.Е. Суриковым, А.С. Балахванцевым, О.Л. Габелко, автором статьи и др.). Сформулированы вновь или подтверждены мнения о нефункциональности понятия «протоэллинизм» и, применительно к материалу Ближнего и Среднего Востока, понятия «предэллинизм», о значимости разочарования граждан полиса в его ценностях для наступления его кризиса, о принципиальной роли единой монархической традиции в интеграции эллинистического мира, об особенностях эллинизма на Востоке и принципах определения понятия «постэллинизм». В заключительной части статьи автор предлагает общую интерпретацию понятия «эллинизм» как обозначения совмещения в единой ойкумене после завоеваний Александра разнородных процессов: эволюции экономики, общества и государственности как Греции, так и Востока; кризиса греческого полиса в IV в. до н.э.; становления территориальных государств в Македонии, Понте и на Боспоре; мировоззренческого переворота «осевого времени». Данные процессы начались за несколько веков до наступления эллинизма, и значимым импульсом к ним стал переход на Ближнем и Среднем Востоке и в Средиземноморье к железному веку.

Ключевые слова: эллинизм, постэллинизм, Греция, Восток, социально-политическое развитие, мировоззрение, историография, дискуссия

ONCE AGAIN ON HELLENISM (ON THE DISCUSSION OF THE RECENT DECADES)

Ivan A. Ladynin

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

School of History, Faculty of Humanities, NRU HSE, Moscow, Russia

* *Данные об авторе.* Ладынин Иван Андреевич – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор Школы исторических наук, Факультета гуманитарных наук, НИУ ВШЭ.

Abstract: The article examines views on defining the concept of Hellenism, expressed in the 2000s–2020s by Russian researchers (S.Yu. Saprykin, I.E. Surikov, A.S. Balakhvantsev, O.L. Gabelko, the author of this article, and others). The article reiterates or confirms a number of points regarding the non-functionality of the concept of “Proto-Hellenism” and the concept of “Pre-Hellenism” as applied to the Near and Middle Eastern phenomena; the importance of the citizens’ disillusionment with the values of the polis for the onset of its crisis; the fundamental role of a unified monarchical tradition in the integration of the Hellenistic world; the peculiarities of Hellenism in the East; and the principles for defining the concept of “Post-Hellenism”. In the final part of the article, the author offers a general interpretation of the concept of Hellenism as a designation for a number of heterogeneous processes combined within a single oikumene, which was shaped by the conquests of Alexander. These processes are: the general evolution of economy, society, and statehood both in Greece and in the East; the crisis of the Greek polis in the 4th century B.C.; the formation of territorial states in Macedonia, Pontus, and the Bosphorus; and the worldview revolution of the “Axial Age”. These processes began several centuries before the onset of Hellenism, and a significant impetus for them was the transition of humanity in the Near and Middle East and the Mediterranean to the Iron Age.

Keywords: Hellenism, Post-Hellenism, Greece, the East, sociopolitical development, worldview, historiography, discussion

Научные мероприятия и публикации последних лет показывают, что вопрос об определении понятия «эллинизм» не перестает быть злободневным для отечественных антиковедов. Безусловно, импульс к обсуждению этого понятия был задан еще знаменитой дискуссией 1950-х гг., в ходе которой определение эллинизма как конкретно-исторического явления межкультурного синтеза, данное К.К. Зельиным, возобладало над определением уже ушедшего А.Б. Рановича как этапа в эволюции рабовладельческого способа производства¹. Стоит, однако, вспомнить, что англо-американская наука, внесшая колоссальный вклад в фактографическое изучение источников эллинизма, разумеется, используя это понятие, кажется, смогла обойтись без напряженных дискуссий о его значении². В некоторых случаях ее представители обращались к данному Эд. Мейером³ и развитому М.И. Ростовцевым⁴ определению эллинизма (вкуче с временем римского владычества в Средиземноморье) как этапа наивысшего развития товарно-денежных отношений в древнем мире («античного капитализма»), но либо

¹ Ranovich 1950, 10–38; Zel’in 1953; см. более подробную оценку позиций обоих авторов, в т.ч. историю выработки позиции А.Б. Рановича: Ladynin 2018, 185–187, 191–194; 2024b, 62–66, 71–76. См. теперь также подробную публикацию стенограммы дискуссии по вопросу о сущности эллинизма в июне 1953 г.: Saprykin 2024a, 261–382.

² См., например, его весьма описательное определение прежде всего как времени создания на Ближнем Востоке государств преемников Александра и распространения на этих территориях образа жизни греков, соприкасающихся с местным населением: Erskine 2003, 2–3.

³ Meyer 2022b, 208–215; Schneider 1990, 430–443; Klimov 2022, 64–65, 74–75.

⁴ Rostovtzeff 1941, vol. 3, 1134–1300; см. также более концентрированно: Rostovtzeff 2003.

принимали это определение как некую данность⁵, либо полемизировали с применимостью данных построений к конкретному материалу, не предлагая для эллинизма альтернативного теоретического определения⁶. В определенном смысле такой подход к понятию эллинизма оказывается сформулирован в известном пассаже У. Тарна: «термин “эллинизм” есть только “условная этикетка” для цивилизации трех веков, в течение которых греческая культура распространялась далеко за пределы своей родины; никакое общее определение не может полностью охватить этот процесс»⁷.

Между тем, на наш взгляд, истоки напряженного поиска смысла этого понятия среди исследователей отечественной школы лежат глубже, чем мы это сознаем. По сути дела, у дореволюционной российской науки было два теоретических основания, отталкиваясь от которых ее представители строили свою методологию: это позитивизм XIX в. и фактически противоположная ему по своим установкам философия Г.Ф. Гегеля. Позитивистами были, безусловно, «фактопоклонники» – последователи Ф.Ф. Соколова⁸: кстати, к поиску определения эллинизма, как, в общем, и к мейеровской схеме они были вполне равнодушны (по крайней мере до послереволюционного времени, когда, в частности, С.А. Жебелёву пришлось соотносить свои интерпретации с теоретическими моделями⁹). Вместе с тем сам автор термина «эллинизм» И.Г. Дройзен был, безусловно, гегельянцем, фактически отведшим данному понятию место в классической гегелевской триаде: от изначального варварского и жестокого состояния мировоззрения и религии людей Востока – через наложение на него в эпоху эллинизма греческих рационализма и гуманизма – к синтезу этих начал в появившихся по наступлении новой эры монотеистических религиях¹⁰. Едва ли Эд. Мейера можно назвать последователем Гегеля (скорее, в своих теоретических позициях он был близок неокантианству¹¹); и вместе с тем интенция Гегеля близко стремление построить всеобъемлющую схему всемирной истории, так что едва ли случайно, что для древности она была предложена именно в рамках немецкой историографии Мейером. Зависимость же от гегелевских интеллектуальных практик марксистского теоретического дискурса, в рамках

⁵ Проявлением этого можно считать приглашение именно Ростовцева к написанию глав о птолемеевском Египте и о государстве Селевкидов во флагманском издании англосаксонской науки о древности – «Кембриджской древней истории»: Rostovtzeff 1928a, b.

⁶ См. о восприятии подходов Ростовцева в европейской и американской науке: Andreau 1991; Zhmud 2021.

⁷ Tarn 1949, 20.

⁸ Kirillova 2020.

⁹ Мы имеем в виду не только известный эпизод интерпретации Жебелёвым сообщения херсонесского декрета в честь Диофанта о Савмаке (см. теперь Kirillova 2022), но и появление в его работах 1930-х гг. социально-экономической проблематики (Zhebelev 1934).

¹⁰ Droysen 1890–1893, I, 379–382.

¹¹ Meyer 2022a, 120–123.

которого строили свои интерпретации эллинизма как Ранович, так и Зельин, общеизвестна. Автор этой статьи сознает вполне необходимость и пользу выявления общих законов исторического развития¹² и, более того, серьезно удручен тем, что ряд его российских коллег равнодушен к такой задаче нашей науки или даже враждебен ей; и вместе с тем нельзя забывать, что стремление найти адекват в реальной жизни каждому общему термину, постулируемому при теоретическом поиске, – это другая крайность, которая была присуща Гегелю и давала повод для справедливой критики марксизма, но которая порой воспроизводится нами – по сути дела, бессознательно – и сегодня.

* * *

После этих общих слов позволим себе перейти непосредственно к современной дискуссии об эллинизме, участники которой, безусловно, ушли очень далеко от исходных тезисов А.Б. Рановича и К.К. Зельина. Весьма вероятно, что мы упустим некоторые нюансы позиций, которые были озвучены в ее ходе, но мы и не ставим задачу охарактеризовать их исчерпывающе, а остановимся на тех вопросах, которые кажутся нам принципиальными.

Пожалуй, «первой ласточкой» в этой новой дискуссии стала статья С.Ю. Сапрыкина, выросшая из его доклада на конференции в Киеве в мае 2007 г. и в следующем году опубликованная в сборнике в честь Э.Д. Фролова: в ней и в ряде последующих работ обсуждались вопрос о конечной хронологической границе эллинизма и о специфике тех структур Малой Азии и циркумпонтийского ареала, в которых можно усмотреть характерные для эллинизма черты в последние века до н.э. и первые века н.э.¹³ При этом самими этими чертами для ученого являются определенные экономические и политические структуры, а именно монархия, опирающаяся на царскую собственность на землю и на греческие города, распространению которых монархи содействовали; в свое время мы заметили, что, по-видимому, близким было понимание эллинизма у Е.М. Штаерман¹⁴. О.Л. Габелко в небольших статьях в сборниках конференций в Казани решил в отрицательном ключе вопрос о применимости понятий «предэллинизм» и «постэллинизм», а также обратился к судьбе полиса в эллинистическое время в контексте взглядов на этот вопрос И.Е. Сурикова¹⁵. Последний в ряде своих работ 2010-х и 2020-х гг. сформулировал свой взгляд на эллинизм как на явление прежде всего древнегреческой цивилизации и на переход к этому этапу от классики как на эволюцию сознания греков в направлении «от гражданина к подданному»¹⁶. Автор настоящей работы в одной

¹² Ladynin 2024b, 10–12.

¹³ Saprykin 2008; 2018; 2024a, 182–223; 2024b.

¹⁴ Ladynin 2018, 187–188; 2024b, 67–69; см. Shtaerman 1992.

¹⁵ Gabelko 2009; 2013; 2018,

¹⁶ Surikov 2014; 2015, 19–70; 2022; 2023.

из своих статей высказал мнение об эллинизме как о конкретной форме выхода древнегреческого полиса IV в. до н.э. из состояния его системного кризиса, основой для которой стал успех завоеваний Александра Великого и широкая экспансия македонян и греков на Восток¹⁷; заметим, что при этом мы практически не касались вопроса о сущности эллинизма на Востоке. Полемизируя с И.Е. Суриковым и автором настоящей работы, А.С. Балахванцев, напротив, высказал мнение, что эллинизм – это явление взаимодействия греческих и восточных элементов, проявившееся исключительно там, где присутствовали последние, т.е. на Востоке, прежде всего, в качественном росте и широкой монетизации его экономики, появлении на его территории трансформировавшегося полиса, становлении эллинистической монархии и сопутствовавшего ей династийного культа и в культурном синтезе¹⁸.

Как видно, один из этих вопросов касается исторических предпосылок эллинизма и самой сути его генезиса в последней трети IV в. до н.э. Мы уже имели случай отметить ненужность понятия «предэллинизм» для характеристики эволюции Ахеменидской державы до Александра: нет сомнения, что она укладывалась в общую тенденцию развития межрегиональных государств Ближнего и Среднего Востока, наметившуюся за полтысячелетия до этого, и употреблять в этой связи термин с корнем «эллин» означает только запутывать дело¹⁹. Не рискуем углубляться в проблему т.н. «протоэллинизма» в Боспорском царстве, которой должны заниматься специалисты по данному региону: скажем лишь, что на наш «внешний» взгляд позиция исследователей, считающих, что этот термин лишен реального содержания, выглядит более убедительной²⁰. Думается, что ситуацию на Боспоре V–IV вв. до н.э. вообще не стоит описывать при помощи каких-то общих для исторического процесса греческого мира определений (терминов «старшая тирания», «младшая тирания» или производных от понятия «эллинизм»), поскольку ранняя и сравнительно прочная интеграция этого региона должна во многом определяться его локальной спецификой – необходимостью взаимодействовать с негреческой периферией (ср. в этом смысле и ситуацию на Сицилии и в Великой Греции).

Вместе с тем применительно собственно к греческому миру понятие

¹⁷ Ladynin 2018; 2024b, 62–84 (публикация несколько расширенного варианта данной статьи).

¹⁸ Balakhvantsev 2020.

¹⁹ Ladynin 2004, 147–148; ср. Gabelko 2009, 173–174.

²⁰ См. подробный анализ высказывавшихся в связи с этим позиций: Sizov 2023. Готовя эту статью и просматривая новую литературу по этой проблеме, мы с удивлением заметили, что Ф.В. Шелов-Коведяев в своей недавней статье отнес нас к числу исследователей, которые «стараются ее (концепцию протоэллинизма на Боспоре – И.Л.) реабилитировать, включая ее проблематику в рассмотрение эллинизма» (Shelov-Kovedyaev 2025, 232–233). Дело в том, что в указанной при этом публикации (Ladynin 2018) слово «протоэллинизм» вообще отсутствует; впрочем, как мы еще увидим, у прочтения этой нашей статьи вообще нелегкая судьба.

«предэллинизм» счел совершенно оправданным (даже утверждая на первых порах его тождество с понятием «протоэллинизм»²¹), И.Е. Суриков²². Для него этот термин характеризует состояние древнегреческого общества в IV в. до н.э., когда, по его мнению, как уже было сказано, наметилась эволюция в мировоззрении людей в направлении «от гражданина к подданному». Это выразилось в проявлениях раболепия полисов по отношению к стоящим вне них правителям (в Афинах – к боспорским Спартокидам), в первых случаях обожествления людей (его историю Суриков ведет с почестей спартанскому флотоводцу Лисандру), терпимости к единоличной власти и даже ее апологии в публицистике. Кроме того, полис перестает быть закрытой гражданской общиной, и в нем деградирует институт народного суверенитета. Итогом становится фактическая утрата полисом своей «полноценности» – качества независимого государства и его встраивание в эпоху эллинизма в структуру эллинистических монархий (о такой новой политической форме, как надполисные «федерации», Суриков практически не говорит). При этом Суриков подчеркивает первостепенность именно мировоззренческого, духовного перелома в древнегреческом обществе, по сути, не раскрывая его предпосылок: разве что можно считать, что он это сделал, заметив в одном из своих очерков, что такая форма человеческого сообщества как полис – «произведение искусства, поражающее совершенством своего исполнения», «великолепная целостность», «постгосударство», – в принципе могло просуществовать очень недолго!²³ В свете этого закономерно мнение ученого, что и культура эллинизма однозначно уступает культуре классической Греции: «Это не дело вкуса, а объективная данность»²⁴.

Быть может, для сопоставления явлений культуры и искусства и посылить найти какие-то объективные критерии, однако оценку перехода Греции от классики к эллинизму явно надо начинать не с этого. Тем более удивительно, что исследователи, ставшие оппонентами И.Е. Сурикова, в общем, строят свою аргументацию на том, что не все стало так плохо в жизни полисов в эпоху эллинизма и не все было так хорошо в классической Греции. О.Л. Габелко подчеркивает, что «исторические судьбы полиса... были не столь уж безотрадными»²⁵

²¹ Surikov 2014, 96. В более поздней статье И.Е. Суриков пересмотрел свою позицию, указав, что «предэллинизм – это то, что имело место в Греции непосредственно ранее наступления эллинизма, то есть как раз на протяжении большей части IV в. до н.э. А протоэллинизмом в таком случае, очевидно, следует именовать время, когда совершались первые шаги в становлении эллинистических социумов» (Surikov 2022, 47). По смыслу такого определения «протоэллинизмом» пришлось бы, видимо, признать последнюю треть IV в. до н.э.; однако такое значение этого термина столь далеко от обычно присваиваемого ему в отечественной литературе в контексте истории Боспора и столь избыточно на фоне давно принятых обозначений «время Александра» и «эпоха диадохов», что лучше уж не употреблять его вовсе.

²² Surikov 2015, 19–71; 2022.

²³ Surikov 2010, 42.

²⁴ Surikov 2022, 50.

²⁵ Gabelko 2018, 187 (в месте, отмеченном нами отточием, стоит словосочетание «в эпоху

и приводит ряд примеров полисов, сохранивших в эпоху эллинизма независимость (в основном малоазийских), а также «славных деяний», которые они оставались способны совершать в это время²⁶. А.С. Балахванцев отчасти подхватывает последний аргумент и обращает внимание на совместимость и классического полиса не только с демократией, но и с олигархией и тиранией и на примеры зависимости полисов классической эпохи от более сильных среди них (правда, за исключением Афинской архэ, эти примеры относятся к уже упомянутым специфическим районам Боспора и Сицилии с Южной Италией)²⁷. Наконец, С.Ю. Сапрыкин оспаривает правомерность употребления Суриковым термина «протоэллинизм» (правда, на боспорском материале, на котором он был выдвинут, хотя Суриков его употреблял по-другому) и подробно показывает, что в IV в. до н.э. и в эпоху эллинизма полисы переживают не упадок (с ним Сапрыкин явно ассоциирует хорошо известное понятие кризиса полиса), а экономический подъем²⁸. Достоверность приведенных этими учеными фактов не вызывает сомнений, но в плане критики позиции Сурикова основанные на них аргументы во многом бьют мимо цели.

Думается, что оценку этой позиции стоит начать с выдвинутого ученым и воспроизводимого им слогана «от гражданина к подданному». Сам И.Е. Суриков не скрывает, что обязан этой формулировкой А.И. Павловской, применившей ее в своей статье к генезису эллинизма²⁹. Однако опосредованно эта формулировка восходит к названию главы Е.М. Штаерман в коллективной монографии «Культура древнего Рима», посвященной эволюции римской *civitas* от Республики к Империи³⁰, причем это название в свою очередь восходило к фразе С.Л. Утченко в одной из его монографий³¹. Мы уже говорили, что именно в этом контексте такая формулировка имеет смысл: Рим на протяжении своей истории вплоть до эдикта Каракаллы оставался, хотя бы формально, одной гражданской общиной, а власть принцепсов установилась именно в ее рамках, так что о членах этой общины можно сказать, что они действительно трансформировались из граждан в подданных. Примечательным образом, Павловская начинает разговор именно с римской *civitas*³²; далее она переходит к значению термина *οἱ ὑπήκοοι* как характеристики малых полисов классической эпохи,

демократии», однако, скорее всего, это ошибка, а стоять здесь должно было «в эпоху эллинизма»).

²⁶ Gabelko 2018, 187–188.

²⁷ Balakhvantsev 2020, 24–25.

²⁸ Saprykin 2024b, 370–374; неясно, почему автор статьи в начале указанного ее фрагмента объединил выводы И.Е. Сурикова с нашими, О.Л. Габелко и А.С. Балахванцева в некую единую позицию. Ср. также Saprykin 2024a, 198–203.

²⁹ Pavlovskaya 1998.

³⁰ Shtaerman 1985.

³¹ Utchenko 1977, 229.

³² Pavlovskaya 1998, 15–17.

зависимых от полисов-гегемонов³³, и лишь в конце работы, причем на уровне весьма общих формулировок, касается трансформации статуса граждан древнегреческих полисов в IV в. до н.э.³⁴ При этом на вопрос, происходило ли разложение гражданского статуса с началом эллинизма и даже в рамках Римской империи, Павловская дала в целом отрицательный ответ: «...едва ли там, где существовали полисы (и пока они существовали, в том числе в форме муниципия), можно проследить заверченный переход от “связей соучастия” к “связям подчинения”, так как гражданин прежде всего продолжал участвовать с теми или иными ограничениями в экономической и социально-политической жизни своего полиса и лишь как член гражданского коллектива подчинялся вышестоящей государственной власти»³⁵. Мы не уверены в полной справедливости этой формулировки по отношению к Риму, однако по отношению к эллинистическим царствам это безусловно верно: связь граждан находившихся на их территории полисов с царями, конечно, не была непосредственной, а посредовалась полисом, поэтому вряд ли ее можно назвать «подданством» в точном смысле слова³⁶. Особая ситуация складывалась в Египте, где полисов было мало; однако, во-первых, они все же и там были, включая такой огромный и значимый, как Александрия; во-вторых, связь с царем македонян и греков, живших вне полиса, посредовалась их причастностью к системе династийного культа Птолемеев, во многом копировавшей полисные культы и как бы конструировавшей своего рода «мегаобщину», охватывавшую весь Египет³⁷.

Весьма возможно, что И.Е. Суриков отвел бы эти наши рассуждения, сказав, что имеет в виду не подданство в формально-правовом смысле слова, а новое состояние мировоззрения, предполагавшее готовность прежнего гражданина принять верховную власть единоличного правителя и умалиться перед ним. Зная нашего коллегу и его отношение к явлению греческого полиса, охарактеризованное выше, мы рискуем обречь себя на его негодование, но все же зададим следующий вопрос, который может показаться парадоксальным не только ему: таким ли новым для граждан полиса было это состояние самоумаления и реальной несвободы? Со времени своего становления полисная идеология неизменно предписывала гражданам ставить свои интересы на второй план по сравнению с интересами общины: она обозначала ограничения их стремлению к обогащению и к личному успеху, зато провозглашала гибель на поле боя не просто необходимой жертвой, а высшим счастьем, к которому следовало стремиться. Классический афинский полис оставлял за собой право произвольным решением изгнать на долгий срок любого политического лидера без вины и учета его

³³ Pavlovskaya 1998, 18–24.

³⁴ Pavlovskaya 1998, 24–28.

³⁵ Pavlovskaya 1998, 28–29.

³⁶ См. на ярком примере государства Селевкидов: Bikerman 1985, 131–135.

³⁷ Ladynin 2016b, 276–293.

заслуг (наш коллега, чья докторская диссертация была посвящена институту остракизма³⁸, знает это лучше нас); спартанский полис мог потребовать от царя, не считаясь с его желанием, взять вторую жену (Hdt. V. 39–40). Ответ на вопрос, чья реальная зависимость была более тотальной – гражданина классического полиса, от которого тот требовал подобных самоограничений, или жителя эллинистического царства, от которого его монарх их, скорее всего, не потребовал бы, – кажется довольно очевидным. Таким ли уж переломом в мировоззрении греков, после векового опыта самоумаления перед полисом³⁹, должно было стать их самоумаление перед новыми, теперь персонализированными суверенами, когда таковые о себе заявили?

Вместе с тем мы уже заметили, что И.Е. Суриков вообще не комментирует объективные предпосылки того мировоззренческого изменения, о котором он говорит, и сводит практически непосредственно к нему суть явления, обозначаемого термином «кризис полиса». Между тем это едва ли оправданно. С.Ю. Сапрыкин справедливо отмечает как отсутствие в IV в. до н.э., в частности, в Афинах проблемы обезземеливания, так и подъем в это время экономики Греции на основе развития торговли, ремесла и кредитной сферы⁴⁰; однако, как указывал еще в 1950-е гг. О.В. Кудрявцев, такой прогресс не противоречит упадку в это время собственно институтов полиса⁴¹. На наш взгляд, ключ к пониманию сути кризиса полиса обнаруживается в суждении Г.А. Кошеленко о фундаментальном противоречии в жизни древних греков между началами полиса и города: если первое было в своих устоях аграрным и консервативным, то второе содержало в себе динамичное развитие⁴². Именно благодаря последнему мотивы деятельности, связанные с личными благополучием и выгодой, для получения которой открылись качественно новые возможности, затмили для греков IV в. до н.э. мотивы, связанные с интересами их полисов. Прямыми следствиями этого стали индифферентизм к участию в полисном ополчении и несению литургий, что породило некомпенсируемые финансовые проблемы⁴³. Можно сказать, что основа этого реального кризиса полиса была, в согласии с позицией И.Е. Сурикова, действительно мировоззренческой, «духовной», однако состояла она не столько в эволюции «от гражданина к подданному», сколько в конфликте мотиваций – гражданской и личной, – в которой первая безнадежно проиграла⁴⁴.

³⁸ Surikov 2006.

³⁹ См. теперь Ladynin 2024a, 64–68.

⁴⁰ См. наше прим. 28, а также Saprykin 2024a, 191, прим. 182.

⁴¹ Kudriavtsev 1957, 361–366.

⁴² Koshelenko 1983a, 26–30; 1983b, 237–246; ср. Frolov 2004, 54 («Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное, хотя в общем малоуспешное, стремление к преодолению полиса»).

⁴³ Ladynin 2024a, 71–72.

⁴⁴ Невольно думается о такой отдаленной параллели, как нарастание знаменитого ощущения, что «так жить нельзя», в 1980-е гг., после 70-летнего (сопоставимого по

Мы полностью согласны с нашим коллегой в том, что суть трансформации полиса в начале эллинизма состоит в утрате им качества независимого государства (собственно, эту же мысль сформулировала весьма четко еще в 1993 г. Л.П. Маринович⁴⁵); однако причиной этого была не деградация гражданского сознания, а недостаточность в этой ситуации ресурсов отдельного полиса для ведения самостоятельной внешней политики. Сохранение рядом полисов формальной независимости в эпоху эллинизма не должно обманывать, поскольку они могли оказываться в фактической, в т.ч. ресурсной, зависимости от более крупных государств и не выдерживали военных противостояний с ними. Равным образом, не должно обманывать и то, что греческая классика знает примеры образования надполисных структур под властью более сильных полисов: дело не в самой возможности этого, а в том, что тогда нормой существования полиса, причем адекватной его «докризисному» состоянию, было именно качество независимого государства (в этом И.Е. Суриков, конечно, прав⁴⁶).

Следующая проблема, которую кажется необходимым затронуть, – это территориальные рамки того явления, которое мы обозначаем термином «эллинизм», и его специфика в разных ареалах (прежде всего, в таких несхожих, как Греция и Македония, с одной стороны, и эллинистический Восток – с другой). Значительная часть этой проблемы была сформулирована еще в 1990 г. Г.А. Косшеленко, отметившим, что «основной уязвимый пункт» концепции К.К. Зельина «определяется, в сущности, одним вопросом: являлись ли Греция и Македония частью эллинистического мира?»⁴⁷ Подходы участников нынешней дискуссии к решению этого вопроса основательно разнятся: если И.Е. Суриков вполне ожидаемо говорит об эллинизме как о явлении прежде всего древнегреческого общества, скорее «вынося за скобки» своих построений восточные структуры⁴⁸, то А.С. Балахванцев настаивает, что эллинизм существовал

длительности с «докризисной» историей греческого полиса высокой классики) существования советского государства. Примечательно, что само это ощущение сплошь и рядом соседствовало с верой в якобы погрязшие «ленинские принципы» строительства социализма, – как и для жертв кризисных явлений в жизни полисов IV в. до н.э. ориентиром их преодоления могла служить *πάτριος πολιτεία* (Koshelenko 1983a, 29). Предложенное нами сравнение, безусловно, неакадемическое, но, может быть, оно отражает закономерность разложения структур, которые кладут в основу своей этики не согласование, в меру возможности, интересов их членов, а подчинение этих интересов некоей идеологически мотивированной сверхзадаче, отождествленной с интересами социума в целом.

⁴⁵ Marinovich 1993, 212 («...Полис перестает быть субъектом истории и превращается в ее объект»).

⁴⁶ Surikov 2010, 21–23; 2014, 102–103; 2023, 95–96.

⁴⁷ Koshelenko 1990, 12–13.

⁴⁸ А.С. Балахванцев не вполне прав, когда говорит, что Сурикову свойственно «восприятие эллинизма в качестве этапа только древнегреческой истории» (Balakhvantsev 2020, 25). Как в указанных в связи с этим пассажах (Surikov 2014, 101), так и в более поздней публикации (Surikov 2022, 55–56) Игорь Евгеньевич скорее говорит о том, что закономерность наступления кризиса полиса, конкретной формой преодоления которого стал эллинизм, видна именно в

исключительно на Востоке, где объективно имелись условия для греко-восточного синтеза⁴⁹. Для С.Ю. Сапрыкина сущность эллинизма состоит, как кажется, прежде всего в продуктивном взаимодействии царской власти и контролируемой ею экономики с полисами, которое началось в результате деятельности Александра (строго говоря, на Востоке), но в принципе могло быть локализовано в очень разных регионах⁵⁰. О.Л. Габелко склонен видеть в эллинизме исключительное многообразие его конкретных форм, что в принципе справедливо, но определенным образом мешает выделить его сущностные черты (см. далее); однако, так или иначе, он исходит из его наличия как на Востоке, так и в Греции и Македонии.

Формулируя в связи с этим нашу позицию, отметим, что А.С. Балахванцев не вполне нас понял, сказав, что мы, вместе с И.Е. Суриковым, относим понятие «эллинизм» только к явлениям греческого мира⁵¹. Наша формулировка была несколько иной: «Термин “эллинизм” по самому его звучанию, а также по значению, которое вкладывал в него Дройзен, правомерно все же относить к истории именно эллинского мира, а к восточному миру – лишь поскольку его затронуло распространение эллинских институтов и культуры»⁵². Понятно, что последний процесс затронул все пространство от Средиземноморья до границ Индии, и мы, конечно, исходим из включения происходивших там процессов в понятие «эллинизм». Подчеркнем еще раз, что, говоря об эллинизме как о конкретной форме выхода полиса из его кризиса в IV в. до н.э., обозначившейся вследствие завоеваний Александра⁵³, мы создаем, что такая формулировка определяет значимость эллинизма только для *греческого мира*: только для него эллинизм оказался формой закономерного этапа, предопределенного эволюцией полиса, в то время как для Востока он был своего рода «колоссальной случайностью», состоявшейся вследствие успеха завоеваний Александра. Понятно, однако, что наше определение вовсе не противоположно признанию важнейшим компонентом эллинизма греко-восточного синтеза: напротив, его начало в эпоху Александра во многом определило облик этой конкретной формы завершения кризиса полиса, и мы убеждены, что этот процесс синтеза был локализован не

истории Греции, детерминантой которой была эволюция полиса, в то время как на Востоке такую обусловленность наступления эллинизма предшествующим развитием невозможно вычленишь. Окончательно Суриков расставляет акценты в своей позиции, указав, что обращается к истории эллинизма в контексте истории Греции в силу собственных научных интересов, не игнорируя существования эллинистического Востока и наличия там греко-восточного синтеза, но и не занимаясь этими сюжетами профессионально (Surikov 2023, 99).

⁴⁹ Balakhvantsev 2020, 27–28.

⁵⁰ Saprykin 2008, 225–233; 2020, 139–143, 145–146; 2024b.

⁵¹ Balakhvantsev 2020, 25, прим. 9.

⁵² Наш оппонент ориентируется на наше суждение в Ladynin 2018, 196; ср. несколько иную формулировку в Ladynin 2024a, 78.

⁵³ См. наше прим. 17; отметим, что в этом с нами согласен И.Е. Суриков (Surikov 2022, 54–56).

только на Востоке. Мы имеем в виду не только распространение в Средиземноморье, включая Грецию и Македонию, восточных культов (о котором, при всей его ограниченности, тоже не надо забывать⁵⁴), но в первую очередь формирование института эллинистической монархии. Если на Востоке и в Македонии он непосредственно сформировал государства, сложившиеся на протяжении эпохи диадохов, то в Греции он во всяком случае был признан полноценной политической формой, а ряд ее полисов оказались в прямой зависимости от таких монархий (например, союз несиотов в Южной Эгее – от Птолемея⁵⁵). Основой этого института стоит считать традиционную монархию Македонии⁵⁶, однако в автократический режим ее превратил Александр, оформив свои амбиции при помощи рецепции персидской политической и египетской идеологической традиций⁵⁷. С этой точки зрения эллинистическую монархию стоит считать важнейшим синтезным явлением, заявившим о себе по всей греческой и ближневосточной ойкумене даже безразлично к тому, сложились ли в том или ином регионе также на основе восприятия восточной традиции формы династического культа⁵⁸. При этом на протяжении всего периода «высокого эллинизма» как Греция и Македония, так и Ближний и Средний Восток представляли собой единый в плане базовых установок политической традиции континуум: в его рамках существовали единые по своему генезису, восходящие к Александру институты монархии, признавали лидерство трех великих держав под властью этнически македонских династий (возможно, с признанием за ними особых, постоянных прав на земли их коренных доменов) и более низкий в иерархии статус малых царств, практиковалось регулирование отношений между ними при помощи династических браков⁵⁹. Аргумент А.С. Балахванцева, согласно которому, признавая интеграцию «в систему взаимодействий эллинистической ойкумены» Греции и

⁵⁴ Salditt-Trappmann 1970; Dunand 1973; Grandjean 1975; Pakkenen 1995, 47–63, 77–82 (о культе и мистериях Исида в Афинах); Giuman 1999 (о святилище Исида в Дионе в Македонии).

⁵⁵ Meadows 2013.

⁵⁶ Hammond 1989.

⁵⁷ Olbrycht 2010, 355–364; 2014; Ladynin 2016a.

⁵⁸ В этом нас опять же поддерживает И.Е. Суриков (Surikov 2022, 54–55); С.Ю. Сапрыкин резко возразил против его тезиса о «рецепции восточной монархии» в эпоху эллинизма, подчеркивая, что в Македонии эллинистическая монархия Антигонидов была основана преимущественно на локальных традициях (Saprykin 2024a, 188–190; 2024b, 371, 375). На наш взгляд, дело в первую очередь не в заимствовании эллинистическими монархиями конкретных восточных идеологических форм (в греко-македонской среде оно будет ограничено даже в восточных монархиях, включая и птолемеявский Египет с его исключительно последовательной и всеобъемлющей системой царского культа, и с этой точки зрения можно действительно поспорить об удачности употребленного Суриковым термина «рецепция»), а в качественной авторитаризации македонской царской власти со времени Александра, унаследованной и последующим временем, а также в изменении отношения к ней в греческом мире.

⁵⁹ Ladynin 2006; Gabelko 2005.

Македонии⁶⁰, пришлось бы признать и интеграцию в нее современных ей Рима и Парфии⁶¹, кажется неверным именно потому, что названные государства находились вне данного континуума.

Вместе с тем А.С. Балахванцев поднял чрезвычайно важный и, на наш взгляд, недостаточно обсуждаемый вопрос о специфике эпохи эллинизма на Востоке. Совершенно справедливо он уделит внимание «взрыву товарно-денежных отношений», который преобразует восточное общество с началом этого периода⁶². В принципе об этом в свое время говорил М.И. Ростовцев; однако значительно позже в советской науке появилось суждение И.М. Дьяконова о том, что города Ближнего Востока в I тыс. до н. э. остались в этом ареале единственной формой т.н. «общинно-частного сектора» экономики, уцелевшим от эпохи ранней древности благодаря выполняемой ими исключительно важной функции торговых артерий⁶³. Думается, что эта позиция классика нашего востоковедения сложилась не без влияния его старшего брата М.М. Дьяконова, который нюансировал ее весьма существенно: по его мнению, именно появившийся на Востоке греческий полис, автономия которого была шире, чем у традиционных городов, и при этом не подрывала лояльности его жителей царской власти, был оптимальной формой организации городской экономики, стимулировавшей предпринимательскую инициативу и, благодаря этому, широкие торговые связи и экономическую интеграцию регионов⁶⁴. С этой точки зрения распространение полисов на Ближнем и Среднем Востоке (прежде всего, в рамках государства Селевкидов эпохи высокого эллинизма) весьма логично встраивается в общий ход эволюции его общества, обозначившийся еще с начала железного века. Вместе с тем сложным и пока, на наш взгляд, не получившим сколько-нибудь объемлющего ответа является вопрос о том, что означало наступление эллинизма для самосознания и мировоззрения народов Востока. Несомненно, что поиск такого ответа должен предполагать обобщение наблюдений, выведенных специалистами по конкретным регионам; однако очевидно, что этот ответ не может свестись только к общим словам о межкультурном синтезе. Так, на наш взгляд, наблюдения над материалом Египта показывают, что наступление эллинизма характеризовалось там, с одной стороны, ощущением цивилизационного поражения, скомпенсировать которое была, в частности, призвана апология египетского прошлого в труде Манефона⁶⁵, а с другой стороны – децентрализацией религиозной и культурной жизни, в силу утраты такого скрепляющего

⁶⁰ Ladynin 2018, 187; 2024a, 65.

⁶¹ Balakhvantsev 2020, 28.

⁶² Balakhvantsev 2020, 26–28; см. в целом об экономике эллинизма: Archibald et al. 2011; о монетном обращении в восточных эллинистических царствах: Iossif, Lorber 2021.

⁶³ Diakonoff et al. 1989, v. 1, 50–51; v. 2, 17.

⁶⁴ Diakonoff 1961, 155–156.

⁶⁵ См., например Ladynin, Nemirovsky 2018.

ее стержня, как собственно египетская царская власть. Не менее сложные процессы должны были происходить в других регионах Востока, и выявление их специфики и общего и особенного в них представляется перспективной исследовательской задачей.

Наконец, третья серьезная проблема, обозначившаяся в ходе текущей дискуссии, – это вопрос о конечной хронологической границе явления, определяемого термином «эллинизм» и о наполнении в связи с этим довольно часто употребляемого понятия «постэллинизм». Более двадцати лет назад мы заметили, что в мировой науке его значение не конкретизируется⁶⁶, и, кажется, эта ситуация не изменилась. Вместе с тем в отечественной литературе определение этого понятия было сформулировано в хорошо известных монографиях начала 1990-х гг. об эллинизме Г.А. Кошеленко: «собственно эллинистический период» – это «период политического господства греко-македонян» на Востоке⁶⁷, т.е., по сути дела, период III – начала II вв. до н.э., часто обозначаемый как «высокий эллинизм»; напротив, «постэллинизм – это время, когда политическая власть греков уже уничтожена и к власти приходят господствующие слои местного населения», причем разница между этими двумя этапами состоит в том, что на первом из них «греки принадлежат к господствующему слою населения», отделенному от основной массы уроженцев Востока, и «существующие между ними социальные барьеры препятствуют культурному синтезу». Лишь когда это препятствие отпадает с установлением преобладания восточных народов на этапе постэллинизма, «происходит подлинный синтез культур»⁶⁸. Вводя понятие постэллинизма, Кошеленко в то же время признает эту эпоху особым этапом эллинизма в целом⁶⁹, а его начальная хронологическая граница, в общем, понятна: это, несомненно, десятилетия после Апамейского мира 188 г. до н.э., когда Парфия и Понтийское царство замещают государство Селевкидов в качестве ведущей силы в Малой Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. О.Л. Габелко заметил, что построение Кошеленко, скорее всего, основано на известном ему парфянском материале, но не имеет универсальной силы, поскольку, например, в Малой Азии активный межкультурный синтез начался еще при Ахеменидах⁷⁰; к этому можно, кстати, добавить, что в таком районе активных распространения и рецепции восточной традиции, включая культы блаженных богов, как Египет, «господствующие слои местного населения» к власти вообще не пришли. С.Ю. Сапрыкин поставил во главу угла в определении понятия «постэллинизм» другой, прежде всего социально-экономический, критерий: «Постэллинизм – это очередной этап в развитии эллинизма в конкретную историческую эпоху, но

⁶⁶ Ladynin 2004, 148–149.

⁶⁷ Koshelenko 1990, 13.

⁶⁸ Gaibov, Koshelenko, Serditykh 1992, 31–32.

⁶⁹ Koshelenko 1990, 13.

⁷⁰ Gabelko 2013, 123.

не греко-македонского завоевания, а сначала в условиях преобладания Понтийского царства, а затем господства Рима и возвышения Парфянского государства. Однако эллинизм сохранял общие черты, хотя разнился в деталях в разных местах античной ойкумены. Но важно то, что он продолжал служить локомотивом развития античной цивилизации, ибо как постоянное и в то же время обновляемое явление сочетал в себе большую роль полисов как городских центров и царской, общинной и храмовой земельной собственности. На этом основывалась политическая надстройка – монархическая форма правления, а главное – на нем продолжал выстраиваться синтез и взаимодействие Востока и Запада в области экономики, политики и культуры»⁷¹. Если начало этого периода ученый определяет, по-видимому, так же, как и Кошеленко, то его финал он относит к непривычно позднему времени: по его мнению, существование и даже формирование структур, отвечающих этому определению, в циркумпонтийском регионе продолжается даже в первые века н. э.

Думается, О.Л. Габелко совершенно прав в том, что критерием постулирования понятия постэллинизма должно быть «вычленение “эллинистических” компонентов в государственности, социально-экономических отношениях, культуре и пр.»⁷², которые сохранились в неких новых по сравнению с «собственно эллинизмом» условиях (конкретно – под властью не греко-македонских династий). Однако в таком случае необходимо уяснить, что такое «старые условия», отвечающие «собственно эллинизму». Скорее всего, мы не придем ни к чему, кроме констатации, что это тот самый континуум политической традиции «высокого эллинизма», о котором мы сказали выше⁷³ и разложение которого, ввиду упадка его ведущих государств, отчетливо намечается вслед за Апамейским миром. Значимость этого рубежа, обозначившего, с одной стороны, выход Рима на политическую арену Востока, с другой – перспективу возвышения Парфии и Понта, никоим образом не следует преуменьшать. Соответственно, постэллинизм – это так или иначе «новые условия», сложившиеся после Апамейского мира. Однако пресловутое «вычленение “эллинистических” компонентов»

⁷¹ Saprykin 2024a, 221–222.

⁷² Gabelko 2013, 126.

⁷³ В связи с этим не согласимся с употреблением в процитированном пассаже С.Ю. Сапрыкина определения институтов этого политического континуума как «политической надстройки». Думается, что С.Ю. Сапрыкин в данном случае чисто механически воспроизвел термин, который советская историография всегда относила к политическим институтам, считая их производными от социально-экономического «базиса» общества (не будем в связи с этим загромождать текст цитатой из Маркса). Нет сомнения, что ученый сознает на самом деле базовое значение института эллинистической монархии, которую необходимо считать не просто политической формой, но органической и во многом структурообразующей частью обществ времени эллинизма. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, например, фундаментальную роль царской власти в градоосновании и распространении полисов на территории Ближнего и Среднего Востока, да и в создании экономических структур, о которых подробно говорит Сапрыкин.

должно все же проводиться при более или менее ясном понимании, каковы они. С точки зрения С.Ю. Сапрыкина один из таких компонентов – это, как уже говорилось, взаимодействие царской власти и контролируемой ею экономики с полисами, при поощрении их и опоре на них со стороны царей. С этим можно согласиться, с той необходимой оговоркой, что такое взаимодействие наблюдалось далеко не везде; однако, пожалуй, этой оговоркой дело не ограничится. Так, Сапрыкин показывает, что во Фракии «с ее племенными традициями и пережитками самостийности племенных царьков и парадинастов» формирование централизованной государственной экономики по эллинистическому образцу не получилось, полисы на этой территории оказались самостоятельными, и обратившие Фракию в провинцию римляне были вынуждены применяться к данной ситуации⁷⁴. Есть, однако, и еще более яркий пример – Египет, где обратившие его в провинцию римляне, по сути дела, стимулировали разложение трехтысячелетнего государственного сектора экономики и трансформацию египетских городов в эллинизированные подобия полисов, преимущественно из удобства управления через их посредство⁷⁵. Обратный пример дает нам Парфянское царство, где с царствования Артабана II полисы перестают быть силой, связанной с царями узлами взаимной лояльности, и теряют свою автономию⁷⁶. Можно ли считать продолжением практики эллинизма на этапе после Апамейского мира опору царской или имперской власти исключительно на полисы или их аналоги, с минимизацией собственной роли в управлении и экономике, или, напротив, «задавливание» полисов, при преобладающей роли подчиненных царям структур? Как кажется, ситуация высокого эллинизма предполагала если не в точном смысле равновесие, то во всяком случае некое оптимальное и взаимопольное взаимодействие этих двух начал⁷⁷, которое должно было наследоваться и ситуацией постэллинизма, независимо от перехода политического господства от македонских к восточным династиям. Применительно к ситуации, в которой такое взаимодействие сходит на нет, вряд ли имеет смысл употреблять и термин «постэллинизм».

Наконец, стоит под несколько иным углом посмотреть на тезис

⁷⁴ Saprykin 2024a, 212–213; ср. Saprykin 2008, 231–233; 2020, 143–152.

⁷⁵ Diakonoff *et al.* 1989, v. 3, 80–87; ср. Bagnall 2021, 56–57, 92–95.

⁷⁶ Gaibov, Koshelenko, Serditykh 1992, 46.

⁷⁷ Казалось бы, противоречит этому суждению ситуация в птолемеевском Египте, где, как уже говорилось, полисов было мало и царской власти, тем самым, должно было принадлежать безусловное лидерство в экономике и социально-политических процессах едва ли не с начала эпохи эллинизма. Стоит, однако, вспомнить о роли, которую община Александрии играла в целом ряде политических ситуаций II–I вв. до н.э. (Hölbl 2001, 145–146, 183, 191, 213–214, 222, 227). Кроме того, греко-македонское население Египта было объединено уже упоминавшейся «мегаобщиной», сформированной вокруг системы царского культа, целым рядом ассоциаций (Klörrenborg 2020), а также собственно государственными структурами, укомплектованными его представителями и в значительной мере отражавшими его интересы.

Г.А. Кошеленко о том, что постэллинизм оказывается временем особенно активного и широкого культурного синтеза: обратим внимание, что именно тогда, начиная со II в. до н.э., начинается широкая трансляция восточных культов по Средиземноморью, достигающая максимума в эпоху тесной интеграции этого макрорегиона в римское время⁷⁸. Вряд ли допущение Кошеленко о том, что падение «барьеров» между греками и людьми Востока стимулировало межкультурный синтез, объяснит этот процесс: так, в Египте этот барьер едва ли стал слабее, при том что египетские по своему происхождению культы Сараписа и Исиды стали на этом этапе распространяться очень широко. На наш взгляд, применительно к этим этапу и качеству взаимодействия с восточной традицией необходимо учитывать состояние ее «рецептора», то есть греческих полисов и с течением времени римских муниципиев. Они, безусловно, оставались базовыми ячейками античного общества, однако интеграция в них их граждан ослабла, значение полисных культов снизилось, и люди греческой и, шире, античной культуры стали нуждаться в новом объединяющем начале, каковым и стали восточные религии с формируемыми ими структурами. Эта их потребность вписывается в общемировую тенденцию, часто характеризуемую введенным К. Ясперсом термином «осевое время»; в свое время хорошо ее уловил классик российского антиковедения Ф.Ф. Зелинский, назвавший культы, распространявшиеся по эллинистическо-римскому Средиземноморью «соперниками христианства»⁷⁹ (см. также наш текст далее).

* * *

Выше мы высказали мнение по поводу ряда суждений наших коллег в связи с понятием эллинизма, которые прозвучали в целом в течение последних десятилетий. То, что именно вокруг этого понятия стал разворачиваться некий новый историографический процесс, в общем, не вызывает удивления: как было признано еще на исходе советского времени (см. наше прим. 47), обсуждение этого понятия А.Б. Рановичем и К.К. Зельным не привело к решающему результату, и институционализация уже постсоветской науки о древности в 2000-е гг. открыла возможность это обсуждение возобновить. Вместе с тем правомерно задать неожиданный вопрос: в какой мере данный историографический процесс можно назвать в точном смысле слова полемикой? Заметим, что это понятие не вполне приложимо и к соприкосновению позиций Рановича и Зельна в 1950-е гг.: как известно, первый из этих ученых умер в 1948 г., а критические замечания второго по поводу его позиции были высказаны лишь в 1951 г.⁸⁰, так

⁷⁸ Литература по этой проблематике поистине безбрежна, достаточно назвать две научные серии, публикующие по ней работы – *Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain* и *Religions in the Graeco-Roman World* (обе издательства Brill, Leiden).

⁷⁹ Zelinskiy 1995.

⁸⁰ Zel'in 1951.

что в лучшем случае можно говорить о заочной полемике между ними. Тем не менее противоположность высказанных этими учеными тезисов была очевидна. Иначе обстоит дело с тезисами, сформулированными в течение последнего десятилетия: казалось бы, их авторы и спорят друг с другом⁸¹, порой даже эмоционально, однако беспристрастный анализ показывает, что их мнения, на самом деле, не противоречат друг другу. Так, автор этих строк не согласен с И.Е. Суриковым в определении того, какой именно процесс в мировоззренческой сфере был основой кризиса греческого полиса, однако, как было сказано выше, признает, что речь должна идти именно о мировоззренческом процессе; сам же Игорь Евгеньевич не спорит с нашим мнением, что наступление эллинизма для греческого мира было формой выхода полиса из кризиса. Этому мнению, казалось бы, противопоставлены суждения А.С. Балахванцева о том, что эллинизм – это серьезная социально-экономическая трансформация обществ Ближнего и Среднего Востока, и С.Ю. Сапрыкина – что это формирование системы отношений между царской властью, опирающейся на подчиненную ей экономику, и полисами. Однако мы не только не станем спорить с этими суждениями, но и признаем их справедливость⁸² – применительно к явлениям, относительно которых они высказаны, точно так же как и свое суждение об эллинизме как о форме выхода позднеклассического полиса из кризиса мы не распространяем за пределы явлений греческого мира! Такая реальная совместимость разных мнений, высказанных в рамках нынешней дискуссии, может убедить только в одном: ни одно из них не охватывает предмет этой дискуссии – понятие эллинизма – во всей его возможной полноте.

В определенной мере недостаточная комплексность в подходе к трактовке этого понятия была замечена в небольшой статье Р.В. Зарапина, отталкивавшегося, кстати, от позиций Рановича и Зельина, а не участников нынешней дискуссии: по его мнению, базовыми явлениями эллинизма оказываются греко-восточный синтез и формирование, в том числе на его основе, специфических политических структур, однако ключом к их изучению будет региональный подход, предполагающий «объединение» эллинистических государств в «условные региональные группы», что позволило бы как исследовать отдельные

⁸¹ Так, А.С. Балахванцев категорически возражал И.Е. Сурикову в вопросе о том, что наступление эллинизма проявилось прежде всего в греческом мире и в явлениях духовной сферы: Balakhvantsev 2020, 24–25; см. в связи с этим, в частности, наше прим. 48.

⁸² Оговорим, правда, что не понимаем утверждение С.Ю. Сапрыкина о необходимости «оспорить тезис И.А. Ладынина, который считает эллинизм этапом в развитии рабовладельческого общества, но не рабовладения как такового» (Saprykin 2024b, 382). Такой тезис, встретясь он нам в чьей-либо работе, показался бы как минимум парадоксальным; однако мы его не высказывали, а в известной С.Ю. Сапрыкину нашей статье 2018 г. слово «рабовладение» и производные от него вообще применяются лишь при характеристике позиции А.Б. Рановича. Ср., впрочем, наше прим. 20.

государства, так и «выделить моменты, общие для всех стран региона»⁸³. Думается, именно этот подход попытался развить О.Л. Габелко в своем докладе «Эллинистический мир как “единство многообразия”: новый концептуальный подход», прозвучавшем на XXIII Сергеевских чтениях (исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, январь 2025 г.)⁸⁴. Своим построениям исследователь предпосылает определение, которое, похоже, призвано поглотить все высказывавшиеся до этого его трактовки понятия эллинизма: «Эллинизм – это монархическо-полисное греко-варварское общество, возникающее после и вследствие походов Александра Македонского и войн диадохов, которое характеризовалось взаимодействием и синтезом разноэтнических элементов во всех сферах жизни (государственность, социально-экономические отношения, религия, культура, идеология, повседневность) и существовало в различных вариантах в ряде регионов Средиземноморья, Восточной Европы, Переднего и Среднего Востока, Центральной Азии в разные периоды времени вплоть до первых десятилетий III в. н.э.». В контексте этого определения О.Л. Габелко предложил классификацию форм эллинистического межкультурного синтеза на пять региональных вариантов.

Предложенное О.Л. Габелко определение вызывает серьезные вопросы с точки зрения самой формулировки. Оно включает в себя три признака, каждый из которых сужает поле предыдущего: «монархическо-полисное общество» – генезис в связи с походами Александра – наличие греко-варварского синтеза. Не будем сейчас говорить о том, что эти признаки подобраны по не связанным между собой критериям, что в общем нарушает принципы строгой классификации: однако как быть со структурами, в которых этот набор признаков проявляется неполно? «Монархическо-полисное общество» без греко-варварского синтеза, сложившееся, в общем, вне прямой связи с походами Александра, мы видим в Македонии и Эпире⁸⁵; отказываем ли мы им в качестве эллинистических структур или, наоборот, признаем эллинистическими еще до походов Александра? Более полный набор этих признаков – сочетание «монархическо-полисного общества» и «греко-варварского синтеза» мы видим в области греческого расселения в Малой Азии, соприкасавшейся с восточным Hinterland’ом, начиная с ее подчинения Крёзом и безусловно при Ахеменидах еще до походов Александра⁸⁶; признаем ли мы существование уже в это время

⁸³ Zarapin 2020.

⁸⁴ На сегодняшний день опубликованы только краткие тезисы этого доклада (Gabelko 2025), однако его автор обсуждал с нами его положения и любезно предоставил нам его презентацию, дающую полное представление о его содержании и концепции.

⁸⁵ Borza 1992; Hammond, Lemprière 1967.

⁸⁶ Marek 2017, 164–231. Обратим в связи с этим внимание на следующий момент: в своей докторской диссертации сам О.Л. Габелко подробно показал наличие в Малой Азии феноменов, с одной стороны, раннего взаимодействия греческого и местных начал, начавшегося в некоторых регионах (Кария, Ликия) еще на этапе интеграции этого региона в Ахеменидскую державу, а с

в этих областях эллинизма или, на основании проявившихся там двух важнейших признаков, присвоим им почетное звание «кандидатов в эллинистические структуры»? Позднее «монархическо-полисное общество» с «греко-варварским синтезом» мы увидим в западной части державы Маурьев, причем присутствие греков на этих землях прямо связано с походом Александра⁸⁷, а греческие города сохранились здесь, судя по некоторым свидетельствам, и около рубежа н.э., весьма вероятно, сохраняя затем свою специфику в составе Индо-Парфянского и Кушанского царств⁸⁸; значит ли это, что эти державы мы тоже признаем эллинистическими? Возможно, автор этого определения скажет, что понятие «монархическо-полисного общества» предполагает высокую автономию полисов; неясно, имелась ли она у греческих городов в государствах Западной Индии первых веков н.э., хотя в децентрализованной монархии Маурьев явно должна была сохраняться; но разве этот момент в самом деле определит квалификацию таких структур как эллинистических? Что касается греко-варварского взаимодействия вообще, в том числе оборачивающегося культурным синтезом, оно происходило во всех зонах греческой колонизации, и его проявления, например, в Северном Причерноморье хрестоматийно известны.

Трудно согласиться с нашим коллегой и когда он ищет в эпоху эллинизма некое новое качество, говоря о появлении «более крупных и устойчивых, чем ранее, государственных объединений, нередко с единоличной формой правления», а также о «постепенном формировании новых социально-экономических отношений и институтов, развитии царской собственности на землю, эволюции рабства и иных форм зависимости». Межрегиональные государства существовали на Ближнем и Среднем Востоке опять же задолго до Александра и диадохов, причем держава Ахеменидов дает гораздо лучший пример их

другой – формированием на этом же этапе специфической локальной традиции в наименее эллинизированных областях (Вифиния, Пафлагония, Понтийская и Великая Каппадокия – области т.н. «анатолийского этнополитического койне», или АЭК; Gabelko 2006, 15–16). В контексте своей нынешней классификации структур эпохи эллинизма исследователь относит регионы второй категории к «зоне уравновешенного синтеза» (включая в нее также и Пергам, который в своей диссертации он относил к первой категории), а регионы первой категории – как можно понять, к «зоне с преобладанием греческих полисных и монархических институтов». Думается, что именно удачные построения нашего коллеги в диссертации побуждают задать закономерный вопрос: надо ли вообще считать соотношение греческих и местных начал в Малой Азии и, в частности, в ареале АЭК плодом эллинизма и частью этого явления? Не стоит ли связать интеграцию этого ареала в эллинистическую ойкумену с неизбежными на этапе становления ее великих государств (прежде всего, державы Селевкидов) политическими и династическими (удачно прослеженными именно О.Л. Габелко: Gabelko 2005; 2006, 31–34) манипуляциями и формальными заимствованиями (Gabelko 2006, 37) и не примешивать сюда вопрос о межкультурном синтезе, особенности которого наметились значительно раньше?

⁸⁷ Karttunen 1997, 257–264.

⁸⁸ Так, Александрия в Арахосии (будущий Кандагар) упоминается Исидором Харакским («Парфянские стоянки», гл. 19) под названием Александрополь как греческий город применительно к ситуации рубежа н.э.: Schoff 1914, 8–9.

стабильности, чем держава Селевкидов; с еще более ранних времен на Востоке существовала царская собственность на землю⁸⁹; а о проблематичности качественной эволюции рабства в эпоху эллинизма говорил еще К.К. Зельин, возражая А.Б. Рановичу. Явления, которые О.Л. Габелко учел в своей трактовке как диагностические признаки эллинизма, существовали и до этой эпохи, а приобретение ими некоего нового качества именно после походов Александра необходимо доказывать, и в слишком многих случаях такое доказательство, на наш взгляд, не вознаградится успехом. Что же касается построенной нашим коллегой классификации региональных форм греко-восточного (или, если угодно, греко-варварского) синтеза, она, наверное, может конкретизировать суждение о значимости такого синтеза в эпоху эллинизма, высказанное еще К.К. Зельиным (а до него – и самим Дройзенем) и вообще-то никогда не казавшееся спорным; но как отнестись, например, к объединению в этой классификации в один тип эллинистического синтеза птолемеевского Египта, с одной стороны, и Греко-Бактрии и Греко-Индийского царства – с другой? Неужели в последних всеобъемлющее государственное регулирование экономики было развито в той же мере, что в египетском домене державы Птолемеев? Каким образом можно «подвести» под пресловутое определение «монархическо-полисного общества» Иллирию и кельтский ареал на западе Балкан? Думается, что проведенная О.Л. Габелко классификация соотносится с действительно насущной необходимостью учета при обращении к понятию эллинизма огромного объема материала с региональной спецификой; однако критерии такой классификации и ее проекция в сферу обобщений оказываются все же расплывчатыми.

Так или иначе, предпринятый нашим коллегой опыт был вдохновлен уверенностью в необходимости предложить некое единое и отвечающее нынешнему уровню научного знания определение эллинизма; и этот опыт дает повод вернуться к не очень привычному в нашем антиковедении разговору об истоках такой уверенности. Обратим внимание на следующее: Дройзен поступал как истинный гегельянец, когда встраивал явление эллинизма в некий процесс, детерминантой которого, причем единственной, был духовный фактор в его проекции на сферу религии и мировоззрения. Точно так же для Рановича, в согласии с методологией марксизма, единственной движущей силой исторического процесса была эволюция экономики и отношений между классами, что и приводило его к мысли об эллинизме как об этапе развития рабовладения; а Зельин, не видя проявлений в эпохе эллинизма признаков такого этапа и потому отказывая ему в качестве исторического этапа вообще, тоже поступал как добросовестный марксист. Нам уже приходилось говорить, что даже продекларировавшие принятие позиции Зельина исследователи (как в определенной мере и он сам) не могут

⁸⁹ См. о ее генезисе еще на этапе возникновения государства: Diakonoff *et al.*, v. 1, 39–49.

отрешиться от восприятия эллинизма именно как этапа⁹⁰; однако при этом они, с одной стороны, явно считают слишком простым сказать, что это «время после Александра», а с другой, не будучи ни гегельянцами, ни (по крайней мере в нынешней фазе их научного пути) марксистами, теряются в определении процесса, этапом которого можно было бы считать эллинизм. Но почему это должен быть какой-то один процесс? Не стоит ли отказаться от поиска одной детерминанты, на основе которой можно было бы определить пресловутую сущность эллинизма, и признать, что мы имеем дело с целым рядом исходно достаточно разнородных процессов, каждый со своей логикой, которые совместились – действительно, именно после успеха (на самом деле, не предрешенного⁹¹) походов Александра и прежде всего в результате его свершений – в рамках ойкумены, интегрированной, как уже говорилось, единой монархической традицией?

Вряд ли нам удастся обозначить все процессы, которые следует иметь в виду в этой связи, в рамках одной публикации; однако прежде всего следует сказать, что их разнородность и разнонаправленность не следует преувеличивать, поскольку «триггером» целого ряда из них еще в первой половине I тыс. до н. э. стал переход человечества на Ближнем Востоке и в Средиземноморье к железному веку⁹². Общим прямым следствием этого стал качественный рост технической и военной мощи социумов, повышение уровня жизни людей и снижение их зависимости от природных флуктуаций, рост населения, расцвет городской жизни и товарного производства. В Греции этот процесс к концу архаической эпохи привел к становлению полиса, которое, как мы говорили, закономерно обернулось его кризисом; и мы уже постарались показать, какие именно модели, отчасти наметившиеся на этапе поздней классики, но полностью реализовавшиеся уже в эпоху эллинизма (возникновение надполисных союзов, протекторатов монархий по отношению к независимым полисам и их объединениям, прямое встраивание полисов в структуру эллинистических царств⁹³) содействовали преодолению кризиса полиса – пресловутому его превращению из «субъекта истории» в ее «объект», т.е. снятию с него уже непосильной нагрузки независимого государства. Именно в наступлении такого состояния полиса и состоит этапность времени эллинизма для греческого мира.

Однако полис – это лишь один из вариантов развития государств и обществ в западной части Старого Света в условиях железного века, наметившийся в

⁹⁰ Ladynin 2018, 189–190; 2024b, 68–70; ср. Surikov 2015, 20.

⁹¹ Ladynin 2018, 198–200; 2024b, 80–83.

⁹² Мы полностью согласны с суждениями И.М. Дьяконова о фундаментальном значении этой инновации в социальном и политическом развитии человечества Старого Света на втором этапе древней истории (Diakonoff *et al.* 1989, т. 2, 5–26; ср. Ladynin 2024a, 55–58, 60–61), и убеждены, что эвристический потенциал этих суждений, в особенности в связи с процессами, протекавшими в мировоззренческой сфере («осевым временем» К. Ясперса), раскрыт далеко не полностью.

⁹³ Ladynin 2018, 196–197, 199–200 ; 2024b, 78–79, 82–83.

ареале Средиземноморья в тех социумах, где первоначально существовавший государственный сектор экономики оказался сметен коллапсом бронзового века (в Греции) или же у них не было такой предыстории вообще (в Италии)⁹⁴. На Ближнем и Среднем Востоке становление товарной городской экономики и прочных торговых связей между разными регионами, обусловленных естественным разделением труда между ними, предопределило их масштабную политическую интеграцию в составе крупных надрегиональных государств (империй, или «мировых держав»)⁹⁵. Подчеркнем тот общеизвестный факт, что их возникновение пришлось задолго до эллинизма и исторически первым таким государством была сложившаяся в VIII в. до н.э. Новоассирийская держава; а преемственность от нее к Мидийской и Персидской державам и в дальнейшем к державам Александра и Селевкидов осознавалась, в частности, в концепции «царства Азии», присутствовавшей в античной традиции и имевшей свои аналогии в представлениях людей Востока⁹⁶. При этом завоевания Александра и переход межрегиональной азиатской державы под власть македонских династов не нарастили какого-то нового качества ее политической структуры и, в частности, не придали ей большей, по сравнению с державой Ахеменидов, прочности: скорее произошло наоборот по причине перенесения Селевкидами своей столицы из естественного центра своей державы в Месопотамию туда, где сосредотачивались их амбиции, – в Средиземноморье. Вместе с тем новое качество было, безусловно, привнесено на Ближний и Средний Восток широким распространением на его территории полисов и, одновременно, товарно-денежных отношений и монетизации, о чем мы уже говорили выше. Правда, при оценке этого необходимо внимательно и дифференцированно разбираться, в какой мере чеканка монеты была распространена в разных конкретных регионах и меняла их жизнь. Однако несомненно одно: монетизация интенсифицировала торговлю и в целом экономику, но она не могла бы быть воспринята, если бы восточные общества уже не были готовы к этому, если бы не было той сложной системы межрегиональных связей, которая сформировалась уже в новоассирийское время, – под воздействием все того же импульса, идущего от начала железного века.

Обратным по своей направленности процессом эллинистического времени было перенесение восточных по своему генезису структур на те территории, где ранее их не было. Так, О.Л. Габелко со ссылкой на Ю.Н. Кузьмина любезно сообщил автору настоящего доклада об эпиграфическом памятнике из Македонии, в котором фигурирует типично восточноэллинистическое обозначение категории зависимого населения *λαοί*⁹⁷; а С.Ю. Сапрыкин, как

⁹⁴ Diakonoff et al. 1989, v. 2, 18–24; Ladynin 2024a, 53–59.

⁹⁵ Diakonoff et al. 1989, v. 2, 15–18.

⁹⁶ Ladynin 2005; Oellig 2023.

⁹⁷ Лаои упоминаются во фрагментарной надписи из района Кирра, датируемой, видимо,

говорилось выше, придает в своей концепции большое значение формированию такого эллинистического института, как царское землевладение, в Понтийском и Боспорском царствах. Констатируя такие явления, не следует, однако, приписывать эллинизму некую эманацию, которая как-то самопроизвольно переносит на новую почву будто бы сопряженные с нею социальные структуры (тем более что, например, во Фракии эти структуры, по наблюдениям Сапрыкина, не прижились). Скорее следует думать о специфике ситуаций и мотивов, которые ориентировали правителей названных государств на создание структур, аналогичных восточноэллинистическим. Как Боспорское царство и Понт, так, в общем, и Македония были исторически сравнительно молодыми образованиями, к наступлению эллинизма только начавших превращаться в полноценные территориальные государства: естественно, что их правители нуждались в создании материальной опоры для своей власти. Нет сомнений, что первичной для появления в этих государствах ориентализирующих структур была именно эта нужда, а не принесшая их каким-то мистическим образом «эманация эллинизма», – хотя последний, конечно, предоставлял для создания таких структур готовые и работоспособные модели.

Разумеется, у нас нет в мыслях оспаривать, что для эллинистического мира был характерен интенсивный культурный синтез, который был признан главным диагностическим признаком этого явления в концепции Зельина и региональную типологизацию которого предпринял О.Л. Габелко. Правда, в связи с этим необходимы некоторые оговорки, одну из которых мы уже делали: не надо переоценивать активность и масштаб восприятия греческой культуры народами Востока⁹⁸. Так, в частности, развитие древнеегипетской религии и тесно с нею связанных культуры и искусства идет в эпоху Птолемеев в целом по их собственным закономерностям, без особого воздействия эллинского начала, хотя и с поправкой на отдаление чужеземных правителей от их египетских подданных, на сомнения в их способностях осуществлять миссию царей-ритуалистов и на определенную деформацию исконных религиозных практик в фактическое отсутствие их главного агента. Вторая оговорка состоит в следующем: мы постоянно говорим о греко-восточном взаимодействии, значимом для нас как для наследников именно греческой цивилизации, но упускаем из виду, что на Ближнем и Среднем Востоке существовало множество культур, далеких друг от друга не меньше, чем каждая из них – от культуры греческой. Между тем взаимодействие между ними тоже происходило, причем оно началось опять же значительно раньше времени Александра, еще в рамках восточных межрегиональных держав: так, его важной предпосылкой стало превращение арамейских языка и письма в средство общения по всему этому региону начиная

первой половиной III в. до н.э. (*Epigraphes Katō Makedonias* II. 2. 401. l. 31).

⁹⁸ Ladynin 2018, 197–198; 2024b, 80.

с новоассирийского периода, а окончательно широкая и тесно интегрированная ойкумена Ближнего и Среднего Востока складывается в ахеменидское время. Несомненно, без доэллинистического этапа в сложении «единого мира» данного макрорегиона не было бы и известных нам интенсивных взаимодействий в эллинистическом мире.

В то же время мы не так часто задумываемся, что именно породило востребованность межкультурных контактов, о которых идет речь, и, в частности, широкого распространения культов благих божеств, которое мы видим начиная с эллинистического времени, и эпицентром которого были страны Востока. На наш взгляд, пресловутая «эманация эллинизма» и в этом случае была ни при чем: скорее следует задуматься о том, что к середине и второй половине I тыс. до н.э. повсеместно начинает слабеть связь людей с общинными структурами, в которые они изначально были интегрированы. Мы уже упомянули этот процесс применительно к Греции, где его фактором был кризис полиса; однако на Ближнем и Среднем Востоке его стимулировали болезненное имущественного расслоение и политика «мировых держав», ударявшая по традиционным общинным структурам и часто приводившая к их разрушению; а фокусом, к которому можно возвести все эти факторы, в конечном счете опять же оказываются процессы железного века. В греческом мире как в позднюю классику, так и в эпоху эллинизма множатся ситуации, в которых жизнь людей (например, торговцев или наемных воинов) предполагает их большую мобильность и протекает вообще вне полисных структур; несомненно, такой же мобильностью были отмечены и многие жизненные ситуации в «едином мире» Ахеменидской державы. Ослабление традиционных структур и интегрированности в них людей закономерно ведет, с одной стороны, к сокращению влияния древних ритуалистических религий, поддерживавшихся этими структурами, а с другой – к нарастанию потребности людей в моральной и социальной поддержке, которая исходила бы от новых религиозных течений (прежде всего, от культов благих божеств) и от новых структур, формирующихся вокруг них. Мы упомянули децентрализацию и отчасти деформацию религиозной жизни Египта под властью македонских царей: казалось бы, этот процесс подстегнуло именно начало эллинизма, но и он не является его сугубой принадлежностью, поскольку ситуации, когда место традиционных царей-ритуалистов (не только Египта, но и, например, в Вавилонии) занимали чужеземные завоеватели, систематически возникали и раньше в ходе экспансии «мировых держав» и иных процессов I тыс. до н. э. Собственно говоря, именно совокупность этих тенденций и определяет мировоззренческую ситуацию пресловутого «осевого времени» и востребованность того самого «греко-восточного синтеза» в религиозной сфере (на самом деле, более сложной системы взаимодействий, включающей также эволюцию религий и религиозные контакты внутри собственно мира Ближнего

и Среднего Востока), который считается приметой эллинизма и достигает максимума, как уже говорилось, в римское время.

Подводя некоторый итог нашим соображениям, можно сказать, что историческая ситуация, которую мы привыкли называть эллинизмом, состоит из проявлений сразу целого ряда процессов. Импульс практически ко всем ним был задан за несколько веков до этого тенденциями железного века, но все же они были разнородны и разворачивались по присущей им логике в разных регионах, пока их не совместила в рамках одной ойкумены такая колоссальная «случайность», как завоевание Александра. То, что часто принимается за единую сущность эллинизма, скорее следует считать конкретными формами, которые эти разнородные процессы приняли после времени Александра, – формами, действительно в значительной мере схожими по их причастности эллинской культуре, по той роли, которую в них играли заимствования, порожденные условиями межкультурного синтеза, и по обеспечивающей связь между этими процессами единой «рамке», сформированной македонской традицией царской власти. На наш взгляд, именно последний момент и должен определять финальную хронологическую границу эллинизма: говорить о его существовании применительно ко времени, когда в разных регионах перестает существовать политическая форма македонской в своей основе эллинистической царской власти и господство переходит к «постэллинистическим» восточным династиям или к Риму, едва ли имеет смысл.

В заключение вернемся к приведенным в начале нашей статьи словам У. Тарна об эллинизме как «условной этикетке» для цивилизации, сложившейся после времени Александра, и о невозможности подобрать для развивавшегося в ее условиях процесса «единое определение». Как видно из наших построений, в некотором смысле мы признаем справедливость этих слов, считая такое определение если не невозможным, то во всяком случае несравненно более обширным и распадающимся на отдельные составляющие, чем представлялось до сих пор. Недавно в частном разговоре наш коллега О.Л. Габелко усмотрел в том, чтобы «прятаться за афористичную фразу Тарна», проявление исследовательского малодушия. Напомним, однако, предшествующие этой фразе слова британского ученого: «Для того чтобы получить правильную картину, мы должны рассмотреть совокупность всех явлений...». Позволительно спросить, в чем больше малодушия, – в следующем этим словам комплексном и многофакторном, безусловно требующем коллективных усилий анализе процессов, совокупность которых мы привыкли обозначать понятием «эллинизм», или в продолжении попыток приписать этому понятию отсутствующую у него единую субстанциональность и вывести некую адекватную ей «золотую формулу», способную сменить концепцию Зельина? На этот вопрос каждый из исследователей этой

эпохи ответит себе сам.

ЛИТЕРАТУРА

- Andreau, J. 1991: [The Influence of M.I. Rostovtseff on the Development of the Western European and Northern American Science]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 166–176.
- Андро, Ж. Влияние М.И. Ростовцева на развитие западноевропейской и североамериканской науки. *ВДИ* 3, 166–176.
- Archibald, Z.H., Davies, J.K., Gabrielsen, V. (eds.) 2011: *The Economies of Hellenistic Societies, Third to First Centuries BC*. Oxford.
- Bagnall, R.S. (ed.) 2021: *Roman Egypt. A History*. Cambridge.
- Balakhvantsev, A.S. 2020: [Disputes about Hellenism]. *Vostok (Oriens)* 4, 21–31.
<https://doi.org/10.31857/S086919080010805-2>.
- Балахванцев, А.С. Споры об эллинизме. *Восток (Oriens)* 4, 21–31.
- Bickerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov* [The Seleucid Institutions]. Moscow.
- Бикерман, Э. *Государство Селевкидов*. М., 1985.
- Borza, Eu. N. 1992: *In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon*. Princeton.
- Diakonoff, M.M. 1961: *Ocherk istorii drevnego Irana* [An Outline of the History of Ancient Iran]. Moscow.
- Дьяконов, М.М. *Очерк истории древнего Ирана*. М.
- Diakonoff I.M., Neronova V.D., Svetsitskaya I.S. (eds.) 1989: *Istoriya drevnego mira* [A History of the Ancient World]. 3 vols. 3rd ed. Moscow.
- Дьяконов, И.М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С. (ред.). *История древнего мира*. В 3 т. 3-е изд. М.
- Droyzen, I.G. 1890–1893: *Istoriya ellinizma* [History of Hellenism]. Vols. 1–3. Moscow.
- Дройзен, И.Г. *История эллинизма*. Т. 1–3. М..
- Dunand, Fr. 1973: *Le culte d'Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. 2. Le culte d'Isis en Grèce* (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 26/2). Leiden.
- Erskine, A. (ed.) 2003: *A Companion to the Hellenistic World*. Malden (Ma.); Oxford; Carlton (Va).
- Gabelko, O.L. 2005: [The Dynastic History of the Hellenistic Monarchies of Asia Minor by the Data of Georgius Synkellos Chronography]. *Antiquitas aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal* [Antiquitas aeterna. The Classical Journal of the Volga Region] 1. Kazan', 86–106.
- Габелко, О.Л. Династическая история эллинистических монархий Малой Азии по данным «Хронографии» Георгия Синкелла. *Antiquitas aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* 1. Казань, 86–106.
- Gabelko, O.L. 2006: *Anatoliyskoye etnopoliticheskoye koyne i osobennosti ellinizma v Maloy Azii (na primere Vifiyskogo tsarstva)* [Anatolian Ethno-Political Koine and the Features of Hellenism in Asia Minor (on the Example of the Kingdom of Bithynia)]. Abstract of a Doctoral Dissertation. Kazan'.
- Габелко, О.Л. *Анатолийское этнополитическое койне и особенности эллинизма в Малой Азии (на примере Вифинского царства)*. Автореф. дисс.... д.и.н. Казань.
- Gabelko, O.L. 2009: [Once Again on the Problem of 'Pre-Hellenism']. In: *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ehllinisticheskom mire. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora F.W. Walbanka* (Kazan', 9–11 dekabrya 2009 g.) [Politics, Ideology and History Writing in the Hellenistic and Roman World. Proceedings of the International Scholarly Conference Commemorating the 100th Anniversary of Prof. F.W. Walbank (Kazan', 9–11 December 2009)]. Kazan', 171–181.
- Габелко, О.Л. Еще раз о проблеме «предэллинизма». В сб.: *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка* (Казань, 9–11 декабря 2009 г.). Казань, 171–181.

- Gabelko, O.L. 2013: [Once Again on the Problem of 'Post-Hellenism']. In: *Istorik v istoricheskom i istoriograficheskom vremeni. Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.S. Shofmana. Kazan', 13-15 noyabrya 2013 g.* [Historian in the Historical and the Historiographical Times. Proceedings of the International Forum Commemorating the 100th Anniversary of Prof. A.S. Shofman. Kazan', 13–15 November 2013]. Kazan', 121–126.
- Габелко, О.Л. 2013: Еще раз о проблеме «постэллинизма». В сб.: *Историк в историческом и историографическом времени. Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань, 13-15 ноября 2013 г.* Казань, 121–126.
- Gabelko, O.L. 2018: [Polemic Notes on the Historical Destiny of Polis in the Time of Hellenism]. In: O.L. Gabelko et al. (eds.), *ΠΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchenniy yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova* [ΠΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies in the Classical History and Culture. Papers in Honour of I.E. Surikov's Anniversary]. Moscow–Saint Petersburg, 180–190.
- Габелко, О.Л. Полемические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма. В кн.: О.Л. Габелко и др. (ред.), *ΠΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова. М.; СПб.*, 180–190.
- Gabelko, O.L. 2025: [The Hellenistic World as a 'Unity in Diversity' A New Conceptual Approach]. In: *Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya "XXIII Sergeevskie chteniya". Sbornik tezisev* [The All-Russian Scholarly Conference "23rd Sergeev's Readings. Abstracts"]. Moscow, 54–55.
- Габелко, О.Л. Эллинистический мир как «единство многообразия»: новый концептуальный подход. В сб.: *Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов.* М., 54–55.
- Gaibov V.G., Koshelenko G.A., Serditykh Z.V. 1992: [The Hellenistic East]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: vostok i zapad* [Hellenism: East and West]. Moscow, 10–59.
- Гаибов, В.Г., Кошеленко, Г.А., Сердитых, З.В. Эллинистический Восток. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: восток и запад.* М., 10–59.
- Giuman, M. 1999: Metamorfosi di una dea: Da Artemide ad Iside in un santuario di Dion. *Ostraka* 8, 427–446.
- Grandjean Y. 1975: *Une nouvelle arétalogie d'Isis à Maronée (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 49)*. Leiden.
- Hammond, N.G.L. 1989: *The Macedonian State: Origins, Institutions and History*. Oxford.
- Hammond, N.G.L., Lemprière, G. 1967: *Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and the Topography of Epirus and Adjacent Areas*. Oxford.
- Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*.
- Iossif, P., Lorber, C. 2021: Monetary Policies, Coin Production, and Currency Supply in the Seleucid and Ptolemaic Empires. In: C. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.), *Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires: Integration, Communication, and Resistance*. Cambridge, 191–230.
- Karttunen, K. 1997: *India and the Hellenistic World* (Studia Orientalia 83). Helsinki.
- Kirillova, M.N. 2020: ["I'm a Factlover": Sergey Zhebelyov and Soviet Ancient History in the Early 1930s]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"* [The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")] 11/1(87). <https://doi.org/10.18254/S207987840008205-4>.
- Кириллова, М.Н. «Я – фактопоклонник»: С. А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11/1(87).
- Kirillova, M.N. 2022: [The story of Zhebelev's best known article as told by its author. A postscript to "The last Paerisades and the Scythian rebellion in the Bosporan Kingdom"]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 82/2, 473–484. <https://doi.org/10.31857/S032103910020347-4>.

Кириллова, М.Н. История самой известной статьи С.А. Жебелёва, рассказанная ее автором. Послесловие к статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». ВДИ 82/2, 473–484.

Kudriavtsev, O.V. 1957. *Issledovaniia po istorii Balkano-Dunaiskikh oblastei v period Rimskoi imperii i stat'i po obshchim problemam drevnei istorii* [Studies in the History of the Balkan and Danube Provinces under the Roman Empire and Papers on the General Problems of Ancient History]. Moscow.

Кудрявцев, О.В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М.

Klimov, O.Yu. 2022: [Eduard Meyer. Life Devoted to Research.] In: Klimov, O.Yu. (ed.) *Eduard Meyer ob istorii, rabstve i ekonomike drevnikh obshchestv* [Eduard Meyer on History, Slavery and Economy of Ancient Societies]. Saint Petersburg, 7–91.

Климов, О.Ю. Жизнь, посвященная науке. В кн.: О.Ю. Климов (ред.), *Эдуард Мейер об истории, рабстве и экономике древних обществ*. СПб., 7–91.

Kloppenborg, J.S. 2020: *Greco-Roman Associations: Texts, Translations, and Commentary. III. Ptolemaic and Early Roman Egypt* (Beihefte zur Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft 246). Berlin–Boston.

Koshelenko, G.A. 1983a: [Introduction. Ancient Greek polis.] In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiia polisa* [Classical Greece. Problems of the polis' Development]. Vol. 1. Moscow, 9–36.

Кошеленко, Г.А. Введение. Древнегреческий полис. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. М., 9–36.

Koshelenko, G.A. 1983b: [The Greek polis and the Problems of Economic Development.] In: E.S. Golubtsova (ed.), *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiia polisa* [Classical Greece. Problems of the polis' Development]. Vol. 1. Moscow, 217–246.

Кошеленко, Г.А. Греческий полис и проблемы развития экономики. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. М., 217–246.

Koshelenko, G.A. 1990: [Hellenism: Disputes about the Essence]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura* [Hellenism: Economy, Politics, Culture]. Moscow, 7–13.

Кошеленко, Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности. В сб.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 7–13.

Ladynin, I.A. 2004: [Main Stages of the Ptolemaic Royal Cult in the Context of the General Evolution of Egyptian Hellenism]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Research and Publications on the History of the Ancient World] 3, 145–184.

Ладынин, И.А. Основные этапы царского культа Птолемеев в контексте общей эволюции египетского эллинизма. *Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира* 3, 145–184.

Ladynin, I.A. 2005: [The Ancient Topos of 'Dominion over Asia' and the Concept of Continuous Supra-Regional Statehood in the Near and Middle East in the 1st Millennium B.C.]. In: "Edubba vechna i postoyanna": *Materialy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.M. D'yakonova* ["Edubba is Eternal and Constant": Proceedings of the Conference Dedicated to the 90th Anniversary of I.M. Dyakonov]. Saint Petersburg, 151–160.

Ладынин, И.А. Античный топос «владычества над Азией» и концепция непрерывной надрегиональной государственности на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н. э. В сб.: «Эдубба вечна и постоянна»: *Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения И.М. Дьяконова*. СПб., 151–160.

Ladynin, I.A. 2006: [The Concept of χώρα δορίκτητος and the Genesis of Hellenistic Royal Power (The Age of Alexander the Great and the Diadochi)]. In: *Istoricheskoye znaniye: teoreticheskiye osnovaniya i kommunikativnyye praktiki. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, Kazan', 5–7 oktyabrya 2006 g.* [Historical Knowledge: Theoretical Foundations and Communicative Practices. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference, Kazan, October 5–7, 2006]. Moscow, 362–365.

- Ладынин, И.А. Понятие х́ора δορίκτητος и генезис эллинистической царской власти (эпоха Александра Великого и диадохов). В сб.: *Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы Всероссийской научной конференции, Казань, 5–7 октября 2006 г.* М., 362–365.
- Ladynin, I.A. 2016a: [Egyptian and Greek Components in the Life-Time Cult of Alexander the Great]. In: S. Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: Kul’t praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire (Trudy Istoricheskogo fakul’teta MGU imeni M.V. Lomonosova 82; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya 39)* [‘Gods among Men’: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World (Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 82. Series II. Historical Studies 39)]. Moscow, 191–229.
- Ладынин, И.А. Египетские и греческие составляющие в прижизненном царском культа Александра Великого В кн.: С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин (ред.). *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 82; Серия II: Исторические исследования 39).* М.–СПб., 191–229.
- Ladynin, I.A. 2016b: [The Dynastic Cult and the Eponymous Priesthood of the Ptolemies]. In: S. Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *“Bogi sredi lyudey”: Kul’t praviteley v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire (Trudy Istoricheskogo fakul’teta MGU imeni M.V. Lomonosova 82; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya 39)* [‘Gods among Men’: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World (Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 82. Series II. Historical Studies 39)]. Moscow, 265–312.
- Ладынин, И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. В кн.: С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин (ред.). *«Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 82; Серия II: Исторические исследования 39).* М.–СПб., 265–312.
- Ladynin, I.A. 2018: [The Concept of Hellenism in Soviet and Post-Soviet Historiography: Stadiality and Regularity or Historical Concreteness and Chance?]. *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]* 65, 185–206. <https://doi.org/10.21267/AQUILO.2018.65.20769>
- Ладынин, И.А. Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадильность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем* 65, 185–206.
- Ladynin, I.A. 2024a: [The Ancient Greek Polis: From Homoarchy to Heterarchy and Back]. In: D.M. Bondarenko, G.V. Aleksandrov (eds.), *Printsipy i formy sotsiokul’turnoy organizatsii: istoricheskie konteksty vzaimodeystviya [Principles and Forms of Sociocultural Organization: Historical Contexts of Interaction]*. Moscow, 51–79.
- Ладынин, И.А. Древнегреческий полис: от гомоархии к гетерархии и обратно. В кн.: Д.М. Бондаренко, Г.В. Александрова (ред.), *Принципы и формы социокультурной организации: исторические контексты взаимодействия.* М., 51–79.
- Ladynin, I.A. 2024b: *Ocherki po istorii sovetской nauki o drevnosti [Essays on the History of Soviet Studies of Antiquity]*. (Trudy Istoricheskogo fakul’teta MGU imeni M.V. Lomonosova 249; Ser. II: Istoricheskie issledovaniya 172) [Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 249. Series II. Historical Studies 172]. Moscow.
- Ладынин, И.А. *Очерки по истории советской науки о древности.* (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 249; Исторические исследования 172). М.
- Ladynin, I.A., Nemirovsky, A.A. 2018: Manetho and His Work in a New Monograph. Dillery, J. *Clio’s Other Sons. Berossus and Manetho: A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt.* Ann Arbor, 2015. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 78/4, 1032–1052. <https://doi.org/10.31857/S032103910002918-2>.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. Манефон и его труд в новом монографическом исследовании. J. Dillery. *Clio’s Other Sons. Berossus and Manetho A Discussion of the First*

- Written Histories of Babylon and Egypt. Ann Arbor, 2015. ВДИ 78/4, 1032–1052.
- Marek, Ch. 2017: *Geschichte Kleinasiens in der Antike*. 3rd ed. München.
- Meadows, A. 2013: The Ptolemaic League of the Islanders. In: K. Buraselis, M. Stefanou, D.J. Thompson (eds.), *The Ptolemies, the Sea and the Nile: Studies in Waterborne Power*. Cambridge, 19–38.
- Meyer, Ed. 2022a: Theoretical and Methodological Issues of History. Philosophical and Historical Studies. In: O.Yu. Klimov (ed.), *Eduard Meyer ob istorii, rabstve i ekonomike drevnikh obshchestv* [*Eduard Meyer on History, Slavery and Economy of Ancient Societies*]. Saint Petersburg, 91–156.
- Мейер, Эд. Теоретические и методологические вопросы истории. Философско-исторические исследования. В кн.: О.Ю. Климов (ред.), *Эдуард Мейер об истории, рабстве и экономике древних обществ*. СПб., 91–156.
- Meyer, Ed. 2022b: [The Economic Development of the Ancient World.] In: O.Yu. Klimov (ed.), *Eduard Meyer ob istorii, rabstve i ekonomike drevnikh obshchestv* [*Eduard Meyer on History, Slavery and Economy of Ancient Societies*]. St. Petersburg, 157–250.
- Мейер, Эд. Экономическое развитие древнего мира. В кн.: О.Ю. Климов (ред.), *Эдуард Мейер об истории, рабстве и экономике древних обществ*. СПб., 157–250.
- Oellig, M. 2023: *Die Sukzession von Weltreichen. Zu den antiken Wurzeln einer geschichtsmächtigen Idee. (Oriens et Occidens 38)*. Stuttgart.
- Olbrycht, M.J. 2010: Macedonia and Persia. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Malden–Oxford, 342–369.
- Olbrycht, M.J. 2014: “An Admirer of Persian Ways”: Alexander the Great’s Reforms in Parthia–Hyrcania and the Iranian Heritage. In: T. Daryaee, A. Mousavi, K. Rezakhani (eds.), *Excavating an Empire: Achaemenid Persia in Longue Durée*. Costa Mesa, 37–62.
- Pakkanen, P. 1995: *Interpreting Early Hellenistic Religion: A Study Based on the Mystery Cult of Demeter and the Cult of Isis*. Helsinki.
- Pavlovskaya 1998: [“From Citizen to Subject” – Did This Process Take Place in Greece in the 4th Century B.C.?]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 15–30.
- Павловская, А.И. «От гражданина к подданному» – имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н.э.? ВДИ 4, 15–30.
- Ranovich, A.B. 1950: *Ellinizm i yego istoricheskaya rol'* [*Hellenism and Its Historical Role*]. Moscow–Leningrad.
- Ранович, А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л. Rostovtzeff, M.I. 1928a: Ptolemaic Egypt. In: S.A. Cook et al. (eds), *The Cambridge Ancient History. Vol. VII. The Hellenistic Monarchies and the Rise of Rome*. Cambridge, 109–154.
- Rostovtzeff, M.I. 1928b: Syria and the East. In: S.A. Cook et al. (eds), *The Cambridge Ancient History. Vol. VII. The Hellenistic Monarchies and the Rise of Rome*. Cambridge, 155–196.
- Rostovtzeff, M.I. 1941: *The Social and Economic History of the Hellenistic World*. Vols. 1–3. Oxford.
- Rostovtzeff, M.I. 2003: [Hellenism as a Term. Characteristic Features of This Epoch and the Significance of Hellenism in the History of Mankind]. In: G.M. Bongard-Levin, Yu.N. Litvinenko (eds.), *Parfyanskiy vystrel* [*The Parthian Shot*]. Moscow, 309–317.
- Ростовцев, М.И. Эллинизм как термин. Характерные черты этой эпохи и значение эллинизма в истории человечества. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, Ю.Н. Литвиненко (ред.). *Парфянский выстрел*. М., 309–317.
- Salditt-Trappmann, R. 1970: *Tempel der ägyptischen Götter in Griechenland und an der Westküste Kleinasiens (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain 15)*. Leiden.
- Saprykin, S.Yu. 2008: [On the Chronological Boundaries of the Notion of Hellenism]. In: A.Yu. Dvornichenko (ed.), *Istoriya: mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sbornik nauchnykh statey k 75-letiyu so dnya rozhdeniya prof. E.D. Frolova* [*History: The World of the Past in Modern Interpretation. Collection of Scientific Articles for the 75th Anniversary of Prof. E.D. Frolov*]. Saint Petersburg, 213–234.
- Сапрыкин, С.Ю. О хронологических границах понятия эллинизма. В сб.: А.Ю. Двор-

- ниченко (ред.), *История: мир прошлого в современном освещении. Сборник научных статей к 75-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова*. СПб., 213–234.
- Saprykin, S.Yu. 2018: [Hellenism in the Pontic Region]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporos Studies*] 35, 126–168.
- Сапрыкин, С.Ю. Эллинизм в Причерноморье. *Боспорские исследования* 35, 126–168.
- Saprykin, S.Yu. (ed.) 2024a: *Kafedra istorii drevnego mira istoricheskogo fakul'teta MGU (1934–2024 gg.)* (*Trudy Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* 250; Ser. II: *Istoricheskie issledovaniya* 173) [*The Department of Ancient History of the Faculty of History, Moscow State University (1934–2024) (Works of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 250. Series II. Historical Studies 173)*]. Moscow.
- Сапрыкин, С.Ю. (отв. ред.). *Кафедра истории древнего мира исторического факультета МГУ (1934–2024 гг.)*. (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова 250; Серия II: Исторические исследования 173). М., 2024.
- Saprykin, S.Yu. 2024b: [Hellenism as a Social-Economic Phenomenon]. *Drevnosti Bospora* [*Antiquities of the Bosporus*] 29, 367–388. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.369-390>.
- Сапрыкин, С.Ю. Эллинизм как социально-экономическое явление. *Древности Боспора* 29, 367–388.
- Schneider H. 1990: Die Bücher-Meyer Kontroverse. In: Calder III W.M., Demandt A. (Hgg.). *Eduard Meyer. Leben und Leistung eines Universalhistorikers* (*Mnemosyne Supplementband*; 112). Leiden, 417–445.
- Shelov-Kovedyaev, F.V. 2025: [Once Again on “Proto-Hellenism” in the Bosporus]. In: *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [*Historical, Cultural, International, Religious and Political Ties of the Crimea with the Mediterranean Region and the Countries of the East. Proceedings of the 9th International Scientific Conference*]. Vol. 1. Moscow, 232–236.
- Шелов-Коведяев, Ф.В. Снова о «протоэллинизме» на Боспоре. В сб.: *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы IX Международной научной конференции*. Т. 1. М., 232–236.
- Sizov, S.K. 2023: [E.A. Molev and the Discussion on “Proto-Hellenism” and Hellenism in the Bosporus]. In: *Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev i sovremennye problemy antikovedeniya: Materialy nauchnoy konferentsii “Istoriko-arkheologicheskiy simpozium pamyati professora Evgeniya Aleksandrovicha Moleva”*, Institut mezhdunarodnykh otnosheniy i mirovoy istorii NNGU im. N.I. Lobachevskogo, Nizhniy Novgorod, 22 yanvarya 2022 g. [Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev and Contemporary Problems of Classical Studies: Proceedings of the Scientific Conference “Historical and Archaeological Symposium in Memory of Professor Evgeniy Aleksandrovich Molev”, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, January 22, 2022]. Nizhny Novgorod, 133–151.
- Сизов, С.К. Е.А. Молев и дискуссия о «протоэллинизме» и эллинизме на Боспоре. В сб.: *Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения: Материалы научной конференции «Историко-археологический симпозиум памяти профессора Евгения Александровича Молева»*, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 22 января 2022 г. Нижний Новгород, 133–151.
- Shtaerman, E.M. 1985: [From Citizen to Subject]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kul'tura drevnego Rima* [*Culture of Ancient Rome*]. Vol. 1. Moscow, 22–105.
- Штаерман, Е.М. От гражданина к подданному. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 22–105.
- Shtaerman, E.M. 1992: [Hellenism in Rome]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: vostok i zapad*

- [*Hellenism: East and West*]. Moscow, 140–176.
- Штаерман, Е.М. Эллинизм в Риме. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: восток и запад*. М., 140–176.
- Surikov, I.E. 2006: *Ostrakizm v Afinakh* [*Ostracism in Athens*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Остракизм в Афинах*. М.
- Surikov, I.E. 2010: [The Greek Polis of the Archaic and Classical Epochs]. In: V.V. Dement'eva, I.E. Surikov (eds.), *Antichnyy polis* [*The Ancient Polis*]. Moscow, 8–54.
- Суриков, И.Е. Греческий полис архаической и классической эпох. В кн.: В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (ред.), *Античный полис*. М., 8–54.
- Surikov, I.E. 2014: [Some Problems of Bosphoran Politogenesis in the 5th–4th Centuries BC (“A View from Hellas”)]. In: A.V. Podossinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy: 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [*The Earliest States of Eastern Europe: 2012: Problems of Hellenism and the Formation of the Bosphoran Kingdom*]. Moscow, 76–122.
- Суриков, И.Е. Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («Взгляд из Эллады»). В сб.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы: 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 76–122.
- Surikov, I.E. 2015: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi: Na poroge novogo mira* [*Ancient Greece: Politicians in the Context of the Epoch: On the Threshold of a New World*]. Moscow.
- Суриков, И.Е. *Античная Греция: политики в контексте эпохи: На пороге нового мира*. М.
- Surikov, I.E. 2022: [On Some Peculiarities of Hellenistic Civilization: Polemical Notes]. *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”] 2, 44–60. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-2-44-60>
- Суриков, И.Е. О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 2, 44–60.
- Surikov, I.E. 2023: [Once Again on the “Disputes about Hellenism”]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 92–107. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.369-390>.
- Суриков, И.Е. Вновь к «спорам об эллинизме». *ПИФК* 1, 92–107.
- Tarn, W.W. 1949: *Ellinisticheskaya tsivilizatsiya* [*Hellenistic Civilisation*]. Moscow.
- Тарн, В. *Эллинистическая цивилизация*. М.
- Utchenko, S.L. 1977: *Politicheskie ucheniya drevnego Rima. III–I vv. do n.e.* [*Political Doctrines of Ancient Rome. 3rd–1st Centuries B.C.*]. Moscow.
- Утченко, С.Л. *Политические учения древнего Рима. III–I вв. до н.э.* М.
- Zavoykin, A.A. 2007: [The Bosphoran Monarchy: From Polis Tyranny to a Territorial State]. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavrilyuk (eds.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy: Ol'viya, Skifiya, Bospor* [*The Ancient World and the Barbarians in the South of Russia and Ukraine: Olbia, Scythia, Bosphorus*]. Zaporozhye, 219–243.
- Завойкин, А.А. Боспорская монархия: от полисной тирании к территориальной державе. В кн.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (глав. ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор*. Запорожье, 219–243.
- Zarapin, R.V. 2020: [Hellenism: On Disputes About the Definition]. In: N.I. Vinokurov (ed.), *Drevniy mir: istoriya i arkheologiya* [*The Ancient World: History and Archaeology*]. Moscow, 60–67.
- Зарапин, Р.В. Эллинизм: к спорам об определении. В сб.: Н.И. Винокуров (ред.), *Древний мир: история и археология*. М., 60–67.
- Zelinskiy, F.F. 1995: *Soperniki khristianstva* [*Rivals of Christianity*]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Зелинский, Ф.Ф. *Соперники христианства*. 2-е изд. СПб.
- Zel'in, K.K. 1951: [Review of: Ranovich, A.B. *Ellinizm i yego istoricheskaya rol'* (Hellenism and Its Historical Role). Moscow–Leningrad, 1950]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient*

- History*] 2, 142–150.
- Зельин, К.К. Рец.: Ранович, А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950. *ВДИ* 2, 142–150.
- Zel'in, K.K. 1955: [Some Basic Problems of the History of Hellenism]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 22, 99–108.
- Зельин, К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма. *Советская археология* 22, 99–108.
- Zhebelev, S.A. 1934: [Main Lines of the Economic Development of the Bosporan State]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR* [*Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR*] 8, 589–674.
- Жебелев, С.А. Основные линии экономического развития Боспорского государства. *Известия АН СССР* 8, 589–674.
- Zhmud, L. 2021: Mikhail Rostovtzeff and the Modernization of Antiquity. *Hyperboreus* 27/1, 115–133. <https://doi.org/10.36950/hyperboreus.zt4k-2157>.

Anacharsis
1/1 (2026), 160–178
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 160–178
© The Author(s) 2026

DOI:

ПОЗДНЯЯ ТРОИКА ДЛЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ О.В. СМЫКИ*

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Аннотация: Посмертно были опубликованы три книги переводов из античной и византийской литературы, выполненных О.В. Смыкой; многие из этих переводов увидели свет впервые. В данной заметке рассматриваются тексты из этих книг, авторы которых (от Флавия Филострата, II–III вв. н.э., до Иоанна Цецца, XII в.) обращались к событиям Троянской войны. Подчеркивается, что целый ряд памятников, которые ранее были недоступны русским читателям, не владеющим классическими языками, теперь благодаря О.В. Смыке может войти в круг их чтения, и это следует только приветствовать.

Ключевые слова: позднеантичная литература, мифология, Троянская война, О.В. Смыка, переводы

LATE TROIKA FOR RUSSIAN READERS: AN UNFINISHED PROJECT OF O.V. SMYKA

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Abstract: Three books of translations from ancient and Byzantine literature by O. V. Smyka were published posthumously; many of these translations appeared for the first time. This note deals with texts from these volumes whose authors, ranging from Flavius Philostratus in the second–third centuries CE to John Tzetzes in the twelfth century, treated events of the Trojan War. The note emphasizes that a number of works that had previously been inaccessible to Russian readers without knowledge of the Classical languages can now, thanks to O. V. Smyka, be included in their reading, a development that is to be welcomed.

Keywords: Late Antique literature, mythology, Trojan War, O.V. Smyka, translations

Ольгу Викторовну Смыку (1945–2022) многие знают прежде всего как замечательного филолога-преподавателя, «почти полвека учившего студентов на кафедре древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова»⁹⁹. Автор этих строк сам может с максимальной ответственностью сказать

* Данные об авторе. Суриков, Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный

о себе, что именно благодаря ученичеству у нее (в свою аспирантскую пору, 1991–1994 гг.) смог полноценно овладеть классическими языками (хотя и ранее, разумеется, имел учителей по этой дисциплине, но они запомнились в несравненно меньшей степени).

Но это могло бы стать темой отдельного разговора. А здесь мы хотим подчеркнуть, что при всей своей преподавательской загруженности О.В. Смыка никогда не прекращала и труд филолога-ученого, который – оговорим сразу – у нее имел свою специфику. Ольге Викторовне, человеку творческому, тонко и глубоко чувствующему, имеющему вкус к поэзии, ближе было не написание сухих текстов исследовательского характера¹, а непосредственная работа с памятниками античной словесности, работа, стоящая на грани собственно науки и литературы. Речь идет о ее деятельности как переводчика с классических языков.

Немало выполненных ею переводов было опубликовано при ее жизни, но в полной мере объем того, что она сделала на этой ниве, стал ясен после кончины Ольги Викторовны. Вышло три книги, одна из которых² была подготовлена на кафедре древних языков МГУ под редакцией заведующего ею А.В. Подосинова, а другие две³ составил супруг покойной – математик Александр Исаакович Штерн⁴. О вошедших в эти книги переводческих работах справедливо было сказано, что в них «глубокое понимание языка оригинала сочетается с тонким поэтическим чутьем»⁵. Конкретно это выражается вот в чем (прежде всего применительно к переводам стихотворным): «будучи приближенными к оригиналу с точки зрения метрики, лексики и грамматики, то есть входя тем самым в круг так называемых “точных” переводов, переводы О.В. Смыки в то же время обладают и признаками так называемого “вольного” перевода, что не только

научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН.

¹Podossinov 2023, 6. Не можем не посетовать на то, что в последнее время начало распространяться обыкновение (проявившееся и в процитированном здесь тексте А.В. Подосинова), говоря об Ольге Викторовне, не склонять ее фамилию. Это идет вразрез с правилами русского языка и может порождать недоразумения: человек, посторонний нашему «цеху», прочтя где-нибудь «перевод О.В. Смыка», однозначно поймет это в том смысле, что переводчиком является мужчина по фамилии Смык. Мы решительно недоумеваем, какова причина этой новой манеры. Может быть, этим выполняется воля самой Ольги Викторовны? Категорично заявляем: нет. Откроем ее переводы, опубликованные при жизни и, стало быть, отражающие ее волю, – и увидим, что там стоит совершенно верное «перевод О.В. Смыки». Да и по личному общению знаем, что она склоняла свою фамилию.

¹ Были у нее и такие, но в довольно небольшом количестве. Некоторые из них посмертно переизданы в: Smyka 2023a, 9–58.

² Smyka 2023a.

³ Smyka 2022; Smyka 2023b.

⁴ Также со всеми тремя книгами в электронном варианте можно ознакомиться на сайте <http://smyka.persona.msu.ru>

⁵ Teperik 2023, 60.

не удаляет от подлинника, но, напротив, приближает к нему»⁶. Мы, со своей стороны, добавили бы, что это, пожалуй, высшая похвала, какой только может удостоиться труд переводчика.

Хронологический диапазон произведений, переведенных Ольгой Викторовной и вошедших в книги, о которых идет речь, составляет около 2 тысяч (!) лет – от древнегреческих народных песен⁷, сложившихся в эпоху архаики, если не раньше, до сочинений авторов палеологовского времени (из них особенно широко представлен Мануил Фил⁸); столь же широк их жанровый и тематический спектр. Мы ни в малейшей мере не взяли бы писать рецензию на столь колоссальный труд, тем более что, скажем, в области византийской литературы не обладаем необходимыми компетенциями, практически не имея опыта специальной работы с ней. Мы здесь ставим перед собой гораздо более узкую задачу: остановимся на одном блоке переводов (о чем идет речь – в первой приближении обозначено в заголовке этой заметки, а из дальнейшего изложения станет яснее), который сам по себе даже в количественном плане производит сильное впечатление.

Троянская война и весь огромный круг сюжетов, связанных с ней, с ее предысторией, с ее последствиями, наверное, всегда волновал и античных, и послеантичных писателей, вызывал непрекращающийся интерес. Уже в архаический период появляются посвященные этой тематике киклические поэмы⁹. Их почти полная (не считая незначительных фрагментов) утрата очень болезненна. Ведь в «Илиаде» и «Одиссее» представлены лишь отдельные эпизоды из троянской мифологии, а кикл давал эту мифологию полностью: от основания Трои, с одной стороны, и свадьбы Фетиды и суда Париса – с другой (и даже с обещания Зевса Гее-Земле облегчить носимое ею людское бремя) до гибели Одиссея от руки Телегона, по неведению убившего собственного отца).

За кикликами следовали, начиная с VI в. до н.э., прозаики-мифографы¹⁰. которых троянская тема тоже, разумеется, привлекала. Данные по ней содержались у всех крупнейших представителей этого жанра – Акусилая Аргосского (Acusil. FGrHist. 2. F39–F43), Ферекида Афинского (Pherec. FGrHist. 3. F136–F144), Гелланика Лесбосского. У последнего имелось даже специальное сочинение в двух книгах Τρωϊκά («Троянские дела»), из которого до нас

⁶ Teperik 2023, 60.

⁷ Smyka 2023b, 132–137.

⁸ Smyka 2022, 537; Smyka 2023a, 201–270.

⁹ О них см., например: Barron, Easterling 2003; Papaioannou 2007; Tsagalis 2016.

¹⁰ О них теперь есть фундаментальное двухтомное исследование: Fowler 2007; Fowler 2013. Первый том представляет собой издание сохранившихся фрагментов мифографов, второй содержит комментарий, а также статьи-personalia о всех ранних представителях этого жанра. Впрочем, отнюдь не пришла еще пора «списывать в архив» и соответствующий том эпохального издания Ф. Якоби FGrHist (ссылаемся на последнее по времени переиздание: Jacoby 1995a – тексты, Jacoby 1995b – комментарий).

дошло значительное количество фрагментов, подчас пространных (Hellen. FGrHist. 4. F23–F31, F138–F156)¹¹. Но опять же перед нами именно фрагменты, только фрагменты...

Троянский цикл легенд представлен, разумеется, в мифографических компендиумах (Псевдо-)Аполлодора¹² и Гигина, но это предельно скучные, даже неудобочитаемые сводки сырого материала, их и к литературе-то причислить трудно. А в то же время в поздней античности, да еще и в Византии, регулярно появлялись вполне художественные тексты, авторы которых обращались к событиям Троянской войны, в том числе и к тем (пожалуй, в первую очередь к тем), которые не отражены у Гомера. Авторы эти, следует также оговорить, подчас ставили своей целью не только дополнить «великого слепца»¹³, но и скорректировать его, поспорить с ним, подвергнуть его критике, опровергнуть его мнение по тому или иному вопросу, дать альтернативную версию...

Эта поздняя Τρωϊκά в России всегда была практически неизвестна, но теперь ситуация коренным образом изменилась – именно потому, что досадный пробел решила ликвидировать О.В. Смыка. Одним из важнейших направлений ее переводческой работы многие годы были относящиеся к данной теме сочинения. При ее жизни лишь малое количество этих переводов увидело свет (поэмы Трифиодора, Коллуфа и, кажется, только первая часть «гомеровской» трилогии Цеца). Остальное лежало «в столе», как говорили раньше (теперь, видимо, нужно говорить «в компьютере»), ждало своего часа и вот, наконец, дождалось. Точнее, это отечественные читатели дождались столь щедрого подарка, открывающего для них новые сокровища античной (и послеантичной, но всецело ориентированной на античную традицию) словесности.

Мы сейчас перейдем к обзору этих памятников, которые будут рассматриваться не в том порядке, в каком они помещены в трех книгах О.В. Смыки, а в хронологической последовательности создания этих текстов (в ряде случаев – приблизительной, поскольку в точности она не всегда вполне ясна). Среди них есть как прозаические, так и стихотворные; в переводе стихов, как

¹¹ Фрагменты Акусилая, Ферекида, Гелланика издавались на русском в нашем переводе: Surikov 2020; Surikov 2021; Surikov 2022.

¹² Ныне решительно преобладает мнение, что «Мифологическая библиотека» приписана знаменитому эллинистическому эрудиту Аполлодору Афинскому по ошибке и, стало быть, ее автора корректнее именовать Псевдо-Аполлодором. См., например: Michels 2021.

¹³ О «великом слепце» говорим, разумеется, чисто метафорически и по традиции. На самом деле мы совершенно уверены: биографических данных о Гомере слишком мало для того, чтобы утверждать о нем ответственно что бы то ни было, помимо констатации самого того факта, что существовал аэд Гомер (это, во всяком случае, нам представляется бесспорным). Даже то, были ли он в действительности слеп или нет, не может быть ни доказано, ни опровергнуто. Наша позиция представлена в: Surikov 2017. Д.В. Панченко в недавней книге о Гомере (Panchenko 2016) идет так далеко, что показывает нам, на каком конкретно этапе его жизни поэта постигла слепота. Столь уверенный взгляд на далекое прошлое кажется нам в известной мере отходом от весьма трезвых принципов, продемонстрированных тем же автором в Panchenko 1990.

говорилось и выше, Ольга Викторовна была особенно виртуозна. Но начать придется с произведения, написанного в прозе; оно является одним из самых объемных и, пожалуй, одним из самых парадоксальных во всем корпусе поздней Τρωϊκά.

Принадлежит оно весьма видному писателю рубежа II–III вв. н.э. Флавию Филострату, одному из главных представителей течения «Второй софистики», а также представителю знаменитой литературной семьи Филостратов¹⁴. Его важнейшие труды – биография Аполлония Тианского и сборник жизнеописаний «софистов» (по большей части фигурируют там именно деятели «Второй софистики») русскому читателю уже доступны, а теперь пришла пора «Диалога о героях» (Ἡρωϊκός)¹⁵.

Действие в диалоге происходит на европейском берегу Геллеспонта, то есть напротив Трои, на полуострове Херсонесе Фракийском, близ городка Элеунта, где показывали курган Протесилая – ахейского вождя, погибшего в первый же день Троянской войны, при высадке с корабля¹⁶. Действуют два персонажа: местный житель, виноградарь, и проезжий гость, эллинизированный финикиец. Из их оживленной беседы мы узнаем, что виноградарю часто является дух Протесилая, витающий близ могилы, и рассказывает ему немало интересного о событиях, которые он видел и до десятилетней осады Трои, так и во время ее, то есть будучи как живым, так и уже мертвым. Предлагается, по сути, именно новая версия войны, особенность которой – акцент на ее второстепенных участниках. У Филострата эксплицитно сказано¹⁷: «Ведь многое из того, что герой (Протесилай – И.С.) рассказывает о мужах и событиях войны, большинству еще неизвестно. Вот и причина. Он говорит, что в своей страсти к поэмам Гомера большинство людей, глядя только на Ахиллеса и Одиссея, пренебрегают добрыми и смелыми людьми... Герой говорит, что Ахиллес прославляется в песнях (Гомера – И.С.) достойно, но Одиссеей слишком долго» (Philostr. *Heroic*. 14. 1–2).

Кстати, обратим внимание на проявляющуюся здесь «анти-одиссеевскую» тенденцию, которая встретится нам и в дальнейшем, а у Филострата проступает достаточно отчетливо. В памятниках, где эта тенденция прослеживается, неоднозначной фигуре Одиссея всегда противопоставляется его «во всех отношениях положительный» визави – погубленный им Паламед (который в «Илиаде»

¹⁴ О Флавии Филострате и семье Филостратов в целом существует, разумеется, обильная литература. На русском языке теперь имеются две большие, одновременно информативные и яркие статьи Е.Г. Рабинович, много и интенсивно работавшей над этими сюжетами: Rabinovich 2017a; Rabinovich 2017b.

¹⁵ Smyka 2023b, 470–544.

¹⁶ «Курган Протесилая», упоминаемый уже Геродотом (Herod. IX. 116), действительно существует; это раннеэгейский памятник III тыс. до н. э. (Surikov 2013, 11).

¹⁷ Все цитаты из рассматриваемых здесь текстов приводятся, разумеется, в переводе О.В. Смыки.

вообще не упоминается)¹⁸. Весьма характерен следующий пассаж: «Был в Трое один земледелец... Этот человек очень близко к сердцу принимал участь Паламеда и оплакивал его... У него также была собака, которую он специально научил с ласковым видом нападать на людей, так он назвал ее Одиссеем и бил ее за Паламеда, и выслушивал этот Одиссей от хозяина бесчисленные проклятья» (Philostr. *Heroic*. 21. 2–3). В результате крестьянин этот в конце концов удостоился-таки чести увидеть дух самого Паламеда.

В диалоге особенно подробно рассказывается о событиях, которые имели место до Троянской войны и, соответственно, не могли войти в «Илиады», в частности, о вторжении ахейцев в Мисию (по утверждению Протесилая-Филострата, оно произошло не по недоразумению, а с намеренной целью пограбить богатую область), о битве их с Телефом. Потом покойный герой высказывает свое мнение о Гомере – во многом положительное, но содержащее и критику. «Порицает же он Гомера вот за что: во-первых, за то, что он перемешивает богов и людей, и о людях говорит высокое, а о богах – низкое и постыдное. Во-вторых, за то, что Гомер, прекрасно зная, что Елена оказалась вместе с Парисом унесенной ветром в Египет, все-таки выводит ее на стену Илиона...» (Philostr. *Heroic*. 25. 10).

Далее следуют выразительные характеристики-экфразы различных гомеровских героев: Нестора, Сфенела, Филоктета, того же Паламеда (о нем сказано наиболее подробно) и остальных, – кажется, едва ли не всех. Приведем выдержки из характеристики Одиссея: «Был он очень искусен и силен в речах, увертливый, большой завистник, и восхвалитель коварств, всегда подтверждавший ложное свидетельство. Унылый, он всегда был осторожен (κατηφῆ τε ἀεὶ καὶ οἷον ἐλεσκεμμένον). В военном же деле он скорее считался выдающимся, нежели таковым был, – ведь не был он ни знатоком вооружения и снаряжения, ни порядка морского боя и штурма городских стен, ни умелым стрелком и копьеметателем. Дел он совершил немало, но ничего особо достойного восхищения... В Илион он пришел, уже будучи пожилым, на Итаку же вернулся совсем состарившись... Он для любовных дел был уже немолод, нос имел приплюснутый и маленький, глаза у него бегали от мыслей и подозрений. Он имел вид мыслящего человека, а это в любовных делах прелести не составляет. Но, как бы там ни было, он погубил Паламеда, который бы и умнее, и доблестнее его» (Philostr. *Heroic*. 34. 1–6).

Кстати, в пассаже об Одиссее Филострат устами Протесилая заявляет, что все содержащиеся во второй гомеровской поэме рассказы о его странствиях и сопровождавшим их чудесам, «о Полифеме, Антифате, Скилле и его путешествии в Аид и о пении сирен» (Philostr. *Heroic*. 34. 4), – в чистом виде вымысел,

¹⁸ Об образе Паламеда и его отражении в античной литературе см., например: Clúa Serena 2006; Lampe 2020.

в отличие от содержания «Илиады». Автором дается оригинальное объяснение причин, по которым Гомер «выгораживает» Одиссея и «затушевывает» Паламеда: поэт, готовясь создать свои шедевры, прибыл-де на Итаку, вызвал душу Одиссея и попросил рассказать все о Троянской войне. Согласие от Одиссея он получил только под тем условием, что «прославит и воспоеет в своем творении его мудрость и смелость» (Philostr. *Heroic*. 43. 13), а о Паламеде умолчит.

Наиболее подробна в диалоге характеристика Ахилла, в которой опять же Гомер и оспаривается (Ахилл не сражался с рекой Скамандром, Philostr. *Heroic*. 48. 12), и дополняется (Ахилл и Елена на острове Левке в Понте Евксинском, (Philostr. *Heroic*. 54. 1 sqq.). Перевод памятника О.В. Смыка выполнила простым, чистым, ясным русским языком, вполне соответствующим манере оригинала. «Диалог о героях», пожалуй, можно назвать «шуткой мастера» (а Филострат был действительно большим мастером-ритором). Сочинения, о которых речь пойдет теперь, напротив, серьезны (два из них скорее квази-серьезны; из дальнейшего станет ясно, о чем идет речь). Идя в хронологическом порядке, следует перейти к Трифиодору. Этот крайне малоизвестный поэт до относительно недавнего времени даже сколько-нибудь точной датировке не поддавался, и лишь папирусные публикации 1970-х гг. позволили установить, что он жил и творил в III в. н.э.¹⁹ О.В. Смыкой переведена небольшая (одна песнь, чуть менее 700 стихов) поэма Трифиодора «Взятие Илиона» (или «Разрушение Илиона»)²⁰; этот перевод впервые был опубликован еще при ее жизни, в 2020 г. Сюжет, таким образом, ясен: действие в поэме разворачивается тогда, когда

...Мертвый Пелид poleg уже рядом с товарищем мертвым,
Нестор уже Антилоха оплакал, любимого сына,
Самоубийственной раной Аякс свое мощное тело
Ранил и гибельный меч وباгрил исступленной кровью.
(Triphiodor. 17–20)

Вкратце упомянув о важнейших событиях, имевших место после того момента, на котором заканчивается «Илиада» (Мемнон, амазонки, пророчество Гелена, прибытие Неоптолема), Трифиодор переходит к основному эпизоду, которому посвящено его произведение, начиная с постройки Эпеем деревянного коня, который подробно описывается:

Мастер коня сотворил, меж широких боков приспособив
Чрево настолько пространное, что по размеру не меньше

¹⁹ Smyka 2023a, 59.

²⁰ В Smyka 2023a, 60–75 поэма опубликована под заголовком «Взятие Илиона», а в Smyka 2023b, 273–294 (к слову оговорим, что некоторые переводы присутствуют как в томе под редакцией А.В. Подосинова, так и в одном из томов, составленных А.И. Штерном) – под заголовком «Разрушение Илиона», хотя во вступительной заметке О.В. Смыки там же значится «Взятие Илиона» (Smyka 2023b, 271). В оригинале – Ἀλωσις Ἰλίου, чему несколько лучше соответствует «Взятие Илиона». Текстуально оба варианта перевода, кажется, совпадают, хотя детальной сверкой мы не занимались.

Было оно, чем корабль, и вмещало, конечно, не меньше.
 Мастер приделал и шею коню под полою грудью,
 В темную гриву его вкропил²¹ он золота блески,
 Пышная грива волной стекала с изогнутой шеи,
 Лента из конских волос держала ее на макушке.
 Вставил в глазницы Эпей и глаза из камней драгоценных, –
 Взял он берилл голубой, аметист с кровавым оттенком,
 И при смещении глаза двойным заблистали отливом,
 Очи из синих камней были будто бы кровью налиты.
 Белые зубы коню умелец в челюсти вставил,
 Словно хотели уже удила закусить эти губы!
 В пасти огромной коня скрыл мастер такие отверстия,
 Чтоб выпускали дыхания²² тех, кто запрячется в чреве, –
 Свежий живительный воздух втекал через конские ноздри.
 Уши прямые коню на макушке приладил умело, –
 Звуки трубы уловить всегда они были готовы.
 Сзади приделал он гибкий хребет, поясницу и спину,
 И с ягодицами гладкими бедра, сопрягши, приладил.
 Хвост же пушистый²³ коня концом по земле волочился,
 Вниз по нему бахрома, как лоза, опускалась витая,
 К пегим коленям и стройные ноги мастер приделал,
 Ноги, что бег обратить в полет, вот только без крыльев,
 Были способны, да их нужда держала на месте.
 Не был тот конь неподкован – легко поднимал он копыта,
 Были покрыты они черепаховым панцирем ярким,
 Чуть лишь касаясь земли могучею медной подковой.
 Сделал искусную лестницу²⁴ мастер и дверь на запоре,
 Сбоку пристроил ее, потайную, – она пропускала
 Внутрь и наружу засадный отряд славоконных ахейцев.
 Лестницу ту размотать и обратно смотать было можно,
 Это был путь и спуститься, и снова наверх устремиться,

²¹ Когда мы впервые это прочли, подумалось: не опечатка ли? Да и компьютер подчеркнул слово «вкропил» как несуществующее. Возникло подозрение, что должно быть «вкрапил», т.е. речь идет о золотых вкраплениях в гриву. Консультация с текстом оригинала показала, что там стоит ἐπιρρίψας, причастие от ἐπιρρίπτω – «брызгать, кропить на что-то». Только тут нам пришлось в голову то, о чем раньше как-то не приходилось задумываться: «вкраплять» и «окроплять» – однокоренные слова с чередованием а/о в корне. «Крапает», «накрапывает» – говорят о редком дожде. «Вкрапления» – это, в сущности, «капли», естественная метафора, как бы порожденная языком. В свете сказанного неологизм О.В. Смыки «вкропил», пожалуй, можно назвать удачей: грива коня покрыта каплями золота, она окроплена им (хотя золото здесь – не жидкость).

²² Употребление множественного числа здесь небесспорно. Кажется, принято даже применительно к многим людям говорить о «дыхании», а не «дыханиях».

²³ Не самый ожидаемый эпитет. В отличие от хвоста, скажем, лисы или белки, хвост лошади, состоящий из грубого конского волоса, трудно назвать «пушистым». В оригинале – ἔκλυτος οὐρί, свободно висящий хвост (т.е., видимо, неподвязанный).

²⁴ Вновь несколько спорный оборот. Лестница, предмет неодушевленный, вряд ли может быть искусной; искусен мастер, который ее изготовил. В оригинале – κλίμακα τυκτήν, искусно сделанную лестницу. Понимаем, что написать в переводе «сделал искусно сделанную лестницу» было невозможно: и тавтология, и в размер не укладывается. Мы бы, со своей стороны, не мудрствуя лукаво перевели: «Сделал удобную лестницу». Из сказанного ниже видно, что главной похвальной чертой этой лестницы являлось именно то, что ею было удобно пользоваться.

Ремни на морде коня и на шее лоснящейся тоже
 Были увиты красивой гирляндой цветом разноцветных,
 И украшали узду, что конем повелительно правит,
 Гнутых колец завитки, – сплав мести и кости слоновой.
 Вот наконец, над огромным конем завершилась работа.
 В поножь с приделанным к ней колесом обувает умелец
 Каждую ногу коня, – теперь он будет послушен
 Тем, кто потащит его, – а иначе и с места не стронуть.
 Так и сиял этот конь красотой, вселяющей ужас,
 Мощный, огромный, – его несомненно, – и всем так казалось, –
 Будь он живым, тотчас же угнал бы Арес-конелюбец
 (Triphiodor. 62–105)

Мы намеренно привели столь пространную цитату (в дальнейшем будем от такого воздерживаться). Во-первых, очень уж колоритная экфразеа перед нами. Во-вторых (и это главное), заговорив о стихотворных переводах О.В. Смыки, хотелось сразу продемонстрировать стиль этих переводов, а это лучше сделать на примере не маленького, в 3–4 строки, отрывка, а более обширного. Стиль, как можно видеть, яркий, выразительный, с использованием богатых лексических средств (в некоторых случаях их применение вызывает определенные сомнения, высказанные нами в примечаниях, но эти частные промахи, без которых не обходились даже самые лучшие, классические переводы, не следует придавать особенного значения).

Притом сразу чувствуется, что переводчик ориентируется не на «традицию Гнедича» в интерпретации памятников античного эпоса, а скорее на «традицию Вересаева». Иными словами, используются нормы современного русского литературного языка, а архаизмы (в лексике, синтаксисе и пр.) последовательно избегаются. Какая из этих двух традиций (а за обеими стоит уже авторитет времени, проверку которым и та, и другая успешно выдержали) имеет большее право на существование? Вопрос очень сложный, и ответ на него зависит, в числе прочего и от вкусовых пристрастий. В свое время мы писали по поводу перевода «Илиады» и «Одиссеи», выполненного в советское время П.А. Шуйским²⁵, который проводил принцип «осовременивания» даже утрированно, вводя такие слова, как «балласт» и т.п.: «П.А. Шуйский... считал сугубую “осовремененность” своего перевода Гомера безусловным достоинством, – а, соответственно, “устарелость” классических переводов безусловным недостатком. Но так ли это на самом деле? И Гнедич, и его читатели считали те самые “ланиты” и “выи”, наоборот, не недостатком, а огромным достоинством. Именно из-за них, не приходится сомневаться, Пушкин написал свое знаменитое “Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...”. И не услышал бы его, если бы у Гнедича были “щеки” и “шеи”. Ведь, подчеркнем, хотя Гнедич, – по большому счету, поэт пушкинской эпохи (старший современник и

²⁵ Shuyskiy 2017.

друг самого Пушкина), но язык его перевода “Илиады” – это ни в коей мере не язык русской художественной литературы первой половины XIX в. Гнедич изобильно вставлял в текст архаизмы совершенно сознательно, а не по какому-то недоумию; он налагал на памятник “патину старины”»²⁶.

Чтобы не показалось, что автор этих строк теперь противоречит сам себе, разясним: одно дело – Гомер, который уже в классическую эпоху греческой истории воспринимался как поэт глубокой древности, и другое дело – памятники позднеантичного (и еще более позднего эпоса). На последних никакой «падины старины» заведомо не было. А то, чего не было, и переводе передавать не имеет смысла (делать это было бы даже некоторой фальшью). Соответственно, применительно к этим памятникам «традиция Вересаева» представляется вполне уместной.

От поэмы Трифиодора (которая завершается, как и положено, красочной картиной насилий и бесчинств ахейцев в горящей Трое) перейдем к следующему произведению – поэме Квинта Смирнского «После Гомера»²⁷ (название в греческом оригинале – *Οἱ μεθ' Ὅμηρον λόγοι*, в изданиях также часто употребляется в латинском варианте *Posthomeric*). Традиционная датировка Квинта – IV в. н.э.²⁸ Поэма весьма велика: 14 песней! Впрочем, о ней все-таки нельзя сказать, что она больше «Илиады» или «Одиссеи», в которых по 12, поскольку песнь Квинта, как правило, короче песни Гомера.

Начинает Квинт строго с того места, где закончилась «Илиада» («Так погребали они конеборного Гектора тело», *Hom. II. XXIV. 804*):

После того, как погиб от Пелида божественный Гектор,
Тело предали огню, а останки земля схоронила,
В граде Приама закрылись троянцы, объятые страхом.
(*Quint. I. 1–3*)

Каждая песнь поэмы «После Гомера», как правило (хотя есть и исключения), посвящена какому-нибудь одному законченному эпизоду осады Трои. В первой песни повествуется о прибытии амазонок во главе с Пентесилеей²⁹, их сражении с ахейцами и гибели царицы от руки Ахилла. Герой второй песни – Мемнон, подвергшийся точно такой же участи, как амазонка, но перед этим, правда, успевший убить сына Нестора Антилоха, одного из колоритных героев «Илиады»:

²⁶ Surikov 2018, 222.

²⁷ Smyka 2022, 3–282.

²⁸ Berkowitz, Squitier 1986, 283.

²⁹ Так в переводе О.В. Смыки. У нас нередко пишут и «Пенфесилея». Передача греческой тэты (*Πενθεσίλεια*) русским ф несколько более укоренена в русской переводческой традиции. Если оставаться в кругу мифологических героев, можно вспомнить о царе Фив Пенфее (корень тот же самый), вступившем в борьбу с Дионисом и погибшем от рук менад, возглавляемых его матерью Агавой («Вакханки» Еврипида). Нам, кажется, не встречалось, чтобы кто-нибудь называл его Пентеем.

Тут он сразил Несторида – хоть славным копейщиком был он, –
 В грудь, повыше сосца. Копье через сердце проходит,
 И, как всегда при раненье таком, наступает кончина³⁰.
 Так погиб Антилох, и скорбь охватила данайцев...
 (Quint. II. 257–260)

В третьей песни гибнет сам Ахилл, причем от стрелы самого Аполлона (чаще в традиции – от стрелы Париса, направляемой Аполлоном). Точнее, не сразу гибнет, а получает смертельную рану, после которой еще убивает несколько троянцев перед тем, как скончаться самому. Тема четвертой песни – погребальные игры, устроенные Фетидой по сыну (безошибочно прочитываемой моделью, как и во всех подобных случаях, служат погребальные игры по Патроклу в «Илиаде»). В пятой песни – спор о доспехах Ахилла между Аяксом и Одиссеем и все, что последовало за ним, вплоть до самоубийства Аякса. В шестой – прибытие Эврипила с его «кетейцами»³¹ на подмогу троянцам и его успехи в сражении с противниками. В седьмой в ахейском лагере появляется сын Ахилла Неоптолем, привезенный со Скироса. В восьмой он убивает Эврипила. В девятой под Трои привозят (и исцеляют) теперь уже Филоктета, в десятой его меткий выстрел из Гераклова лука наносит смертельную рану Парису:

Лук поднимает Парис, но, его обогнав, попадает
 Отпрыск любезный Пойанта³² стрелою с отточенным жалом

³⁰ К этой строке привлечем внимание. Она со всей очевидностью показывает, что перед нами ни в коей мере не «традиция Гнедича»: тут перед нами даже какой-то неожиданный прозаизм. Заодно не можем не отметить, что в первой строке цитаты не очень удачно два раза употреблено местоимение «он»; в результате становится не вполне ясным, что «славным копейщиком» был Несторид (Антилох), а не Мемнон. В подобных ситуациях обычно употребляется противопоставительная пара местоимений «он – тот». Кроме того, вряд ли можно сразить кого-то в грудь. Лучше – «поразить».

³¹ Сюжет о «кетейцах» – один из самых загадочных в троянской мифологии. Как считается, он отразил смутные воспоминания о каком-то вмешательстве хеттов в борьбу за Трою. См. к вопросу: Gindin, Tsymburskiy 1996, 271–302.

³² У нас имя отца Филоктета чаще пишут в варианте «Пеант». Отдельный и сложный, даже болезненный вопрос, который мы затронем здесь лишь «самым краешком», – о пресловутом «переводе» древнегреческих имен собственных на новые языки. Этот вопрос, кстати, является еще более болезненным в англоязычной литературе, где в связи с ним немало сломано копий. Там можно встретить как приверженцев латинизированной формы, так и ее противников. Среди последних опять же есть как более, так и менее последовательные; например, *χ* даже они чаще передают через *ch*, редко встретишь более точное, но и более экзотичное *kh* (хотя есть и такие случаи, например: Kinzl 1991). В предисловии практически к любой англоязычной книге можно встретить абзац, где автор излагает свою позицию по этому вопросу, но обычно в конце концов констатирует, что полная последовательность все равно невозможна ввиду наличия ряда прижившихся написаний, не согласующихся ни с какой нормой. Есть такие и у нас; перечислять их было бы долго, но несколько колоритных примеров не помешает привести. Алкивиад с этим реликтовым «архи-рейхлиновым» в, Эзоп с режущим глаз и ухо латинизированным з... Но переучиться на «Алкибиада» и «Эсопа» мы, конечно, никогда уже не сможем, да и наши потомки, надо полагать, тоже. Или вот: Посейдон (при том, что философ-стоик с производным от этого теонима именем в отечественной литературе фигурирует обычно как Посидоний). Тесей

В область, что паха повыше, и боле не в силах сражаться,
 Быстро бежал Приамид, как пес перед львом отступает...
 Так и Парис удалился из боя, и сердце пронзала
 Страшная мука и боль...
 (Quint. X. 239–245)

В одиннадцатой песни, кажется, ничего особенного не происходит: «просто воюют»... Сюжет двенадцатой – «троянский конь»; вот описание Квинтом этого артефакта (заметим, намного более лаконичное, чем у Трифиодора):

...Эпей изготовил
 Ноги коню деревянному сам, за ногами и чрево,
 Спину на нем укрепил и круп ему сзади приладил.
 Спереди поднял он шею, на ней прикрепляется грива, –
 С шеи высокой свисала она, как живая, колышась,
 После и голову он сотворил, как положено, с челкой,
 Сзади приделал он хвост прегустой и уши поставил.
 Ясные сделал глаза и прочее все изготовил,
 Что приводило в движенье коня. Продвигалась работа.
 Дело священное шло, и конь, как живой, получался.
 (Quint. XII. 137–146)

В конце песни коня вводят в Трою, а в следующей, тринадцатой, ахейцы захватывают ее. Наконец, в последней, четырнадцатой песни победители торжествуют, делят добычу и отплывают на родину. Последняя выразительная сцена в поэме – гибель Аякса Меньшего во время разразившейся бури.

Мы переходим к двум весьма своеобразным литературным памятникам, чаще всего датирующимся в литературе V в. н.э. (хотя иногда говорят и о IV веке), созданным в прозе на латинском языке и приписанным участникам и очевидцам самой Троянской войны. Оба они тоже переведены О.В. Смыкой; речь идет о «Дарете Фригийском»³³ и «Диктисе Критском»³⁴. Намеренно пишем оба эти имени в кавычках: если обойтись без них, неискушенный читатель легко может подумать, что Дарет и Диктис – реальные авторы соответствующих

(некоторые переводчики употребляли более последовательное «Фесей», но не приживается!). Аякс и Эант: первый вариант с его *кс* и некорректен и, как нам кажется, даже менее благозвучен, а между тем решительно преобладает в употреблении именно он. Автор этих строк, и сам имея переводческий опыт, лично для себя сформулировал вот какой принцип: по возможности последовательно ориентироваться на нормы, но при этом учитывать традиции, а также доверять и собственной интуиции. Рассмотрим вот какой пример. Дифтонг *oi* в целом принято передавать у нас через *е* (Беотия, Эвбея) или, если слово с него начинается, через *э* (Эагр, отец Орфея). Но есть этолийский герой (отец Тидея), чье имя волей-неволей приходится писать «Ойней»: иначе произойдет ложная омонимизация с более известным троянцем Энеем (в его имени в оригинале дифтонг *ai*). Завершая этот экскурс, заметим: конкретно в этом месте мы, исходя из вышеизложенных принципов, все-таки поставили бы «Пеанта», этому ничто не препятствует.

³³ Smyka 2022, 326–360. У О.В. Смыки – Дарес. Такое написание допустимо, но мы предпочитаем «Дарет» (видимо, это дело вкуса, а о вкусах не спорят) и в дальнейшем тоже будем писать так.

³⁴ Smyka 2022, 361–474.

сочинений. А между тем, это даже не псевдонимы. Речь идет, в сущности, о фальсификатах. Перед нами – распространенная в античности практика, которую иногда называют «плагиатом наоборот»: некто ставит не свое имя под чужими произведениями, а чужие имена (как правило, окруженные «ореолом старины» и соответствующей авторитетностью) под своими произведениями.

Мы не будем здесь углубляться в очень непростой вопрос о возможных греческих оригиналах латинских текстов, о которых идет речь³⁵. Дадим очень краткую характеристику самих этих текстов. Труд «Дарета» невелик – всего лишь одна книга. Начинается он с очень дальних предпосылок Троянской войны, в число коих вписывается даже поход аргонавтов, которые, согласно автору, по пути в Колхиду хотели было посетить Трою, но ее царь Лаомедонт (отец и предшественник Приама) оскорбительно приказал им убираться. Геракл, будучи участником колхидской экспедиции, не стерпел обиды и впоследствии начал войну с Лаомедонтом, в результате которой последний погиб. Эту «Первую Троянскую» (или «Гераклову») войну основная ветвь легендарной традиции объясняет совершенно иными причинами (известная история с китом, которого убил Геракл).

Далее у «Дарета» привлекают внимание краткие, но достаточно яркие портретные зарисовки участников конфликта (как с ахейской, так и с троянской стороны), например: «Эней был рыжеволос, коренаст, красноречив, приветлив, храбр, но не безрассудно, благочестив, любезен; у него были черные глаза, блестящие и веселые» ([Dares] 12). Завершается же произведение без какого-либо «троянского коня»: Трою берут с помощью измены Антенора и Энея. Следует квазинаучное резюме с чудовищными цифрами: «Таким образом, Троянская война длилась 10 лет, 6 месяцев и 12 дней. Из войска аргивян, как указывает дневник, который вел Дарес, пало 886 тысяч человек, а троянцев до того момента, когда город был предан, 676 тысяч человек» и т.д. ([Dares] 44).

Сочинение «Диктиса» более пространно, оно включает шесть книг. Трою захватывают к концу пятой («троянский конь» появляется, но не играет столь уж значительной роли). Что интересно, ко времени уже после падения города «Диктис» относит эпизод с «обидой» Аякса, кончающейся его самоубийством, причем предметом спора между ним и Одиссеем служит не оружие Ахилла, а троянский палладий ([Dict.] V. 14–15). Тема шестой книги – возвращение героев на родину; впрочем, изложение доводится даже до гибели Одиссея от руки его сына Телегона (сюжет киклической поэмы «Телегония»).

Выше особенности стихотворных переводов О.В. Смыки комментировались довольно подробно; применительно же к специфике ее переводов в

³⁵ Применительно к «Дарету» см.: Zakharova 2021. В издании А.В. Захаровой приведено (отсутствующее у О.В. Смыки) «письмо Корнелия Непота Саллюстию Криспу» (тоже, естественно, фальсификат), служащее как бы предисловием к сочинению «Дарета». В нем говорится о том, что Непот якобы нашел в Афинах эту рукопись и перевел ее на латинский язык.

области прозы, как нам подумалось, уместно будет применить прием сравнения, который позволит лучше оттенить отличительные черты. Сравнить есть с чем: перед нами сейчас лежат рядом два русских «Дарета» (другой принадлежит А.В. Захаровой). Пробежимся по этим текстам и кое в каких местах их сопоставим.

Пассаж из начала памятника ([Dares] 1).

А.В. Захарова: «Царь Пелий, увидев, что люди так благосклонны к Ясону, стал опасаться, как бы сын Эсона не стал враждовать с ним и не изгнал бы его из царства. Он сказал Ясону, что в Колхиде есть позолоченная шкура барана, достойная его доблести, и чтобы он ее похитил; а царь обещает ему дать все, что угодно. Когда Ясон, человек мужественный, услышал это, то, желая узнать все страны и считая, что он прославится, если похитит из Колхиды позолоченную шкуру, он сказал царю Пелию, что согласен туда отправиться, если у него не будет недостатка в силах и спутниках».

О.В. Смыка: «Пелий, видя, как все относятся к Ясону, стал опасаться, как бы ему от сего не пострадать и власти не лишиться. И вот он говорит Ясону, что у колхов есть золотая шкура барана, достойная его доблести, и обещает дать ему все, что угодно, если он ее оттуда привезет. Ясон на это ответил царю Пелию, что поедет туда охотно – были бы только средства и сотоварищи, – ведь ему человеку храбрейшей души, хотелось все на свете повидать, и к тому же была надежда прославиться, привезя из Колхиды золотое руно».

Как можно видеть, смысловых расхождений почти нет (некоторые обороты у двух переводчиков даже дословно совпадают: «стал опасаться», «достойная его доблести» и т.п.). Несколько точнее предмет, за которым отправляется Ясон в Колхиду, назван «позолоченной» шкурой барана (в оригинале *inaurata*, не *aurea*). С другой стороны, за О.В. Смыкой в данном вопросе стоит давняя речевая традиция: у нас всегда говорят именно о *золотом* руно (хотя ясно, что золотой в прямом смысле слова, то есть состоящей из золота, баранья шкура быть не может).

Итак, содержание в обоих случаях передается идентично, аутентично, а вот интонация ощутимо разнится. У А.В. Захаровой она нейтральна и, мы бы сказали, суховата, напоминает больше тексты документального, чем литературного характера. У О.В. Смыки мы встречаем в большей степени разговорный и даже, пожалуй, сказовый слог. Характерно хотя бы вот это: «И вот он говорит Ясону...» – типичное именно для сказов (постоянно встречающееся, например, в древнерусских былинах) время *praesens historicum*. Интересно, что и в латинском оригинале настоящее время – *dicit*. Ясон, кстати, на слова Пелия тоже *dicit* (а не *dixit*) ему. Стоило ли и в переводе дать «...отвечает царю Пелию»? А вот это, кажется, было бы уже избыточно, несколько назойливо (во всяком случае, некое внутреннее стилевое чувство так говорит автору этих строк).

Продолжим сравнение, перейдя к некоторым из портретных характеристик героев «Дарета» (о которых упоминалось уже и выше).

[Dares] 13. А.В. Захарова: «Аякс Теламонов сильный, с громким голосом,

черными вьющимися волосами, прямодушный, жестокий к врагам». О.В. Смыка: «Аякс же Теламонид был могуч, у него был зычный голос, вьющаяся копна черных волос; душой он был прост, а к врагам беспощаден». Здесь можно отметить, что vox clara оригинала в первом случае передается через «громкий голос», во втором – через «зычный голос». Оба прилагательных вполне уместны, но второе – в литературном плане побогаче, если можно так выразиться.

[Dares] 13. А.В. Захарова: «Нестор большого роста, с загнутым длинным носом, широкоплечий, с белой кожей, искусный в советах, разумный». О.В. Смыка: «Нестор был крупный человек с длинным горбатым носом, полный, седой и разумный в советах». Здесь несколько выражений оригинала понято и передано переводчиками по-разному. Так, *latus* (буквально – широкий) – в первом случае «широкоплечий» (это, думается нам, вернее), во втором «полный». А вот что касается *candidus*, – наверное, здесь это все-таки «седой», как у О.В. Смыки. Старички, особенно в южных странах, не отличаются белой кожей. А что касается формы носа Нестора (*obuncus*), – безусловно, «горбатый» – правильно. «Загнутый нос» – так и не говорят.

Но двинемся дальше. На очереди – очень небольшая (одна песнь, менее 400 стихов) поэма малоизвестного (вновь приходится употреблять этот эпитет) автора Коллуфа «Похищение Елены»³⁶. В лексиконе «Суда» Коллуф датируется временем императора Анастасия, то есть рубежом V–VI вв. н.э. Иными, словами, здесь мы, если пользоваться принятой ныне периодизацией мировой истории, переходим уже из античности в византийское средневековье. Впрочем, в саму эпоху, о которой идет речь, переход этот на фоне передраг, сотрясавших тогда Средиземноморье, вряд ли был кем-то замечен и оценен как что-то «веховое». И если читать и сравнивать Коллуфа с Трифиодором, работавшим двумя или более веками раньше, какое-то принципиальное различие не бросится в глаза. Тот же гекзаметр, тот же эпический диалект... Их часто и трактуют-то вместе: поэму Коллуфа как «приквел» «Илиады», а поэму Трифиодора – как ее «сиквел»³⁷.

Нимфы Троадские, дщери, рожденные Ксанфом потоком,
Вы, кто порой, побросав на отчем берегу песчаном
Ленты из пышных кудрей и свои игрушки святы,
Вместе с толпой устремляетесь в пляске кружится идейской, –
Милость явите, поведайте мне о суде овцепаса!
(Colluth. 1–5)

Начинаясь с суда Париса, завершается произведение его прибытием в Трою с Еленой. Ближе к концу привлекает к себе внимание интересно амплифицированная сцена поисков матери покинутой Гермией.

Последний памятник, к которому мы переходим, намного позднее всех остальных. Иоанн Цец, как известно, жил в XII в. Среди колоссального наследия этого знаменитого эрудита к троянской тематике ближе всего относится

³⁶ Smyka 2023a, 96–105; 2023b, 299–311.

³⁷ Smyka 2023a: 95.

цикл из трех поэм: «До Гомера», «По Гомеру» и «После Гомера». Теперь благодаря О.В. Смыке мы имеем на русском языке все три³⁸. Это, в общем-то, конспект всей Τρωϊκά – от рождения Париса до падения Илиона³⁹, а открывает-ся он, можно сказать, «конспектом конспекта»:

Страшной войны Илионской смятенъе великое ныне,
Каллиопея, воспой устами моих песнопений.
Пой, начиная с начала, и все до конца мне поведай,
Как, Расскажи, Приам троянам чуму уготовил –
Гибельного ЗлоПариса, причину войны беспощадной,
Все сообщи, о чем не сказала Гомерова мудрость.
И об Аргивской Елене, сияющей сладостным ликом,
Как там ее в Илион Александр из Спарты доставил,
Плавание греков воспой, воспой корабли их подробно,
Гнев Ахиллеса воспой, и с ним – истребление ахейян,
Гибель Патрокла воспой, Сарпедона и Гектора гибель,
Пентесилею воспой, подобную мужу царицу,
Войско воспой эфиопов и сына Зари-Эригены,
Слезную гибель потомка Эака (Ахилла – И.С.) воспой нам подробно,
Сына его нам воспой, напомним и об Эврипиле,
Спой о пророке Гелене и том, кто убил Александра,
Пой о разрушившем город коне деревянном Эпея,
Как он помог, чтобы пали великие Трои твердыни...
(Tzet. *Antehom.* 1–18)

Приведя это в качестве краткого резюме всего обозрения троянской мифологии в поздней литературе, выскажем несколько итожащих суждений. Мы не случайно в заголовке данной заметки назвали проект незавершенным. При чтении переводов чувствуется, что Ольга Викторовна не успела навести на некоторые из них, как говорится, последний глянец, и шероховатости кое-где бросаются в глаза. Некоторые из них были нами отмечены выше, но не будем слишком придирчиво на них задерживаться. В начале первой по времени выхода из рассмотренных книг сделана специальная оговорка: «Это черновики, не судите строго»⁴⁰. «Черновики» – сказано, пожалуй, слишком уничижительно: перед нами отчасти готовые, отчасти (в меньшинстве случаев) – *почти* готовые переводы. В любом случае, учинять «не в меру строгий суд» над плодами творческого труда покинувшего нас человека было бы совершенно неуместно.

Не можем не заметить только, что рассмотренным здесь текстам очень не помешали бы комментарии, без которых их трудно читать даже специалисту. В переизданных теперь прижизненных публикациях комментарии есть, но в очень

³⁸ Первая часть – Smyka 2023a, 128–137; вторая и третья части – Smyka 2022, 284–324.

³⁹ Но без возвращения героев. В конце автор специально оговаривает, что у него нет сил описывать еще и эти сюжеты (Tzet. *Posthom.* 750 sqq.), а вместо того завершает установлением точной, по его мнению, даты разрушения Трои – за 428 лет до первой Олимпиады 776 г. до н.э., 12 фаргелиона (Tzet. *Posthom.* 761 sqq.).

⁴⁰ Smyka 2022, 3.

малом объеме, а те переводы, которые увидели свет посмертно, совершенно их лишены. Это еще одно последствие той же незавершенности работы. Тем не менее даже и несмотря на него сам тот факт, что целый ряд памятников, которые ранее были недоступны русским читателям, не владеющим классическими языками, теперь благодаря О.В. Смыке может войти в круг их чтения, следует только приветствовать.

ЛИТЕРАТУРА

- Barron, J.P., Easterling, P.E. 2003: The Cyclic Epics. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature*. Cambridge, 106–110. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521210423.011>
- Berkowitz, L., Squitier, K.A. 1986: *Thesaurus Linguae Graecae: Canon of Greek Authors and Works*. 2nd ed. New York–Oxford.
- Clúa Serena, J.A. 2006: Palamedeia (IV): acotaciones iconográfico-religiosas a la ‘Justizmord’ o muerte mítica de Palamedes. In: E. Calderón Dorda, A. Morales Ortiz, M. Valverde Sánchez (eds.), *Koinòs Lógos: homenaje al profesor José García López. T. I*. Murcia, 181–186.
- Fowler, R.L. 2007: *Early Greek Mythography. I. Texts*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Gindin, L.A., Tsymburskiy, V.L. 1996: *Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya* [Homer and history of the Eastern Mediterranean]. Moscow.
- Гиндин, Л.А., Цымбурский, В.Л.: *Гомер и история Восточного Средиземноморья*. М.
- Jacoby, F. 1995a: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist). Teil. I: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede. Text. Addenda. Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.
- Jacoby, F. 1995b: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist). Teil. I: Genealogie und Mythographie. a. Kommentar. Nachträge*. Leiden–New York; Köln.
- Kinzl, K.H. 1991: AP 22.4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos. *Klio* 73/1, 28–45. <https://doi.org/10.1524/klio.1991.73.73.28>
- Lampe, K. 2020: The Logos of Ethics in Gorgias’ *Palamedes, On what is not, and Helen*. In: D.C. Wolfsdorf (ed.), *Early Greek Ethics*. Oxford, 110–131. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198758679.003.0007>
- Michels, J.A. 2021: Traces of Satyr Dramas in the Mythographic Tradition: The Case of Pseudo-Apollodorus’ *Bibliotheca*. In: A.P. Antonopoulos, M.M. Christopoulos, G.W.M. Harrison (eds.), *Reconstructing Satyr Drama*. Berlin–Boston, 539–566. <https://doi.org/10.1515/9783110725230-026>
- Panchenko, D.V. 1990: *Platon i Atlantida* [Plato and Atlantis]. Leningrad.
- Панченко, Д.В.: *Платон и Атлантида*. Л.
- Panchenko, D.V. 2016: *Gomer, “Iliada”, Troya* [Homer, “Ilias”, Troy]. Saint Petersburg.
- Панченко, Д.В.: *Гомер, «Илиада», Троя*. СПб.
- Papaioannou, S. 2007: *Redesigning Achilles: ‘Recycling’ the Epic Cycle in the ‘Little Iliad’ (Ovid, Metamorphoses 12.1–13.622)*. Berlin–New York.
- Podossinov, A.V. 2023: Predislovie: ob etoy knige i ee avtore Ol’ge Viktorovne Smyka [Preface: on this book and its author Olga Viktorovna Smyka]. In: Smyka, O.V. *Issledovaniya i perevody iz pozdneantichnoy i vizantiyskoy literatury* [Studies and translations from Late Antique and Byzantine literature], 6–8.
- Подосинов, А.В.: Предисловие: об этой книге и ее авторе Ольге Викторовне Смыка. В кн.: Смыка О.В. Исследования и переводы из позднеантичной и византийской литературы, 6–8.
- Rabinovich, E.G. 2017a: Filostraty, skol’ko ikh ni est’ [Philostrati, however many they are]. In: E.G. Rabinovich (ed.), *Flaviy Filostrat. Zhizni sofistov* [Flavius Philostratus. The lives of sophists]. Moscow, 399–441.
- Рабинович, Е.Г.: Филостраты, сколько их ни есть. В кн.: Е.Г. Рабинович (ред.), *Флавий*

- Филострат. Жизни софистов*. М., 399–441.
- Rabinovich, E.G. 2017b: Flaviy Filostrat i ego sofisty [Flavius Philostratus and his sophists]. In: E.G. Rabinovich (ed.), *Flaviy Filostrat. Zhizni sofistov* [Flavius Philostratus. The lives of sophists]. Moscow, 442–486.
- Рабинович, Е.Г.: Флавий Филострат и его софисты. В кн.: Е.Г. Рабинович (ред.), *Флавий Филострат. Жизни софистов*. М., 442–486.
- Shuyskiy, P.A. 2017: *Gomer v perevode P.A. Shuyskogo* [Homer in P.A. Shuyskiy's translation]. Ekaterinburg.
- Шуйский, П.А.: *Гомер в переводе П.А. Шуйского*. Екатеринбург.
- Smyka, O.V. 2022: *Chernoviki perevodov* [Rough copies of translations]. Moscow.
- Смыка, О.В.: *Черновики переводов*. М.
- Smyka, O.V. 2023a: *Issledovaniya i perevody iz pozdneantichnoy i vizantiyskoy literatury* [Studies and translations from Late Antique and Byzantine literature]. Moscow.
- Смыка, О.В.: *Исследования и переводы из позднеантичной и византийской литературы*. М.
- Smyka, O.V. 2023b: *Perevody. Chernoviki perevodov* [Translations. Rough copies of translations]. Moscow.
- Смыка, О.В.: *Переводы. Черновики переводов*. М.
- Surikov, I.E. 2013: "Gellespont burnotechnyy" (Proliv mezhdu Egeidoy i Propontidoy i ego rol' v antichnoy istorii) ["The rapidly flowing Hellespont" (The strait between the Aegean and the Propontis and its role in ancient history)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4 (42), 3–44.
- Суриков, И.Е.: «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории). *ПИФК* 4 (42), 3–44.
- Surikov, I.E. 2017: *Gomer* [Homer]. Moscow.
- Суриков, И.Е.: *Гомер*. М.
- Surikov, I.E. 2018: Posle Gnedicha (po povodu knigi: Gomer v perevode P.A. Shuyskogo / Pod obshchey red. I.A. Letovoy. Ekaterinburg, 2017) [After Gnedich (apropos of the book: Homer in P.A. Shuyskiy's translation / Under general ed. of I.A. Letova. Ekaterinburg, 2017)]. *Studia historica* 16, 206–223.
- Суриков, И.Е.: После Гнедича (по поводу книги: Гомер в переводе П.А. Шуйского / Под общей ред. И.А. Летовой. Екатеринбург, 2017). *Studia historica* 16, 206–223.
- Surikov, I.E. 2020: Tri rannikh istorika: Akusilay Argoskiy, Kharon Lampsakskiy, Damast Sigeyskiy (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy) [Three early historians: Acusilaus of Argos, Charon of Lampsacus, Damastes of Sigeum (translated from Greek and commented)]. *Aristey* [Aristeas] 22, 166–211.
- Суриков, И.Е.: Три ранних историка: Акусила Аргосский, Харон Лампсакский, Дамаст Сигейский (перевод с древнегреческого и комментарий). *Аристей* 22, 166–211.
- Surikov, I.E. 2021: Ferekid Afinskiy. Istorii (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy) [Pherecydes of Athens. Histories (translated from Greek and commented)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 81/2, 539–568; 82/3, 797–828.
- <https://doi.org/10.31857/S032103910016269-8>
- Суриков, И.Е.: Ферекид Афинский. Истории (перевод с древнегреческого и комментарий). *ВДИ* 81/2, 539–568; 82/3, 797–828.
- Surikov, I.E. 2022: Gellanik Lesboskiy. Fragmenty (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy) [Hellanicus of Lesbos. Fragments (translated from Greek and commented)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 82/1, 231–251; 82/2, 512–533; 82/3, 761–784. <https://doi.org/10.31857/S032103910014690-2>
- Суриков, И.Е.: Гелланик Лесбосский. Фрагменты (перевод с древнегреческого и комментарий). *ВДИ* 82/1, 231–251; 82/2, 512–533; 82/3, 761–784.
- Teperik, T.F. 2023: Poetika ody i poetika perevoda: Goratsiy v perevode O.V. Smyki [Poetics of ode and poetics of translation: Horace in O.V. Smyka's translation]. In: I.A. Ladynin, A.F. Safronov (eds.),

Vserossiyskayanauchnayakonferentsia "XXII Sergeevskie chteniya". Sbornik tezisev [All-Russia scientific conference "XXII Sergeev readings". A collection of theses]. Moscow, 60.

Теперик, Т.Ф.: Поэтика оды и поэтика перевода: Гораций в переводе О.В. Смыки. В кн.: И.А. Ладынин, А.В. Сафронов (ред.), *Всероссийская научная конференция «XXII Сергеевские чтения»*. Сборник тезисов. М., 60.

Tsagalis, C. 2016: The Gods in Cyclic Epic. In: J.J. Clauss, M. Cuypers, A. Kahane (eds.), *The Gods of Greek Hexameter Poetry: From the Archaic Age to Late Antiquity and Beyond*. Stuttgart, 95–117.

Zakharova, A.V. 2021: Ob istorii knigi [On the book's history]. In: A.V. Zakharova (ed.), *Daret Frigiyskiy. Istoriya o razrushenii Troi [Dares Phrygius. The history of Troy's destruction]*. Saint Petersburg, 7–73.

Захарова, А.В.: Об истории книги. В кн.: А.В. Захарова (ред.), *Дарет Фригийский. История о разрушении Трои*. СПб., 7–73.

Anacharsis
1/1 (2026), 179–191
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 179–191
© The Author(s) 2026

DOI:

ХРЕСТОМАТИЯ «АНТИЧНЫЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА В ИСТОЧНИКАХ» (1933): ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ В ИЗЛОЖЕНИИ С.А. ЖЕБЕЛЁВА*

А.М. Скворцов

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3287-4154

Аннотация: Впервые публикуется «Послесловие к сборнику «Античный способ производства в источниках»» (1934), принадлежащее перу С.А. Жебелёва и хранящееся в его же фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В рукописи автор представляет собственную историю создания хрестоматии «Античный способ производства в источниках», вышедшую под эгидой Государственной академии истории материальной культуры в 1933 г. С.А. Жебелёв подчеркивает свою ведущую роль в осуществлении проекта и свидетельствует о недостаточной компетентности сотрудников сектора рабовладельческой формации ГАИМК, привлеченных к переводу источников. С.И. Ковалёв, который, как и С.А. Жебелёв, выступал редактором данного сборника, на деле принимал минимальное участие в его создании, сосредоточившись на решении актуальных в начале 1930-х гг. теоретических вопросов античной / рабовладельческой формации в русле марксизма. Публикация сопровождается комментариями и вводной статьей.

Ключевые слова: советское антиковедение, С.А. Жебелёв, С.И. Ковалёв, ГАИМК, историография, история науки

SOURCEBOOK «THE ANCIENT MODE OF PRODUCTION IN SOURCES» (1933): THE HISTORY OF ITS CREATION AS PRESENTED BY S.A. ZHEBELEV

Artem M. Skvortsov

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

E-mail: artyom-skvorcov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3287-4154

Abstract: The article presents the first publication of S.A. Zhebelev's «Afterword to the Collection «The Ancient Mode of Production in Sources»» (1934), preserved in his personal archive at the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. In this manuscript, the author offers his own account of the history behind the compilation of the sourcebook «The Ancient Mode of Production in Sources», published under the auspices of the State Academy for the History of Material Culture (SAHMC (GAIMK)) in 1933 Zhebelev emphasizes his leading role in the preparation of the volume and points to the insufficient competence of the staff members of the

* Данные об авторе. Скворцов Артем Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Sector of the Slaveholding Formation of GAIMK who were involved in the project. S.I. Kovalev, who formally served as co-editor alongside Zhebelev, in fact took only minimal part in the work, being primarily engaged with theoretical issues concerning the ancient (slaveholding) formation within the framework of Marxist scholarship, which were particularly pressing in the early 1930s. The publication is accompanied by an introductory article and scholarly commentary.

Keywords: Soviet classical studies, S.A. Zhebelev, S.I. Kovalev, GAIMK, historiography, history of scholarship

В фонде С.А. Жебелёва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранится ряд документов автобиографического характера, написанных в период 1932–1935 гг. Знаменитый отечественный антиковед был убежден, что «в направлении его деятельности в дальнейшем существенных перемен не произойдет, что будущее будет продолжением прошлого»¹, поэтому в этих документах он подвел определенные итоги своим занятиям древностью. Вместе с этим, он предложил их читателю собственные версии событий научной жизни, в которых принимал непосредственное участие. Эти версии отличались от официальной информации и бытующих слухов. В письме своей ученице А.И. Болтуновой (тогда – Амиранашвили) от 19 июня 1932 г. С.А. Жебелёв сообщал о желании бросить многочисленные дела и заняться составлением автонекролога, «чтобы дать отчет о прожитой жизни самому себе, ибо знаю, что одни меня будут очень хвалить, а другие очень бранить, а на самом деле никто ни из хвалителей, ни из бранителей не знает ведь, что я сам о себе думаю и как сложилась и при каких условиях протекала моя 40-летняя работа»². К документам такого типа относятся: упомянутый автонекролог³, записка «Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем»⁴, завещание С.А. Жебелёва⁵, «Послесловие к статье “Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре”»⁶ и, наконец, «Послесловие к сборнику “Античный способ производства в источниках”», которому посвящена наша статья. Все они, вероятно, не предназначались для публикации при жизни, поскольку в них автор довольно критически (за исключением, естественно, завещания) высказывается о процессах в советской науке⁷, ностальгирует по прошедшим временам, сравнивая их с современным положением дел.

Судя по всему, именно в начале 1930-х гг. С.А. Жебелёв наиболее остро начинает ощущать разрыв с дореволюционной эпохой, с теми принципами

¹ Frolov, Tunkina 1993, 177.

² СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д 171. Л. Л. 116–116 об.

³ О нем см.: Kallistov 1968; Frolov, Tunkina 1993.

⁴ Zhebelev 2002.

⁵ Оно опубликовано на официальном сайте Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, см.: <https://ranar.spb.ru/srv/imageViewer/img?url=kJ2VmpyLwsvJysbPzszOxtmei4uN-wsvJys7PxsrGy9mYjZCKj8LLycrOz8bKycvZjJqNlp6TwsnH2ZyKjY2akYuvnpiawsnI2Z-qHi8LRiY+Y>

⁶ Kirillova 2022.

⁷ Kirillova 2022, 477.

научного познания, которые культивировались прежде. В письмах А.И. Болтуновой, проживавшей тогда в Грузии, он откровенно рассказывает о ситуации в ленинградских академических институтах и университете: о чистках в ГАИМК, о росте влияния Н.Я. Марра и яфетидологии, о кумовстве, о «царящем спехе» в производстве научной продукции и т.д.; выражает обеспокоенность будущим классической филологии, считая вредной деятельность Б.Л. Богаевского, С.А. Семенова-Зусера, Р.В. Шмидт, К.М. Колобовой, О.М. Фрейденберг и др. («молодое поколение исковеркается, и науке от него не будет ни тепло, ни холодно»)⁸.

Происходившие перемены в науке С.А. Жебелёв часто изображал в упомянутых письмах на примере работы Государственной академии истории материальной культуры, где он тогда состоял. В начале 1930-х гг. это учреждение переживало реорганизацию и, как следствие, расширение своего исследовательского поля. Изначальный археологический профиль уходил на второй план, уступая место разработке широких теоретических проблем исторической науки в русле формационного подхода. Именно там в 1932–1934 гг. сформировалась знаменитая «пятичленка», был подобран «канон» марксистских текстов, ставший базой при изучении докапиталистических обществ, а также создана схема исторического процесса, в рамках которой следовало интерпретировать отдельные сюжеты⁹. О причинах перемен в ГАИМК можно судить по свидетельствам С.И. Ковалёва. Изначально, в 1931 г., все члены сектора античной формации были разбиты на четыре группы (или бригады), каждая из которых занималась определенной отраслью производства античных колоний: группа сельского хозяйства, группа промышленности, группа транспорта, группа по изучению профессионально-классового состава населения. «Однако, – продолжает С.И. Ковалёв, – работа 1931 г. показала нам, что ставить сколько-нибудь широко историю материального производства античных колоний почти невозможно. На каждом шагу мы упирались в общие проблемы, связанные с античным обществом, с античной метрополией. Поэтому, если мы не хотели оставаться узкими вещеведами, археологами в старом смысле слова, мы должны были возможно скорее переключиться на изучение античного производства вообще»¹⁰.

ГАИМК запомнилась современникам своими многочисленными и многочасовыми заседаниями, которые представитель «старой школы» С.А. Жебелёв считал пустой тратой времени¹¹, а историки нового марксистского поколения –

⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 86–150 об.

⁹ Formozov 2006, 162–184; Ladynin 2024, 24–26.

¹⁰ Skvortsov 2024, 83.

¹¹ Приведем некоторые выдержки из его писем А.И. Болтуновой: «Я изнемогаю от заседаний в ГАИМК: третьего дня с 5 до 8, сегодня с 5 до 9 <...>. Для меня толку от них никакого, зато утомление большое, вечера пропадают для работы» (письмо от 31 января 1934 г.) (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 142–142 об.); «У нас заседание, заседание и заседание.

живым и демократическим по форме обсуждением теоретических вопросов, в результате которого происходило «открытие истин»¹². Однако все же дискуссии не были самоцелью: следовало сконструировать идеологически выверенную схему исторического процесса для наполнения ее в дальнейшем конкретным содержанием¹³. Теоретические схемы, которые создавались ведущими научными сотрудниками ГАИМК, представлялись во всей их полноте и с подробной аргументацией в ходе пленарных и секционных заседаний многолюдному собранию научной общественности (посещение заседаний было обязательным), что, можно сказать, легитимизировало принятое по итогам обсуждения решение.

В результате, ГАИМК стала центром советской науки о древности и оставалась таковой до середины 1930-х гг. Этот статус подкреплялся соответствующими масштабными коллективными проектами и объемными теоретическими статьями¹⁴. Так, в 1932 г. вышла в свет хрестоматия «К. Маркс и Ф. Энгельс об античности». Её предыстория следующая. По словам С.А. Жебелёва, еще в 1931 г. О.О. Крюгер предлагал в качестве «ударного обязательства» античного сектора собрать и перевести все свидетельства из источников об античном способе производства¹⁵. Для ученых, представлявших себе действительный объем работы, очевидна была нереализуемость этой затеи, но само предложение показательно. В конечном счете, решено было ограничиться хрестоматией, которая получила название «Античный способ производства в источниках».

Итак, работа над хрестоматией осуществлялась в рамках сектора античной / рабовладельческой формации Государственной академии истории материальной культуры в период 1931–1932 гг. Издание было опубликовано в 1933 г. тиражом 3000 экземпляров под редакцией С.А. Жебелёва и С.И. Ковалёва, с предисловием А.Г. Пригожина. Оно представляет собой довольно увесистый сборник (без малого 600 страниц), «литературных, эпиграфических и папирологических свидетельств о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима» (как следует из подзаголовка). Опубликованные источники разнесены по разделам: «Рабский труд» (С.А. Жебелёв, С.И. Ковалёв, О.О. Крюгер, А.И. Малеин¹⁶), «Свободный труд» (Н.Н. Залесский, Р.В. Шмидт), «Крепостной труд» (С.И. Ковалёв, Н.Д. Салганик), «Техника» (С.А. Жебелёв, Н.Н. Залесский, С.И. Ковалёв, А.В. Мишулин), «Землевладение и домовладение» (С.А. Жебелёв, Е.Г. Ка-

Это в ГАИМК. Просто с ума сошли» (письмо от 25 февраля 1934 г.) (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 142–142 об.). С.Я. Лурье вспоминал, что непрерывные дискуссии в ГАИМК ничем не отличались от политических доносов (Lur'e 2004, 131).

¹² Kolobova 1961, 361.

¹³ Ladynin 2024, 24.

¹⁴ См. работы С.И. Ковалёва: Kovalev 1932; Kovalev 1933.

¹⁵ См. ниже публикацию «Послесловия».

¹⁶ Здесь и далее в скобках приведены составители разделов.

гаров, О.О. Крюгер), «Торговля, торговый капитал и торговый транспорт» (Е.Г. Кагаров, К.М. Колобова, А.И. Малеин), «Денежный капитал» (М.С. Альтман, Н.Н. Залесский), «Государственное и городское хозяйство» (С.А. Жебелёв), «Классовая борьба» (С.А. Жебелёв, С.И. Ковалёв, О.О. Крюгер, Н.Д. Салганик), «Социально-экономические взгляды античных писателей» (С.А. Жебелёв, К.М. Колобова). Внутри почти всех разделов (за исключением раздела «Крепостной труд») имеется рубрикация. В конце хрестоматии содержится указатель имен и предметов, а в начале – предисловие, карта Древней Греции и Древней Италии. Поскольку само издание представляет собрание переведенных источников, причем, без комментария, задающего трактовку представленного материала в определенном ключе¹⁷, то оно оказалось не сильно нагруженным в идеологическом отношении. По свидетельству С.А. Жебелёва, имеющемуся в «Послесловии», никаких общих критериев и принципов подбора материала выработано не было: каждый составитель самостоятельно формировал свой раздел. Думается, появление в большинстве разделов в качестве автора-составителя Жебелёва обусловлено его большим кругозором и начитанностью в древних авторах, по сравнению с большинством участников проекта. Он вносил дополнения, прежде всего за счет эпиграфики. В результате нельзя сказать, что издание получилось абсолютно монолитным в идеологическом отношении, четко попадающим в рамки определенной концепции или программы. Обратимся к содержанию книги. В разделе о торговле читатель получает самую разнообразную информацию об основных торговых центрах древнего Средиземноморья, предметах купли-продажи, формах торговли, организации рынка в различных греческих полисах, о ценах, коммерческом праве и, наконец, об отношении общества к торговцам – представлена, таким образом, одна из сфер повседневной жизни античного общества в различных ее проявлениях; восьмой раздел позволяет узнать разные аспекты городской жизни и коммунального хозяйства античности и т.д. В то же время, обращает на себя внимание порядок расположения разделов. Первый из них посвящен рабам и только второй – труду свободных граждан, что должно было подчеркивать высокое значение рабства в экономике античного общества. Предпоследний раздел «Классовая борьба» в логике марксизма вытекает из предыдущих, изображающих различные формы труда и особенности производства в разных сферах. Расположение раздела «Социально-экономические взгляды античных писателей» в конце хрестоматии служит реализации идеи К. Маркса о «надстройке» как совокупности взглядов и учреждений, обусловленных экономическим «базисом».

¹⁷ Впрочем, изредка встречаются заголовки, которые могут нацеливать на вполне определенную интерпретацию следующего затем фрагмента: «Античное государство – государство рабовладельцев» (с. 63), «Пережитки аграрного коммунизма на Липарских островах» (с. 160), «Первое сицилийское восстание как сигнал к широкому движению рабов» (с. 393), «Революционное движение в Аттике» (с. 415) и др.

Идеологическое значение имело предисловие, принадлежавшее перу А.Г. Пригожина, члена президиума и заместителя председателя ГАИМК, которое подготавливало восприятие материала источников под определенным углом зрения¹⁸. Оно начинается общими рассуждениями о важности изучения античности – «первой формы классового существования», давшей «начало такому величайшей важности историческому феномену как социальная революция»¹⁹. Основным смысл предисловия заключается в том, чтобы еще раз проговорить тезис об античном обществе как одном из видов рабовладельческой формации и показать на основании отдельных выдержек из хрестоматии доминирование рабства во всех сферах жизни греческого и римского общества, а также социальные противоречия, вылившиеся в ожесточенную классовую борьбу. Эти рассуждения сопровождаются ссылками на классиков марксизма. Заметим, что именно в 1932 г., когда завершалась подготовка хрестоматии, сектор античной формации ГАИМК был переименован в сектор рабовладельческой формации, что, по словам руководителя этого подразделения С.И. Ковалёва, отражало «методологический рост» коллектива. «Мы, – писал он, – стали смотреть теперь [т.е. в 1932 г. – А.С.] на античное общество как на конкретно-историческую форму рабовладельческой формации, как на одну из возможных разновидностей рабовладельческого общества»²⁰. Возвращаясь к предисловию, еще раз акцентируем внимание на том, что в хрестоматии картина, создаваемая цитатами из источников, получилась не такой однобокой, как представил ее А.Г. Пригожин. Показательно, что С.А. Жебелёв видел пользу этого издания в «распространении некоторых сведений о древнем мире среди лиц, не умеющих читать ни по-гречески, ни по-латински, т.е. [сборник источников] послужит пропаганде той науке, которая раньше именовалась филологией»²¹. Другими словами, академик видел значение хрестоматии не в иллюстрации тезиса о классовой борьбе в античном мире, а в популяризации античности. По крайней мере, ему, вероятно, хотелось бы в это верить.

По словам С.А. Жебелёва, изначально предисловие было составлено С.И. Ковалёвым, вторым редактором хрестоматии, но в печать пошло именно предисловие А.Г. Пригожина, имевшего, как указано выше, высокий административный пост в ГАИМК. С.А. Жебелёв выражает недоумение по этому поводу, но ситуация не была уникальной. Первый заместитель председателя ГАИМК Ф.В. Кипарисов назвал А.Г. Пригожина бестактным, в частности, за то, что тот «считает уместным писать предисловия к работам академика Жебелёва или по истории Древнего Востока к работам профессора Струве. На них, по-видимому,

¹⁸ Об А.Г. Пригожине см.: Pankratova 2020.

¹⁹ Prigozhin 1933, 1.

²⁰ Skvortsov 2024, 84.

²¹ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171. Л. 115 об. (Письмо С.А. Жебелёва А.И. Болтуновой от 19 июня 1932 г.)

это производит тяжелое впечатление, хотя они мрачно молчат на эту тему»²². Когда А.Г. Пригожина в середине 1930-х гг. арестовали, то его предисловие из хрестоматии стали удалять²³. Так, даже в экземпляре, принадлежащем С.А. Жебелёву и хранящемся ныне в отделении Библиотеки Академии наук при Санкт-Петербургском институте истории РАН, на титульном листе и в оглавлении вымарана фамилия Пригожина, а само предисловие аккуратно вырезано.

Послесловие С.А. Жебелёва позволяет получить информацию и о ходе работы над хрестоматией. Участие в ней в качестве составителя предполагало, конечно, знание древних языков. Когда только сектор античной формации был организован, то в его штате оказалось много молодых ученых, относительно недавно окончивших вузы и не имевших значительных практических навыков перевода античных авторов (М.С. Альтман, К.М. Колобова, Н.Д. Салганик, Р.В. Шмидт). Без привлечения для работы над хрестоматией по договору более опытных коллег (Е.Г. Кагарова и А.И. Малеина) было не обойтись. В публикуемом послесловии автор стремится представить себя главной движущей силой всего издания: ему пришлось заниматься не только литературным редактированием, но и в ряде случаев заново переводить некоторые отрывки, переведенные молодыми сотрудниками ненадлежащим образом. Эта работа отняла у С.А. Жебелёва много времени, что следует из послесловия и подтверждается другими источниками. Во втором предисловии (данном после предисловия Пригожина) отмечено: «Весь эпиграфический материал для всех отделов подобран и переведен С.А. Жебелёвым <...>. Указатель составлен С.А. Жебелёвым, который вообще уделил особенно много внимания и времени работе над настоящим сборником»²⁴. В своем отчете как сотрудника сектора рабовладельческой формации ГАИМК С.А. Жебелёв (не без раздражения) написал, что в 1932 г. трудился исключительно над хрестоматией об античном производстве: «Эта работа поглотило все бывшее в распоряжении рабочее время, оставшееся свободным от преподавания греческого языка и посещения длительных заседаний бригады и сектора»²⁵. Поэтому у него вызвал недоумение одинаковый с С.И. Ковалёвым гонорар в 500 руб. Роль Ковалёва-редактора ограничилась, по словам Жебелёва, только добавлением ссылок и распределением отрывков из источников по разделам.

Сам С.И. Ковалёв, хоть и назвал хрестоматию «органическим звеном в развитии античного коллектива Академии», но все же не считал ее научно-исследовательской по характеру²⁶. Работа с конкретным историческим

²² Цит. по: Pankratova 2020, 377.

²³ Об изъятии в середине 1930-х гг. из библиотек журналов со статьями Пригожина писал И.М. Дьяконов: D'yakov 1995, 277.

²⁴ Editorial 1933, 10.

²⁵ НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1(1932). Д 32. Л. 11.

²⁶ Skvortsov 2024, 84.

материалом, источниками, не входила в сферу первоочередных интересов и задач С.И. Ковалёва. Он планировал, как замечает С.А. Жебелёв, в качестве предисловия к сборнику поместить собственную статью теоретического характера, что могло бы в то время подтвердить его лидерские позиции в молодом «советском антиковедении». Однако хрестоматия вышла с предисловием А.Г. Пригожина. Между тем, получившаяся в итоге книга действительно была основательной, а привлеченный материал отличался разнообразием. Даже через несколько десятилетий В.И. Кузищин в своем учебнике по историографии античной истории назовет хрестоматию «лучшей по социально-экономической истории античности» и не потерявшей свое значение²⁷.

* * *

Публикуемый ниже текст «Послесловия» представляет собой рукопись, принадлежащую перу С.А. Жебелёва. Археографический комментарий возможно дать такой же, какой дала М.Н. Кириллова при публикации «Послесловия к статье “Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре”»: «Текст, написанный от руки практически без помарок, не везде стилистически безупречен, что наводит на мысль, что Жебелёв сразу писал его начисто без черновика. При повторном прочтении он внес на поля исправления и дополнения, по-видимому, стремясь сделать текст более понятным потенциальному читателю»²⁸. Еще раз подчеркнем тем самым идентичность источников не только в целеполагании, но и в манере написания.

Документ публикуется нами в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (1990) и «Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде» (2022). Без оговорок исправлялись явные описки. Орфография и пунктуация даны в соответствии с современными правилами. Подчеркивание и зачеркивания принадлежат автору рукописи.

ЖЕБЕЛЁВ С.А.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СБОРНИКУ «АНТИЧНЫЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА В ИСТОЧНИКАХ»

Известия ГАИМК, Вып. 78. Л., 1933

3 января 1934 г.

[Л.1] Прежде предисловия к книгам писали их авторы, а если книга представляла перевод – редакторы. К книге, заглавие которой приведено выше, предисловие написано А.Г. Пригожиным²⁹, который в составлении ее участия не

²⁷ Kuzishchin 1980, 330.

²⁸ Kirillova 2022, 476.

²⁹ Пригожин Абрам Григорьевич (1896–1937) – «красный профессор», член РКП(б), активный участник дискуссий о формациях в ГАИМК; окончил Институт красной профессуры

принимал и в редактировании не участвовал. Первоначально предисловие было составлено С.И. Ковалёвым³⁰. Почему оно было забраковано, мне неизвестно. В предисловии Ковалёва, корректуру которого я читал, все было на месте: и соответствующие цитаты, и ссылки на основоположников марксизма-ленинизма и, как полагается, выпады против Ростовцева³¹ (в предисловии Пригожина о Ростовцеве не упомянуто вовсе).

В настоящем послесловии я хотел бы кратко изложить историю «создания» и «оформления» книги. Как «ударное обязательство» античного сектора на 1931 г. Крюгером³² выдвинуто было предложение: собрать и перевести все свидетельства античных авторов, надписей и папирусов, касающихся античного способа производства. Как умел, я постарался доказать эфемерность этой затеи и тогда решено [было] ограничиться составлением хрестоматии, куда должны были войти лишь избранные отрывки. Редакторами издания были намечены Ковалёв и Крюгер. Работа была распределена между сотрудниками сектора, знающими древние языки; они должны были выбрать подходящие отрывки и их перевести. [Л. 1 об.]

Вся эта работа должна была быть закончена к концу 1931 г.; свою порцию – выбор и перевод эпиграфического материала – я один исполнил к назначенному сроку, употребив на это дело два летних месяца.

Один из предполагавшихся редакторов издания, Крюгер, осенью 1931 г.,

(1924); с 1927 г. работал профессором сначала в Дальне-Восточном государственном университете, затем во Всесоюзном коммунистическом университете им. И.В. Сталина, Ленинградском государственном университете и Ленинградском историко-лингвистическом институте; в 1931–1932 гг. ученый секретарь Общества историков-марксистов при Коммунистической академии; в 1932–1934 гг. работал в ГАИМК (член президиума, заместитель председателя); обвинен «за участие в контрреволюционной троцкистской организации» и расстрелян.

³⁰ Ковалёв Сергей Иванович (1886–1960) – советский историк-антиковед, доктор исторических наук (1938), первый заведующий кафедрой истории древнего мира Ленинградского университета (1934–1956); окончил Петроградский университет (1922); в период с 1930 до 1937 гг. возглавлял сектор античной / рабовладельческой формации (позже – Институт рабовладельческого общества) ГАИМК.

³¹ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – русский и американский историк-антиковед, академик Петербургской Академии наук (1917), специалист по истории эллинизма, экономической истории древности, археологии Причерноморья; окончил Петербургский университет (1892), там же и преподавал до своей эмиграции в 1918 г.; с 1920 г. жил и работал в США. В результате Академического дела (1928 г.) С.А. Жебелёв вынужден был отречься от своего друга и коллеги М.И. Ростовцева.

³² Крюгер Отто Оскарович (1893–1967) – советский историк и папиролог, доктор исторических наук (1938); окончил Петроградский университет (1918), ученик Г.Ф. Церетели и М.И. Ростовцева; с 1918 г. преподавал в Петроградском / Ленинградском университете и других вузах, также работал в Государственном Эрмитаже и в ГАИМК (1920–1938). В начале 1930-х гг. активный участник «чисток» в ГАИМК, в ходе которых С.А. Жебелёв был обвинен в плагиате (Anan'ev, Bukharin 2021, 292–294). В это же время принимал участие в «чистках» в Эрмитаже.

после «эрмитажной чистки», заболел и болел долго. Это обстоятельство побудило сектор вторым редактором назначить меня, что имело место в конце 1931 г. Т[аким] о[бразом], никакого участия в подборе отрывков, в руководстве этим делом я не принимал и никакой ответственности за него принять на себя не могу. Ковалёв, как я знаю, также этим делом не занимался, и сотрудники издания работали над выборкой материала, что называется, *proprio motu*³³, причем оказалось необходимым привлечь к работе посторонних сотрудников (Кагарова³⁴, Малеина³⁵, Залесского³⁶).

С января 1932 г. ко мне стали поступать на редакцию переводы выбранных самими сотрудниками отрывков, и это поступление материала шло до осени 1932 г. Над сверкой ~~отрывков~~ перевода отрывков с оригинала мне пришлось затратить очень много времени, в некоторых случаях не меньше того ~~пришлось~~ время пришлось употребить на редактирование перевод[а] с литературной стороны. Менее всего мне пришлось работать над отрывками, переведенными Малеиным и Кагаровым, отчасти Крюгером. Все же остальные переводчики, поскольку [Л. 2] они пользовались не готовыми переводами, а переводили заново, доставили мне немало хлопот. Сверх всего этого мне пришлось перевести заново немало отрывков, упущенных переводчиками; с другой стороны, в книгу попали отрывки, которые смело могли отсутствовать (в особенности это нужно сказать об отрывке из Герона Александрийского³⁷, но на помещении этого от-

³³ «По собственной инициативе» (лат.) .

³⁴ Кагаров Евгений Георгиевич (1892–1942) – российский и советский историк, филолог и этнограф, доктор исторических наук (1919), специалист по древнегреческой религии; окончил Новороссийский университет (1906), ученик Э.Р. фон Штерна; преподавал в Новороссийском и Харьковском университетах, а с 1925 г. в ленинградских вузах; с 1926 г. работал в Институте антропологии и этнографии АН СССР, где руководил кабинетом Европы и Кавказа.

³⁵ Малеин Александр Иустинovich (1869–1938) – российский филолог-классик, библиограф, книговед, доктор филологических наук (1905), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1916), крупнейший специалист по латинским рукописям; окончил Петербургский Историко-филологический институт (1892); преподавал в разных учебных заведениях Петербурга, в том числе в Университете; в 1924–1931 гг. работал в Библиотеке АН СССР, где организовал Кабинет инкунабул, редких иностранных книг, рукописей и гравюр; с 1931 г. – сотрудник Института книги, документа и письма АН СССР.

³⁶ Залесский Николай Николаевич (1900–1984) – советский историк-антиковед, этрусколог; окончил Ленинградский университет (1925); с 1930 г. в ГАИМК внештатный научный сотрудник, а с 01 июня 1933 г. зачислен в ее штат (вероятно, об этом обстоятельстве не знал С.А. Жебелёв); с 1935 по 1937 гг. работал старшим научным сотрудником и секретарем кафедры истории Древнего Рима в ГАИМК, там же учился в аспирантуре; в 1935 г. в ГАИМК защитил кандидатскую диссертацию «Процесс образования классов в этруском обществе».

³⁷ Герон Александрийский (I в. н.э.) – греческий математик и механик. Ему принадлежат такие сочинения, как «Метрика», «Пневматика», «Автоматопозтика», «Механика», «Катоптрика» и «О диоптре». В «Послесловии» С.А. Жебелёва речь идет о самом большом фрагменте из источника, помещенном в хрестоматию (с. 145–164) – из «Театра автоматов» Герона в переводе А.Н. Сидорова, где изображено устройство целого театра, представление в котором разыгрывали фигурки-куклы, приводимые в движение механизмами.

рывка настаивал Мишулин³⁸, а он был тогда *persona grata*³⁹)⁴⁰. И все же я должен прямо сказать, что в хрестоматии имеется много существенных пропусков (особенно это касается материала из эпохи Римской империи, на что я своевременно указывал соредактору, Ковалёву). В общем, должно сказать, что хрестоматия составлялась «самотеком», без надлежащего руководства. Работа Ковалёва выразилась лишь в том, что он распределил отрывки по отделам, расположил их по номерам и составил т.н. ссылочные указания. Книга печаталась долго, чуть ли не год, и на чтение корректур, выпавшее исключительно на меня, я затратил немного времени. Думаю, что, в общем, работа над книгой стоила мне до 1 ½ лет времени. В виде «премии» мне за мою работу по редактированию⁴¹ ГАИМК дала 500 руб.; столько же получил и Ковалёв; сотрудники не получили ничего, за исключением тех, которые привлечены были со стороны и которые получали отдельно. Говорят, книга уже разошлась.

С. Жебелёв

СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–2. Подлинник. Автограф.

ЛИТЕРАТУРА

- Anan'ev, V.G., Bukharin, M.D. 2021: [“That’s the time we lived in, and I can’t shut up this fact...” (Academician S. A. Zhebelyov and the “chistka” of the GAIMK in 1930). *Trudy Otdeleniya istoriko-filologicheskikh nauk RAN [Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences]* 10, 278–315.
- Ананьев, В.Г., Бухарин, М.Д. «Вот в какое время мы жили, и замолчать этот факт я не могу...» (Академик С.А. Жебелёв и «чистка» ГАИМК в 1930 г.). Труды Отделения историко-филологических наук РАН 10, 278–315.
- D'yakov, I.M. 1995: *Kniga vospominanij [The Book of memories]*. Saint Petersburg.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki [Russian Archaeologists in Totalitarian Russia: Historiographical Studies]*. Moscow.
- Формозов, А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti (istoriograficheskie ocherki)*. [Russian Studies of Antiquity (historiographical essays)]. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности (историографические очерки)*. СПб.
- Frolov, E.D., Tunkina, I.V. 1993: [Historiographic studies of S.A. Zhebelev (from the unpublished scientific heritage): Zhebelev S.A. Self-made obituary notice]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 172–201.
- Фролов, Э.Д., Тункина, И.В. Историографические этюды С.А. Жебелёва (из неизданного науч-

³⁸ Мишулин Александр Васильевич (1901–1948) – советский историк-антиковед, доктор исторических наук (1943); окончил Московский университет (1921), учился в аспирантуре РАНИОН и Комакадемии; в 1930–1937 гг. работал в ГАИМК; с 1934 г. профессор Московского университета; получил степень кандидата наук без защиты диссертации (1935) за монографию о Спартакском восстании.

³⁹ «Желательная персона» (лат.).

⁴⁰ Фрагмент, выделенный вертикальными чертами, был дописан на полях с пометкой, где именно в тексте он должен располагаться.

⁴¹ Вставлено над строкой.

- ного наследия): Жебелёв С.А. Автонекролог. ВДИ 2, 172–201.
- Kallistov, D.P. 1968: [“Autonext” by Sergey Aleksandrovich Zhebelev]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 152–158.
- Каллистов, Д.П. «Автонекролог» Сергея Александровича Жебелёва. ВДИ 3, 152–158.
- Kirillova, M.N. 2022: [The Story of Zhebelev’s Best Known Article as Told by its Author. A Postscript to ‘The Last Paerisades and the Scythian Revolt in the Bosporan Kingdom’]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 82(2), 473–484. <https://doi.org/10.31857/S032103910020347-4>
- Кириллова, М.Н. История самой известной статьи С.А. Жебелёва, рассказанная ее автором. Послесловие к статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре». ВДИ 82(2), 473–484.
- Kolobova, K.M. 1961: [Professor S.I. Kovalev]. *Ezhegodnik Muzeya istorii religii i ateizma* [Yearbook of the Museum of the History of Religion and Atheism] 5, 359–375.
- Колобова, К.М. Профессор С.И. Ковалёв. Ежегодник Музея истории религии и атеизма 5, 359–375.
- Kovalev, S.I. 1932: *Uchenie Marksa i E’ngel’sa ob antichnom sposobe proizvodstva* [Marx and Engels’ Theory of the Ancient Mode of Production]. Leningrad.
- Ковалёв, С.И. Учение Маркса и Энгельса об античном способе производства. (Известия ГАИМК, вып. 9–10). Л.
- Kovalev, S.I. 1933: *Ob osnovny’x problemax rabovladel’cheskoj formacii* [On the main problems of the slaveholding system]. Leningrad.
- Ковалёв, С.И. Об основных проблемах рабовладельческой формации. (Известия ГАИМК, вып. 64). Л.
- Kuzishchin, V.I. (ed.) 1980: *Istoriografiya antichnoj istorii* [Historiography of ancient history]. Moscow.
- Кузищин, В.И. (ред.) Историография античной истории. М.
- Ladynin, I.A. 2024: *Ocherki po istorii sovetsoj nauki o drevnem mire* [Essays on the History of Soviet Science on the Ancient World]. Moscow.
- Ладынин, И.А. Очерки по истории советской науки о древнем мире. М.
- Lur’e, Ya.S. 2004: *Istoriya odnoj zhizni* [The story of one life]. Saint Petersburg.
- Лурье, Я.С. История одной жизни. СПб.
- Pankratova, E.G. 2020: [Notes on the biography of “the leader of the terrorist organization of the State Academy for the History of Material Culture” A.G. Prigozhin (based on the archive criminal investigations case files)]. *Archeologicheskie vesti* 29, 376–384. <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2020-29-376-384>
- Панкратова, Е.Г. К биографии «руководителя террористической организации ГАИМК» А.Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела). Археологические вести 29, 376–384.
- Editorial 1933: [The preface]. In: S.A. Zhebelev, S.I. Kovalev (eds.), *Antichnyy sposob proizvodstva v istochnikakh: literaturnye, epigraficheskie i papirologicheskie svidetel’sтва o sotsial’no-ekonomicheskoy istorii drevney Gretsii, ellinisticheskogo Vostoka i Rima* [Ancient Mode of Production in Sources: Narrative, Epigraphical and Papyrological Evidences on Social-Economic History of Ancient Greece, Hellenistic Orient and Rome]. Leningrad, 9–10.
- От редакции. Предисловие. В сб.: С.А. Жебелёв, С.И. Ковалёв (ред.), Античный способ производства в источниках: литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима. Л., 9–10.
- Prigozhin, A.G. 1933: [The preface]. In: S.A. Zhebelev, S.I. Kovalev (eds.), *Antichnyy sposob proizvodstva v istochnikakh: literaturnye, epigraficheskie i papirologicheskie svidetel’sтва o sotsial’no-ekonomicheskoy istorii drevney Gretsii, ellinisticheskogo Vostoka i Rima* [Ancient Mode of Production in Sources: Narrative, Epigraphical and Papyrological Evidences on Social-Economic History of Ancient Greece, Hellenistic Orient and Rome]. Leningrad, 1–9.

- Пригожин, А.Г. Предисловие. В сб.: С.А. Жебелёв, С.И. Ковалёв (ред.), *Античный способ производства в источниках: литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима*. Л., 1–9.
- Skvortsov, A.M. 2015: [The role of GAIMK in forming of Soviet ancient history]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of Chelyabinsk State University. History] 24/66, 197–201.
- Скворцов, А.М. Роль ГАИМК в становлении советского антиковедения. *Вестник Челябинского государственного университета. История* 24/66, 197–201.
- Skvortsov, A.M. 2024: [An unpublished article by S.I. Kovalev from 1932–1933 on the history of classical studies in Russia]. *Vspomogatel'ny'e istoricheskie discipliny* [Auxiliary Historical Disciplines] 43(4), 56–92.
- Скворцов, А.М. Неизданная статья С.И. Ковалёва 1932–1933 гг. об истории антиковедения в России. *Вспомогательные исторические дисциплины* 43(4), 56–92.
- Vinogradov, Ju.A. 2013: Otdel istorii antichnoj kul'tury [Department of the History of ancient Culture]. In: *Akademicheskaja arheologija na beregah Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014 gg.)* [Academic archeology on the banks of the Neva River (from RAIMK to IIMK RAS, 1919–2014)]. Saint Petersburg, 160–190.
- Виноградов, Ю.А. Отдел истории античной культуры. В сб.: *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)*. СПб., 160–190.
- Zhebelev, S.A. 2002: [Scientific degrees in their past, their renaissance in present and threatening danger of their disappearance in the future (Publication and comments by I.V. Tunkina: from the scientific heritage: a note on deliverance of scientific degrees by S.A. Zhebelev)]. *Oчерki istorii otechestvennoj arkheologii* [Outlines of the History of Russian Archaeology] III, 142–195.
- Жебелёв, С.А. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем (Публикация и примечания И.В. Тункиной. Из научного наследия: записка о присуждении ученых степеней С.А. Жебелёва). *Очерки истории отечественной археологии* III, 142–195.
- Zhebelev, S.A., Kovalev, S.I. (eds.) 1933: *Antichnyy sposob proizvodstva v istochnikakh: literaturnye, epigraficheskie i papirologicheskie svidetel'stva o sotsial'no-ekonomicheskoy istorii drevney Gretsii, ellinisticheskogo Vostoka i Rima* [Ancient Mode of Production in Sources: Narrative, Epigraphical and Papyrological Evidences on Social-Economic History of Ancient Greece, Hellenistic Orient and Rome] Leningrad.
- Жебелёв, С.А., Ковалёв, С.И. (ред.) *Античный способ производства в источниках: литературные, эпиграфические и папирологические свидетельства о социально-экономической истории древней Греции, эллинистического Востока и Рима*. Л.

IVIRAN-ANACHARSIS.RU

ANACHARSIS-RED@YA.RU

